Луи Буссенар

Архипелаг чудовищ

Роман

Louis Boussenard. L’Archipel des monstres

Перевод Ю.Грейдинга, примечания Л.Лебедевой. Художник Л.Махов.

Буссенар Л. Собрание романов - Т. 8: Архипелаг чудовищ. Роман;

Рассказы и очерки. - М.: Ладомир, 1992. - 304 с.

OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru, http://zmiy.da.ru), 17.03.2004

В восьмой том Собрания романов популярного французского писателя Луи Буссенара (1847 - 1910) вошел впервые переведенный на русский язык роман “Архипелаг чудовищ”, являющийся продолжением романа “Сын парижанина” и рассказывающий о приключениях сына прославленного Виктора Гюйона, прозванного Фрике.

Сюда же включено восемь рассказов и очерков писателя, шесть из которых публикуются на русском языке впервые, а два - переведены

заново.

Часть первая

МАДАМ ЖОНАС

ГЛАВА 1

Прогулочная яхта. - Восторги мальчишки, который ничему не удивляется. - Роскошь. - Отплытие. - “Морган” и его экипаж. - Несчастливое число тринадцать. - На борту яхты миллиардера. - Торресов пролив. - Внезапная смерть?.. Убийство?

Элегантный экипаж, запряженный двумя великолепными лошадьми, остановился у причала Барм-Коув в Сиднее. Трое подростков, по сути совсем еще дети, спрыгнули на землю - красивая девушка лет пятнадцати, за нею два молодых человека, лет по семнадцати.

К пирсу была пришвартована великолепная яхта, белая, словно лебедь, сверкающая золотом, будто пагода*, изящная и прочная, как эскадренный миноносец**.

____

* Пагода - буддийский храм в Китае, Индии, Японии и ряде других стран Азии, чаще всего выстроен в виде многоярусной, богато украшенной башни.

** Эскадренный миноносец (эсминец) - боевой корабль, вооруженный артиллерией и минными (торпедными) аппаратами; современные эсминцы имеют и ракетное вооружение.

Бойкий светлоглазый юноша восхищенно воскликнул по-французски:

- О Боже, какой прекрасный корабль! Какая стройность, какие формы!..

- Хотел бы побывать на нем? - улыбаясь, спросил его товарищ.

- Еще бы!

- Я знаком с капитаном.

- Так пойдем скорее! Только захочет ли мисс Нелли составить нам компанию?

- С удовольствием! - отозвалась девушка.

Все трое быстро поднялись по трапу и оказались на спардеке* прогулочного судна.

---

* Спардек - навесная палуба, расположенная в середине судна.

Увидев молодых людей, седобородый капитан добродушно улыбнулся.

- Мисс Нелли, рад вас видеть.

- Здравствуйте, мистер Гаррисон!

- Здравствуйте, капитан Гаррисон! Позвольте представить вам моего

лучшего друга - мистера Тотора. Он из Парижа. Отличный товарищ и к тому же очень веселый малый.

- Рад познакомиться, месье. Добро пожаловать на борт.

Пожав прибывшим руки, капитан добавил:

- Господа, будьте как дома.

- Спасибо. С вашего разрешения мы осмотрим судно, - произнес Тотор.

- Пожалуйста, яхта в вашем полном распоряжении! - Капитан удалился.

Молодой человек по имени Гарри спустился по большой лестнице вниз и откинул портьеру:

- Вот апартаменты*.

---

* Апартаменты - здесь: роскошные каюты для пассажиров.

Тотор изумленно всплеснул руками.

- Боже! Как красиво!.. Чудо из “Тысячи и одной ночи”!* Сказочный дворец фей!

---

* “Тысяча и одна ночь” - многотомный сборник арабских сказок, переведенный на многие языки мира. Название получил оттого, что сказки

эти будто бы рассказывала только по ночам мудрая Шахразада своему мужу царю Шахрияру.

- Ты так думаешь?

- Думаю?! Да меня как пулей сразило! Слов не нахожу! Счастливчик хозяин такой яхты! А я-то млел перед нашими пакетботами*, жалкими шлюпками по сравнению с нею.

---

* Пакетбот - товаро-пассажирское судно, совершающее регулярные рейсы между определенными портами.

Тотор в восторге рассматривал большую столовую, отделанную красным кедром*, тиковой** и лимонной древесиной, оклеенную тиснеными обоями и увешанную охотничьими трофеями. Посередине стоял массивный стол розового дерева***, уставленный хрусталем и столовым серебром. Еще большее впечатление на юношу произвел замечательный салон с коврами, драпировками, фортепьяно, картинами знаменитых мастеров, орхидеями на этажерках, зеркалами, диванами, скульптурами и электрическими бра.

---

* Красный кедр - хвойное дерево семейства сосновых, обладает красивой красноватой древесиной.

** Тиковое дерево (тековое дерево, тик) - дерево семейства вербеновых с очень твердой и красивой древесиной.

*** Розовое дерево (дальбергия) - дерево, растущее в Ост-Индии, на о.Ява и в Центральной Америке; древесина розового цвета высоко ценится. Розовым деревом называют также одну из австралийских акаций.

Нелли и Гарри улыбались, слушая восторженные возгласы Тотора, впрочем, вполне обоснованные, - прогулочная яхта являла собой один из лучших образцов корабельной архитектуры.

Через несколько минут парижанин внезапно почувствовал, что пол под ногами слегка дрожит.

- Честное слово, по-моему, запустили машину… надо посмотреть! - удивленно проговорил он.

Прыгая через три ступеньки, Тотор взбежал по лестнице на палубу и застыл в изумлении: швартовы отданы, с железным скрежетом убирается трап, собравшиеся со всех сторон люди восторженно кричат. Друзья, смеясь, поднялись следом.

Оглушительно взревела сирена. Капитан наклонился к переговорному устройству и громко скомандовал в машинное отделение:

- Go ahead!*

---

* Вперед! (англ.)

Винт под кормой вспенивал сине-зеленую воду. Похожая на готовую

взлететь гигантскую морскую птицу, яхта напряженно дрожала.

В тот же миг прогремели два пушечных выстрела, на корме гордо поднялся флаг Соединенных Штатов.

- Я не ошибся! - произнес Тотор дрожащим голосом. - Мы отчалили, отплыли… Как в сказке… Правда?

- Как в сказке, если угодно, - загадочно ответил Гарри.

Корабль скользил по водной глади. Яркое солнце отбрасывало еще по-утреннему нежные лучи на волны, горы, леса, дома, превращая большой австралийский город в феерической* красоты картину.

---

* Феерия - пышное, красочное зрелище.

Звездный флаг трижды приспустился перед стоящими на банках* броненосцами. Военные суда ответили тем же. На удаляющейся набережной трепетали на ветру платочки и слышались восторженные приветствия:

---

* Банки - мели в море среди глубокого места.

- Гип-гип-гип ура “Моргану”! “Morgan” for ever!* Ура-а-а! “Morgan” for ever!

---

* Да здравствует Морган! (англ.)

- Они кричат “Morgan”!.. - изумился Тотор. - Но ведь так называется твой корабль!

- Это он и есть!

- Я думал, он в Америке!

- Прибыл оттуда… к твоим услугам!

- Значит, корабль, который не знает себе равных, принадлежит тебе! Ты его владелец, хозяин, адмирал!

- Он принадлежит мне, тебе, моей сестре Нелли, нам троим. Можем плыть куда захочется… По-американски!

- С ума сойду!

- Ну зачем же!

- Неужели все это всерьез?

- Вполне!

- Но я не попрощался с твоими родителями!

- Считай, что попрощался.

- И даже не предупредил своих в Париже.

- Я отправил им длинную телеграмму.

- А ответ?

- Думаю, он уже ждет нас. Вот, пожалуйста.

Свежевыбритый стюард* в белых перчатках и безупречном черном костюме принес на серебряном подносе телеграмму.

---

* Стюард - официант на корабле.

”Тотору, яхта “Морган”, Сидней, Австралия, - прочитал парижанин. - Сынок, приятного путешествия. Поклон семье Стоун. Нежно целуем, мама и я, Фрике”.

Тотор нашел руку товарища и крепко сжал ее. Он улыбался, а глаза его подернулись влагой.

- Знаешь, ты самый лучший друг на свете!.. Потрясающе все придумал!.. От всего сердца спасибо! Получается, что отец и мама в четырех тысячах лье* отсюда знали о моем отплытии, а я сам и не догадывался.

---

* Лье - французская миля, равная 4 км; в XX веке эта мера длины вышла из употребления.

- Это сюрприз.

- Сногсшибательный сюрприз… но объясни же все по порядку.

- Мистер Тотор, - с улыбкой произнесла девушка, - берегитесь! Сейчас мой брат произнесет речь… вы ведь знаете, американец в любую минуту готов обрушить на собеседника поток красноречия…

- Ну и хорошо, мисс Нелли! Пусть ораторствует сколько хочет.

- Сначала присядем.

Все трое уселись в кресла-качалки под тентом. Яхта медленно скользила по огромной бухте Порт-Джексон.

- Так вот, - начал Гарри, - мой отец, мистер Стоун, король шерсти, за услуги, которые ты мне оказал и которые я считаю неисчислимыми…

- Ну уж, неисчислимыми.

- Именно. Итак, Стоун-старший решил в благодарность дать тебе возможность закончить кругосветное путешествие - вот “Морган” и прибыл из Сан-Франциско в Сидней.

Что касается дорожных расходов, мой замечательный батюшка буквально набил трюмы… долларами! На яхте их триста тысяч наличными.

- Черт побери! Полтора миллиона франков! Какой у тебя щедрый предок! Такого отца не заменит и сотня дядюшек из Америки…

- А так как без доллара не обойтись ни на войне, ни в путешествии, папа расщедрился настолько, что к горе золота добавил толстую чековую книжку, открыв мне неограниченный кредит в банках обоих полушарий, и при этом сказал: “Тотор, которого я люблю как сына, сделал из тебя мужчину, не покидай же его ни на минуту, будь щедр, мы перед ним в неоплатном долгу”. К концу сборов сестра заявила, что тоже хочет отправиться в плаванье. Отказать ей было невозможно. Отец решил, что в наше путешествие Нелли привнесет очарование женственности.

- И мы втроем пустились в плавание… как миллиардеры!

- Ну вот, дорогой Тотор, и все объяснение. Не обижаешься, что тебя похитили?

- Меринос!* Ты замечательный, выдающийся американец, хотя нос у тебя вроде никуда не выдается. Ты мне как брат!

---

* Меринос (прозвище Гарри) - название породы тонкорунных овец; Гарри, очевидно, получил это прозвище потому, что его отец - промышленник, разбогатевший на торговле шерстью.

- Да, как брат, дорогой Тотор. А теперь, позволь, я познакомлю тебя с “Морганом” и командой: восемьсот тонн водоизмещения, двигатель в тысячу двести лошадиных сил, оснастка - как у трехмачтовой шхуны… Шутя делает шестнадцать - восемнадцать узлов…* бесподобен на парусах… сам все увидишь. Двадцать отборных матросов и восемь человек в машинном отделении, судовой механик и доктор, если вдруг кто-то вздумает захворать… Капитан - лучший во всем американском флоте. К нашим услугам два повара, два стюарда и горничная для сестры. Полные трюмы угля и провизии, две пушки, два пулемета “максим”, пятьдесят винчестеров**, сто кольтов***, много топоров, пик, сабель, тесаков… все это на случай встречи с пиратами. И дюжина охотничьих ружей… А еще одежда, книги, музыкальные инструменты, лекарства, фотоаппараты, палатки, упряжь, если взбредет в голову покататься на лошадях во время стоянки… Ну, дорогой Тотор, что скажешь?

---

* Узел - единица длины в морском деле: расстояние, проходимое судном

за полминуты. Условная длина узла 48 футов (14 м 63 см). Сколько узлов судно проходит за полминуты, столько морских миль оно проходит в час.

** Винчестер - название магазинных (позднее автоматических) винтовок, выпускавшихся с середины XIX века американской фирмой оружия, основателем которой был О.Ф.Винчестер.

*** Кольт - американская система револьверов; название дано по фамилии конструктора, промышленника и основателя оружейной фирмы Сэмюэла Кольта.

- Скажу, что мы путешествуем по-королевски! Я готов молиться на твоего отца. Только… черт!

- What?* Что-нибудь омрачает картину?

____

* Что? (англ.)

- Назовем это волоском в супе!

- Что-то не нравится?

- Да нет! Только… не смейся… Я просто подумал, что мы отплываем тринадцатого… Вот и все.

Гарри и его сестра не удержались от улыбки.

- Как, мистер Тотор, вы боитесь числа тринадцать? - укоризненно покачала головой девушка. - А еще говорят об отваге французов. Неужто вы суеверны?

- Да ничуть! Но все же… Не случайно у всех транспортных компаний Старого Света каждого тринадцатого сборы летят вниз, словно турецкие ценные бумаги. Тринадцатого в путь не отправляются.

Мисс Нелли не выдержала и рассмеялась - словно колокольчик зазвенел.

- Как странно! А у нас, в Америке, все начинается с тринадцатого! Америка была открыта тринадцатого октября тысяча четыреста девяносто второго года…

- Действительно, от этого ей хуже не стало.

- О, это еще не все. Наша республика первоначально состояла из тринадцати штатов, и на ее первом флаге насчитывалось тринадцать звезд и тринадцать полос… Ее девиз - E pluribus unum* имеет тринадцать букв. Голова статуи Свободы украшена тринадцатью звездами. Американский орел сжимает в когтях тринадцать молний и оливковую ветвь с тринадцатью листьями. На его груди щит с тринадцатью лучами, а в каждом крыле тринадцать перьев. И, как видите, такая сверхнасыщенность числом тринадцать не мешает нашей замечательной стране занимать подобающее ей место в мире!

---

* Из многих - одно (лат.).

- Да, вы десять, сто раз правы, мисс Нелли, это вздор, и все-таки…

Гарри и девушка продолжали смеяться, смех наконец разобрал и Тотора. Человек остроумный, он любил подшучивать над самим собой и быстро находил общий язык с друзьями.

Между тем “Морган” мчался на всех парах. Остался позади плавучий маяк, указывавший подводные камни Сау и Пигз, яхта обогнула мыс

Хорнби, и вот перед путешественниками - открытое море. Колокол отбил полдень - время завтрака. Вышколенный стюард подал отменную, изысканную еду.

Закончив трапезу, друзья детально осмотрели яхту.

- Прогулка по своим владениям! Неплохо! - радостно воскликнул Тотор.

После бокала шампанского парижанин все видел в розовом свете и болтал без умолку. Он познакомился с командой - с помощником капитана мистером Роулендом, судовым механиком мистером Смитом и доктором мистером Филдом. Представили ему и боцмана Алекса, ладно скроенного гиганта с умным и добрым лицом.

- Надежный человек, - прошептал Гарри на ухо другу, - и тем более нам предан, что он жених Мэри, горничной сестры.

- Великолепная будет пара! - отозвался Тотор, видевший мельком красивую американку, которая прислуживала Нелли.

- А матросы, как видишь, - настоящие молодцы.

- Черт возьми! Рядом с ними мы выглядим дикарями.

- Как на подбор - все чистосердечны, дружелюбны. Мы тоже платим им добрым расположением, ну и, конечно, звонкой монетой.

- Да, экипаж хорош. Приятно видеть открытые лица… Одна только физиономия мне не нравится - мистера Дика, стюарда.

- Ты знаешь, мне тоже… хотя он безукоризненно вежлив. Его нанял отец по рекомендации одного из близких друзей, уверявшего, что этот человек для нас находка: он несколько лет плавал в краях, которые мы должны посетить, говорит на всех языках Азии и Океании… владеет многими ремеслами…

- Понятно!.. Уникум!*

---

* Уникум - предмет (или человек), единственный в своем роде.

- Бросив беглый взгляд на будущий маршрут, мистер Дик тут же пообещал снабжать нас свежайшим и разнообразнейшим провиантом даже в тех местах, где достать его будто бы невозможно.

- А кстати, какой у нас маршрут?

- Если обойдется без чрезвычайных происшествий - Торресов пролив, Новая Гвинея, Молуккские острова, Целебес, Борнео, Филиппины, а затем - через Тихий океан…

- Мечта!.. Голубая мечта моей жизни.

- И мы ее осуществим, мой друг. Вот увидишь!

Корабль взял курс на север. Он плывет… плывет… Под ним зыбь бесконечного океана, от огненного солнца вода пламенеет словно золото или медь, а за кормой тянется перламутровый след.

- Семнадцать узлов, мистер Гарри! - потирая руки, сообщил капитан, приказав бросить лот*. - Через четыре дня будем у Торресова пролива.

---

* Лот - прибор для измерения глубины.

Любопытству Тотора не было предела. Он обследовал все закоулки на судне, спускался в трюм, ходил по нижней палубе; забирался в машинное отделение и пытался разобраться в устройстве судовых механизмов. Расспрашивал, восхищался, изумлялся.

За сутки парижанин стал любимцем экипажа: всегда хорошее настроение и острый язык действовали безотказно. Все Тотору нравилось, и в конце концов забылось даже зловещее тринадцатое число. Да и мистер Дик, похоже, больше не внушал ему опасений. И все же!.. Кто знает, не следует ли и в самом деле пристальнее присмотреться к этому человеку?

Коренастый, плечистый, среднего роста, мистер Дик как бы не имел возраста. Выглядел он весьма импозантно*. Лет тридцати пяти? Возможно, больше, а может, и меньше. Смуглый, черноволосый, горящие глаза, профиль будто с римской медали, волевой рот. Изысканная речь, осанка, нечто странное, даже пугающее в облике, - внешность этого человека как-то не вязалась с подчиненной должностью стюарда.

---

* “Выглядел он весьма импозантно” - т.е. прилично, достойно, впечатляюще.

Откуда он?.. Никто не знал! Невозможно было определить его национальность. Пожалуй, похож на испанца. Словом, несмотря на безупречную вежливость, образцовый стюард был типом загадочным и странным. Людям более опытным, чем наши юные герои, он несомненно показался бы весьма подозрительным.

Впрочем, пока ничто не омрачало плавания трех друзей.

Предсказание капитана сбывалось. Четыре дня “Морган” сохранял среднюю скорость 16 узлов, то есть тридцать километров в час. За 96 часов яхта сделала неплохую пробежку в две тысячи восемьсот восемьдесят

километров, удаляясь от материка, чтобы избежать рифов, образующих сплошной барьер перед восточным берегом Австралии. Потом, поднимаясь к северу, она преодолела большой коралловый риф и устремилась прямо к мысу Йорк, крайней точке Австралийского континента. Там и начинался усеянный опасными подводными скалами пролив, которому португальский мореплаватель Торрес* дал свое имя.

---

* Торрес (Torres) Луис Ваэс де (1560 - 1616?) - испанский мореплаватель. Открыл южный берег о. Новая Гвинея, расположенного в юго-западной части Тихого океана, а также пролив между Новой Гвинеей и Австралией, названный его именем.

- Настоящее кладбище кораблей! - заметил капитан. - Но я начеку, хотя время и торопит. Сейчас два пополудни. Начинается прилив. Нужно еще четыре часа, чтобы пройти опасное место, а в шесть уже стемнеет. Малый вперед!

Пролив широк - целых сто пятьдесят километров, но буквально ощетинился островами и островками, скалами и едва скрытыми водой рифами. Есть всего пять-шесть пригодных для судоходства проходов, местами очень узких, и знать их нужно в совершенстве. Неосторожный поворот руля, слишком быстрое течение, ошибки на карте могут привести к катастрофе.

По проходу Принца Уэльского “Морган” шел с величавой медлительностью, рассекая волны, которые с громовыми раскатами бились о подводные камни.

Вот скалы Вторник, близ которых из воды торчат три мачты затонувшего корабля. А вот и остров Среда, отмеченный двумя мачтами, видными до марселей*. Потом риф Юго-Западный или Хэммонд, над которым кружатся тысячи морских птиц.

---

* Марсель - второй снизу прямой парус, ставящийся между марса-реем и нижним реем.

Молодые люди не отрывались от бинокля. На душе у них было тревожно: опять зловещие останки кораблей! Вот островки Ипили - тонкие коралловые иглы, красными призраками поднимающиеся из воды на два метра и, наконец, Буби-Айленд, пустынный клочок земли, который служит приютом для потерпевших кораблекрушение; на нем действует телеграфная связь со всей континентальной Австралией.

- Уф, кончено! - с облегчением вздохнул капитан, покидая мостик.

Нелли и ее брат решили отправить родителям телеграмму. Островок всего в миле от судна, это будет легко сделать.

- Хорошо! Завтра в прилив, - сказал капитан, не отрываясь от подзорной трубы. - Смотрите-ка, флаг приспущен!.. Они просят помощи… тем более надо причалить.

Бросили якорь. Наступила ночь. Неподвижная, освещенная яхта покачивалась на волнах. Все поужинали и заснули под охраной вахтенных.

В шесть часов, едва рассвело, Нелли, Тотор и Гарри уже были на ногах. Спустили шлюпку, но капитан заставлял себя ждать. Внезапно трое друзей увидели бегущего к ним доктора - мертвенно-бледного, дрожащего, с широко раскрытыми от страха глазами.

- Что случилось, доктор? - воскликнул Гарри.

- Капитан!.. Я нашел его мертвым в постели.

- Мертвым!.. О Боже!

- Да, мистер Гарри!.. И боюсь… он убит!

ГЛАВА 2

Ужасные подозрения доктора. - Бдение над телом. - Потерпевшие кораблекрушение с Буби-Айленда. - Шторм. - Люди за бортом. - Гибель помощника капитана. - Корабль в опасности. - Благодарность. - Находки Тотора. - Нет, это не молния. - Остатки взрывателя. - Динамит.

Умер капитан Гаррисон!.. Эти ужасные слова как громом поразили молодых людей. Нелли разрыдалась, слезы показались на глазах Гарри и Тотора. Для Гарри и его сестры капитан был другом, преданным наставником, alter ego* их отсутствующего отца.

---

* Второе я (лат.).

Они плакали взахлеб, не в силах произнести ни слова.

А тут еще ужасающее предположение доктора: возможно, убит! Значит, на борту предатель, враг?

Доктор медленно продолжал печальным голосом:

- Капитана так долго не было, что я забеспокоился и зашел в его каюту. Я увидел Гаррисона, скорчившегося на постели… уже холодного. На губах - пена со следами какой-то подозрительной желтоватой пыли.

- Какой ужас! - воскликнула Нелли.

- Ужас, - вздохнул Гарри. - Бедный капитан!.. И ничего нельзя сделать, мистер Филд?

- Увы, ничего! Смерть наступила более пяти часов назад.

Мисс Нелли вытерла глаза и откашлялась.

- Доктор, мы хотели бы пойти к нему… вместо отсутствующей семьи, которую он так любил… совершить траурное бдение…

- Да, сестра, мы должны исполнить благочестивый долг… Пойдем, Тотор! А вас, мистер Филд, я прошу… ни слова о подозрениях, по крайней мере сейчас.

Ужасная новость повергла в смятение экипаж, который обожал капитана. Волнение охватило не только матросов, но и людей из машинного отделения. Несчастье было так неожиданно, так загадочно, что, конечно, вызвало тревогу! Но опасное местонахождение судна и неотложные текущие дела отвлекали команду от проявлений горя.

Вода поднималась, волны бились о рифы. Через пятьдесят минут прилив достигнет высшей точки. Надо было сниматься с якоря. Самое время идти на Буби-Айленд, где все еще развевался флаг - сигнал тревоги.

Помощник капитана мистер Роуленд взял на себя командование кораблем. Бледный, подавленный смертью любимого капитана, заменившего ему отца, Роуленд собрал всю свою волю и действовал как опытный моряк.

С яхты спустили паровой катер. Четыре хорошо вооруженных матроса, механик и боцман Алекс заняли свои места.

Гарри Стоун в спешке настрочил телеграмму отцу.

”Буби-Айленд, 16 августа, шесть часов утра. Ужасное несчастье. Капитан Гаррисон внезапно умер. Немедленно возвращаемся в Сидней.

Чувствуем себя хорошо. Целуем.

Гарри”.

Он вручил телеграмму боцману с настоятельной просьбой отправить немедленно.

Катер отчалил и полным ходом пошел к островку. Не прошло и десяти минут, как Алекс с удивлением убедился, что остров пуст. Единственное, что сохранилось, - сигнальная мачта. Телеграфное отделение было стерто с лица земли, не осталось и следа от оборудования, строений и аппаратов. Хижины служащих превратились в развалины, продовольственные склады исчезли. Похоже было, что по острову пронесся циклон или цунами*.

____

* Цунами - морские волны, возникающие в результате подводных землетрясений; движутся к берегу со скоростью до тысячи км в час, высота их у побережья от 10 до 50 м и даже выше, и они производят на суше опустошительные разрушения.

У подножия сигнальной мачты два изможденных человека едва слышно звали на помощь.

Матросы бросились к ним, и Алекс быстро стал задавать вопросы: “Кто вы? Откуда? Как попали сюда?”

- Потерпели кораблекрушение… Нас выбросило на риф… Два дня назад…

- А телеграфисты?.. Их слуги?.. Что с ними? Что случилось?

- Не знаем. Мы увидели такую картину… И остались без крова, без воды и пищи! Сжальтесь, спасите нас!

- Помогать морякам, терпящим бедствие, - священный долг!.. В катер!

Но сам Алекс остался на берегу, желая удостовериться, что тут в самом деле никого нет и отправить телеграмму невозможно.

Боцман быстро обежал островок и через пять минут убедился: на пустынном рифе, исхлестанном ветрами и волнами, ничего не осталось. Нужно возвращаться на “Морган”.

Тем временем пострадавшие с помощью матросов сели в катер. Алекс взялся за штурвал:

- Полный вперед!

Через десять минут боцман уже докладывал помощнику капитана обо всем увиденном и знакомил с потерпевшими кораблекрушение. Стоя на мостике, Роуленд скомандовал отплытие. Он вежливо приветствовал вновь прибывших, но в подробности вдаваться не стал.

- Я занят, господа - извинился он. - Вы моряки и поймете меня. Мы скоро увидимся. Алекс, расскажите все мистеру Гарри и проследите, чтобы к этим двум джентльменам были внимательны: дали одежду, накормили… Пусть доктор займется ими, если это необходимо.

Спасенные поблагодарили Роуленда и, шатаясь, ушли, а помощник капитана, вглядываясь в горизонт, тревожно прошептал:

- Шквал!* Он приближается молниеносно…

---

* Шквал - резкий, неожиданный и сильный порыв ветра.

На горизонте появилось черное облако. Оно поднималось, растягивалось. Матросы, глядя на эту темную массу, переглядывались:

- Шквал!.. Черный шквал… мощный black squall!

Атмосферное давление падало с неслыханной быстротой.

Послышалась команда:

- Закрепить все на борту!

Матросы удвоили найтовы*, задраили люки и иллюминаторы, приладили заглушки, на всякий случай установили поручни, чтобы кого-нибудь не снесло волной.

---

* Найтовы - веревки для закрепления предметов на судне.

Хлопоты, разумеется, заинтересовали Гарри, который с сестрой и Тотором сидел в каюте капитана.

Юноша взбежал на мостик:

- Что такое? Что происходит?

- Шторм, мистер Гарри! - хладнокровно ответил Роуленд.

- Что вы собираетесь делать?

- Единственно возможное… постараться его опередить в Арафурском море…

- Значит, повернуться спиной к проливу Торреса…

- Да, мистер Гарри.

- И отказаться от возвращения в Сидней?

- Совершенно верно… Даже просто остаться на якоре смертельно опасно.

- Когда же мы сможем вернуться?

- Один Бог знает… шторм предвидится жестокий… Видите, давление понизилось на двадцать пять миллиметров и, как показывает барометр, продолжает падать. Мистер Гарри, вы мне доверяете?

- Абсолютно, дорогой Роуленд.

- Тогда возвращайтесь, пожалуйста, к мисс Нелли и вашему другу. Что бы ни случилось, оставайтесь в каюте… вам не место на палубе… Вы подвергнете себя смертельному риску без какой бы то ни было пользы. Корабль прочен, машина великолепная, экипаж отборный… я отвечаю за все.

Гарри протянул помощнику капитана руку.

- Спасибо! Вы - хозяин на борту… я всего лишь пассажир и подчиняюсь.

Когда молодой человек удалился, Роуленд снова осмотрел такелаж*, якорное и грузоподъемное оборудование, инвентарь. Все на месте, люди спокойны, решительны. На борту, похоже, все готово к шторму.

---

* Такелаж - общее наименование всех снастей судна.

Роуленд склонился к переговорной трубке и скомандовал:

- Сто двадцать оборотов. Go!*

---

* Здесь: Вперед! (англ.).

Яхта медленно тронулась в путь. Черные тучи, пришедшие с востока, уже достигли зенита. Небо казалось расколотым надвое. Солнце исчезло. Мягкий, тусклый свет окутал “Морган”, словно по воде скользил призрак корабля, населенный призраками людей. Легкий бриз нагонял волны, они дробились и покрывались барашками. Вдруг резкий порыв ветра потряс мачты от клотика* до основания. “Морган” встал на дыбы, словно пришпоренный скакун, и прыгнул на подвижные барьеры, разрезаемые его тонким форштевнем**.

---

* Клотик - кружок со шкивами на верхушке мачты или флагштока.

** Форштевень - массивная часть судна, являющаяся продолжением киля и образующая носовую оконечность судна.

Волнение усилилось. Ветер с пугающей скоростью и силой налетал со всех сторон. И это было еще только начало.

В широтах, близких к экватору, жара изнуряет, сильный ветер обжигает, как дыхание вулкана, а дождь сыплется крупными каплями и горяч, как

вода для стирки. Далекие молнии прочерчивают грозовые тучи. Однако гроза еще далеко, хотя ее дыхание порывами уже доходит со стороны колоссальной массы туч, пропитанной электричеством. И это длится часами - смертоносными часами, когда ветер и море неистовствуют, соперничая в ярости.

Помощник капитана и подручный матрос не сходили с мостика. Они наспех перекусили и готовились отразить главный удар. Внезапно, в несколько минут, наступила тьма, непроницаемая чернота ночного шторма, темнота тюремного карцера окутала все кругом.

Прошел час, и буря разразилась во всем своем устрашающем великолепии. Ослепляющие молнии опоясали “Морган” огненным кольцом. Непрестанно, с ужасными раскатами, гремел гром, и длинные языки пламени, вырывающиеся из громоотводов, опускались до середины мачт. Капитан и рулевой распорядились привязать себя к мостику. Посреди беснующейся стихии они то возникали при коротких вспышках молний, то исчезали во тьме кошмарной ночи.

Несчастные, растерянные подростки продолжали сидеть у тела покойного капитана. Их встряхивало, подбрасывало. Каждую секунду корабль могла поглотить пучина. Хорошо хоть электричество освещало каюту, где лежал безучастный ко всему труп. Но внезапно свет погас, наступил кромешный мрак. Друзья не решались даже пошевелиться и инстинктивно вцепились в ручки кресел.

- Господи, это конец! - всхлипнула Нелли. - О Боже, спаси нас!

Тут среди непрестанно грохочущего грома, рева волн, сотрясающих корпус судна, воя ветра, гнущего мачты, раздался еще более грозный звук.

Он сопровождался зеленоватой вспышкой и потряс яхту до самого киля.

Тревожный крик вырвался сразу из нескольких глоток:

- Человек за бортом!.. Два человека за бортом!

О ужас! Мостик, на котором находились Роуленд и матрос, исчез, унесенный как перышко! Несчастных смел с палубы гигантский водяной обвал.

Снова душераздирающий крик:

- Человек за бортом!

На этот раз волна унесла рулевого.

На какое-то время яхта, предоставленная самой себе, стала игрушкой волн. Она сошла с курса, кружилась, кренилась, клевала носом, винт резкими рывками крутился вхолостую.

Даже самых смелых пробирала дрожь.

Только один человек бросился к бешено крутящемуся штурвалу, схватил его железной рукой и удерживал, изогнувшись, как аркбутан*.

____

* Аркбутан - наружная подпорная арка готического собора.

Обреченный корабль выпрямился, снова устремился вперед и возобновил борьбу.

О спасении трех несчастных не могло быть и речи. Даже сама мысль об этом была бы безумием, несомненно возвышенным, но безумием. Судно, потерявшее двух капитанов, мчалось через шторм, ведомое рукой неизвестного. Человек с непокрытой головой, промокший до нитки, вел его умело, проявляя чудеса отваги. Устремившись вперед, “Морган” снова противостоял шторму, который, похоже, уже выдыхался.

Ветер понемногу стихал, хотя еще подвывал злым зверем. Облака рвались. Наконец над все еще бурными свинцово-синими волнами показалось бледное солнце, Гарри поднялся на палубу. Боцман Алекс рассказал ему об ужасных событиях роковой ночи. Бывалый моряк не смог сдержать волнения, голос его прерывался:

- Погиб и он, капитан Роуленд!.. И бедные матросы, жертвы долга!.. На нас какое-то проклятие!

Ошеломленный Гарри подошел к штурвалу и узнал бесстрашного спасителя. Это был один из тех, кого подобрали на Буби-Айленде.

- Так это вы! Сэр, мы вам обязаны жизнью!

- Сударь, - с достоинством ответил неизвестный, - я моряк и, к счастью, хорошо знаю эти опасные места. Счастлив, что смог доказать свою признательность.

- Моя признательность будет достойна оказанной вами услуги! Что я могу сделать для вас уже сейчас?

- Просто позволить мне немного отдохнуть… Видите, яхта на правильном пути. Достаточно держать курс на запад.

- Но я хотел бы как можно быстрей вернуться в Торресов пролив, пройти его и добраться до Сиднея. На борту больше нет никого, кто мог бы управлять кораблем. Только боцман… если вы не возьметесь сами выполнить эту сложную задачу, не знаю, что и будет.

- Я кадровый капитан английского флота, и вы можете на меня положиться. Но изменить маршрут сейчас невозможно! Подумайте сами: волнение еще слишком велико, чтобы идти против ветра. Кроме того, опускается туман, через несколько часов его можно будет хоть ножом резать, и он простоит не менее двух дней.

- Так что же делать?

- Лучше продолжить плавание на запад, это не представляет никакой опасности. Когда стихнет, мы сможем вернуться.

- Договорились! Итак, распоряжайтесь кораблем ради нашей общей безопасности. Устроиться можете в каюте бедного Роуленда.

Гарри распорядился выдать экипажу двойной рацион и, опечаленный, отправился к сестре и своему другу. Не пытаясь скрыть волнения, он сообщил им все, что узнал, предложил тоже отдохнуть.

- Отправить меня в постель? - запротестовал Тотор. - Да никогда в жизни! Я ведь непоседа и задыхаюсь в четырех стенах. Мне нужно дышать вольным воздухом, ходить куда хочу. Вы позволите, мисс Нелли?

- О, разумеется!

- Спасибо!

Юноша быстро выбрался на палубу. Матросы приветствовали его. Вскоре Тотор оказался на месте исчезнувшего мостика.

”Черт побери! Не думал, что мое пророчество насчет тринадцатого числа сбудется”, - подумал юноша и вдруг заметил, что пиллерсы, железные стояки, служившие опорой капитанскому мостику, почернели, скручены и раздроблены, как от мощного взрыва.

”Странно. Столбы стальные, могли бы выдержать башни собора Парижской Богоматери*, а они - на тебе! - сломались, как палочки из леденца! От удара молнии?.. Вряд ли, хотя причудами и мощью молнии пренебрегать не следует, - рассуждал Тотор. - Нет ли другой причины? Похоже скорее на взрыв динамита. Мастерский к тому же взрыв. Пожалуй, я прав. Когда в школе проходили сопротивление материалов, мы ломали рельсы подрывными шашками, получалось точь-в-точь”.

---

* Собор Парижской Богоматери (Нотр-Дам де Пари) - памятник средневековой готической архитектуры в Париже на о.Сите, богато украшенный скульптурами, с двумя башнями высотой в 69 м. Собор строился с 1163 по 1257 год.

Парижанин подошел поближе и принялся тщательно исследовать разломы. Это были ровные, несколько шероховатые трещины с блестящими кристаллами и характерным изгибом справа налево. Молодой

человек не на шутку встревожился:

- Странно: чтобы так разбить все четыре стояка, требуется разряд огромной силы и высокая температура, достаточная для оплавления металла. Такой разряд покорежил бы не только пиллерсы, но и все вокруг. Однако следов оплавления на металле нет и основание цело. Даже доски палубы не треснули. Тут что-то не так… дело нечисто!

Несколько минут Тотор внимательно изучал характер разрушений, будто надеялся обнаружить хоть что-нибудь, что подтвердило бы его подозрения. И вдруг воскликнул:

- Это еще что такое?!

Кто ищет, тот всегда найдет - у ног парижанина сверкнул крошечный осколок металла, впившийся в шов спардека. Парижанин быстро наклонился, раскачал его и выдернул.

На его ладони лежал гладкий кусочек красной меди с неровными краями длиной сантиметра в два. Совсем пустяк. Юноша повертел находку в руках, тщательно разглядывая, и вдруг вздрогнул и побледнел. Ясно, что первоначально эта штука имела трубчатую форму и толщиной была примерно с карандаш.

Срывающимся голосом он прошептал:

- Разрази меня гром, если эта медная финтифлюшка не взрыватель… А если взрыватель?.. Тогда дела плохи… Нужно предупредить Мериноса.

Молодой человек отправился к друзьям. Чтобы не испугать девушку, Тотор откашлялся и произнес безразличным тоном:

- Гарри, можно тебя на минутку? Покажу кое-что. Извините, мисс Нелли.

В соседней каюте, закрыв дверь на задвижку и удостоверившись, что они одни, Тотор прошептал:

- Есть новости, очень скверные.

- Говори скорей, ты меня пугаешь… После всего, что произошло… Что там еще?

Парижанин спросил с необычной для него серьезностью:

- Динамит на борту есть?

- Да, несколько ящиков… в пороховом погребе.

- А ключ? У кого ключ?

- Он в сейфе. Один Алекс может его открыть.

- Ему можно доверять, не так ли?

- Уверен в нем, как в самом себе. А что?

- Гарри, по мнению доктора, с бедным капитаном Гаррисоном кто-то расправился…

- Да, его отравили… и с этих пор моя жизнь - кошмар.

- Так вот, я утверждаю, что капитана Роуленда тоже убили!

- God bless!* Что ты такое говоришь?

---

* Боже мой! (англ.)

- Не молния сорвала пиллерсы мостика, а…

- Ну же!

- Динамит!

ГЛАВА 3

Подозрения. - Тотор не доверяет. - Судно изменило курс. - Сонная болезнь. - Оправданная тревога. - Ужасное пробуждение. - Парижанину ясно, что его убьют. - Правда о стюарде мистере Дике. - Спасательный пояс. - Два ныряльщика.

Прошло двадцать четыре часа.

Новый капитан яхты не ошибся. Отовсюду полз туман. Такой плотный, что дальше бушприта* ничего не было видно. Судно шло вслепую. Непрерывно ревела сирена, приглушаемая туманом, от которого болели глаза и сжималось в тревоге сердце.

---

* Бушприт - горизонтальный или наклонный брус, выступающий вперед на носу парусного судна; служит для крепления носовых парусов.

Гарри и Тотор обменялись впечатлениями. Обсудив все за и против, они снова осторожно взялись за расследование. Никаких сомнений: где-то рядом бандит, подло убивший обоих капитанов. Да, бандит, тем более страшный, что неизвестно, кто он.

Мостик был подорван, это уже не вызывало сомнений. Молодые люди тайком спустились в пороховой погреб и обнаружили полупустой ящик с динамитом.

- Вот видишь, - проговорил Тотор, - кража налицо, остальное объясняется просто. Подрывные шашки прикрепили к стоякам мостика и вставили запал, он сработал от электричества. Ничего сложного. Преступник действовал во время урагана в полной безопасности. Все шито-крыто. Вспышка и звук взрыва смешался с молниями и раскатами грома, мостик как перышко снесло волнами в море вместе с людьми, а случившееся приписали шторму!

- Да, все так!

- Но кто же он, этот негодяй? Жизнь бы отдал, чтобы узнать!

- Тот же, кто отравил капитана. Ведь доктор не сомневается…

- Знаю. Он уверяет, что бедняге сделали во сне инъекцию смертельного малайского яда!

- Я все думаю: кто и зачем убил двух безобидных людей, у которых и врагов-то не было?

- Зачем? А ты не подумал, что яхта и ее богатства могут быть неплохой добычей?

- Так, значит, из-за нее убили обоих капитанов? Не понимаю!

- Да, - задумчиво произнес парижанин, - чтобы заставить тебя доверить командование первому встречному!..

- Как же ты несправедлив к человеку, который всех нас спас!

- Поверь, я ничего не утверждаю! Я только сомневаюсь… и подозреваю. Предполагаю даже невозможное… особенно невозможное!

- Но тогда нужно было задумать все это за целый месяц!

- Или за две недели.

- Хорошо. Так ты считаешь, что на рифе Буби-Айленд могли все подстроить. Снести строения, убрать персонал и высадить двух потерпевших кораблекрушение?..

- Все подстроено! А почему бы и нет? Время у них было. Ведь все, кроме меня, знали о твоей экспедиции, маршруте, целях. Известна и роскошь “Моргана”, и содержимое его сейфа, наконец, ни для кого не тайна, что ты - сын короля шерсти, миллиардера!

- Проклятье! И что из этого?

- Повторяю, нет у меня доверия… Ведь я уже поплатился после нашего сумасшедшего рейда по Австралии! Папа когда-то повидал виды, странствуя в этих местах… которые можно назвать раем для закоренелых пиратов или, если тебе больше нравится, адом.

- И что же ты предполагаешь?

- Пока не знаю! Но я держу ушки на макушке, говорю себе, что этот первый встречный капитан - настаиваю на таком определении - может оказаться как образцовым джентльменом, так и бандитом высокого полета. Он может завладеть судном и увезти нас как пленников к черту на кулички.

Осторожный стук в дверь прервал разговор.

- Войдите, - откликнулся Гарри.

Створка из тикового дерева медленно открылась, и в дверном проеме показалась высокая фигура боцмана.

- Добрый день, господа!

- Ах, это вы, Алекс! Здравствуйте, друг мой. Что нового?

- Что-то странное происходит, сэр… Да, клянусь головой, очень странное, даже сказал бы - тревожное. Но он знает свое ремесло…

- Кто “он”?

- Да новый капитан… Конечно, он моряк…

- К чему вы клоните?

- Я все думаю: почему мы не идем по курсу?

Гарри вздрогнул:

- Что вы сказали?!

- То, что мы плывем на север! И давно уже оставили Торресов пролив справа по борту.

- Так куда же, черт возьми, он хочет нас завезти? - вступил в разговор Тотор.

- Ей-ей, хотел бы это знать… пойдемте со мной.

В тот самый миг, когда они собирались выйти, в дверях появился доктор:

- Прошу вас, мистер Гарри, на минутку. По вашему приказу я сделал вскрытие тела бедного капитана… и распорядился поместить покойника в герметический гроб из металлических листов, нарезанных из банок для консервов и спаянных в мастерской машинного отделения…

- Хорошо, доктор… Благодарю вас.

Гарри уже шагнул за дверь, но врач остановил его:

- Это еще не все… У меня важное сообщение. Прошу вас, вернитесь на минуту. - Доктор с тревогой произнес: - У двенадцати человек появились странные симптомы…

- Как, эпидемия?.. В такой момент!..

- Эпидемия?.. Не знаю… Матросы все какие-то одуревшие, едва ходят, мутный взгляд, идиотский оскал… Сначала шатаются как пьяные, потом ноги перестают держать, человек тяжело падает и засыпает. Многих я только что нашел храпящими в коридоре по левому борту.

- И что вы об этом думаете?

- Должен признаться, абсолютно ничего не понимаю… но, насколько мне известно, вина они не пили. Скорее всего им дали наркотическое

снадобье… Но кто и когда?

Гарри украдкой бросил взгляд на Тотора, который, вскинув руки, воскликнул:

- Меня это не удивляет. Обстановка все более осложняется. Ошибки быть не может, их отравили… подло отравили! Доктор, скажите, а у стюарда мистера Дика, капитана и его товарища по кораблекрушению проявляются такие симптомы?

- Кажется, нет… Но я ведь только бегло осмотрел этих странных больных. И всех ли я видел?

- Ах да… - произнес Тотор, неудержимо зевая. Он потянулся, снова зевнул и проговорил: - Вот так штука! Что-то хочется вздремнуть!

Парижанин почувствовал, как у него подкосились ноги, попытался удержаться, но пошатнулся и еле выдавил: - Вот и я… тоже… Какой-то дурной…

- Мистер Тотор… Что вы пили? - вскрикнул озадаченный доктор.

- Воду… из бака.

- Вы не почувствовали особенного привкуса?

- Привкус?.. Оставьте меня… Особенный? Мне надо вздремнуть… как следует. Все, я вышел из строя! Спокойной ночи, друзья!

Гарри Стоун изумленно смотрел, как Тотор сделал несколько нетвердых размашистых шагов пьяницы, устремил на собеседников невидящие глаза и тяжело осел на ковер.

- Вот… видите, мистер Гарри! - произнес озадаченный доктор.

- Но это настоящая эпидемия! Было бы смешно, если бы не предвещало чего-то ужасного. Доктор, нужно найти какое-нибудь лекарство, действовать решительно… спасти нас всех от этой болезни, странной и опасной перед… Ибо… вот видите… я и сам… меня тоже одолевает сон…

- Мистер Гарри! Держитесь!

- Невозможно! Я ощущаю что-то очень приятное, но и тревожное… потому что еще думаю… сознаю опасность… Соскальзываю в нее, это непреодолимо! Я пил только воду, как и Тотор. И как он, как другие… я падаю. Сестра! Нелли! Спасите мою сестру! Доктор, на помощь! Ах!..

Гарри в свою очередь попытался сделать несколько шагов, но шатался, раскачивался и после напрасных попыток удержаться на ногах упал посреди салона.

Сколько длился этот странный и страшный сон, близкий к каталепсии*, - проснувшийся Тотор не имел никакого представления. Казалось, прошло несколько дней. Он чувствовал себя совершенно разбитым и в первый момент не мог собраться с мыслями. Виски словно стянуло железным обручем, а из пересохшего рта с трудом вырывалось горячее, прерывистое, хриплое дыхание. Юноша потянулся так, что хрустнули суставы и проворчал:

---

* Каталепсия - двигательное расстройство, застывание человека в одной позе на более или менее длительный срок.

- О-ля-ля! Мамочка!.. Я будто с похмелья! Бедные мои мозги, как яблочный мармелад! На языке шлак, а в глотке - пакля. Ап-чхи! Ап-чхи! Будь здоров!.. А где же мы находимся, черт побери? Темно, как в бочке. Я в постели… А уснул, кажется, в салоне, там еще был доктор и дела были плохи, все дрыхли… настоящая сонная болезнь!.. Но я по-прежнему на борту: чувствую качку и слышу шум винта. Нужно бы пройтись и посмотреть, нет ли чего новенького… Уверен, что есть. Но где же Гарри? Эй, Меринос! Ты здесь? Откликнись!

Парижанин услышал хриплые вздохи, прерванные продолжительным

зевком. Затем неясный шорох, похоже, кто-то потягивался после долгого сна. Послышался приглушенный голос друга:

- Тотор, это ты? Уф! Голова раскалывается!

- И у меня то же самое.

- Что происходит?

- А я тебя хотел спросить.

- Ты помнишь?.. То, что рассказали Алекс и доктор, ужасно.

- Сколько мы проспали?

- Не представляю! Провалиться мне на месте, должно быть, худо сейчас на яхте.

- Боюсь узнать что-нибудь страшное… А сестра!.. Моя Нелли!

- Будем надеяться, что с нею ничего не случилось!

- Тотор, я должен ее увидеть… беспокойно очень.

- Я с тобой… только не шуметь!

Друзья лежали одетые в своих постелях. Должно быть, кто-то уложил молодых людей, когда неодолимый сон свалил их с ног.

Гарри встал и пошел в соседнюю каюту к Тотору.

- By Jove!* Ни зги не видно! Где тут выключатель?..

---

* Клянусь Юпитером! (англ.)

- Нет, нет! Не зажигай света! Лучше в темноте, так вернее!

- Пожалуй, ты прав.

Они бесшумно вышли в коридор, стараясь ощупью найти дверь в каюту девушки, что было непросто. Каюта Нелли находилась на корме, по другую сторону коридора, шагах в десяти. У лестницы послышались голоса. Юноши замерли на месте. Кто-то грубо и громко говорил, не стесняясь, словно у себя дома или в завоеванной стране. Раздался громкий, характерный стук ружейных прикладов о палубу.

- Патруль! - удивленно произнес Тотор.

При появлении вооруженных незнакомцев юноши прижались к стене.

- Послушаем, - прошептал Гарри. Сердце его бешено колотилось.

Снова раздался голос:

- Я сказал: прикончить Тотора, этого проклятого француза! Парень хитер, как мартышка, и сильней бизона. Очень опасный человек! Он должен сдохнуть, и сейчас же! А что касается Нелли и Гарри Стоунов, будьте внимательны к ним. Ни один волос не должен упасть с их головы… за этих детишек можно получить от папаши миллиард… Драгоценные заложники.

Потрясенные друзья узнали голос говорившего. Это был мистер Дик, стюард, образцовый слуга, уникум, которого так расхваливали.

- О, негодяй! - прошептал Гарри.

- Послушай, Дик, - сказал один из сообщников, - земля близко, берег - в миле по ветру… может быть, просто оставить там этого француза… Зачем лишнее убийство брать на душу?

Жестким, повелительным тоном стюард прервал его:

- Нет! Он должен умереть! Вы его не знаете! Это же тот самый чертов

парижанин, который отхлестал по щекам и заставил отступить Дана, предводителя бушрейнджеров* - лесных пиратов…

---

* Бушрейнджер - беглый преступник, скрывающийся в зарослях и занимающийся грабежом (от англ. bush - кустарник и ranger - бродяга).

- Ну и скажешь!

- Его надо убить немедленно! Хозяин - я, выполняйте приказ! Вас восемь человек, этого должно хватить. Отправляйтесь!

- Да полно! Куда торопиться, корабль в наших руках. Что за спешка - отправить в ад семнадцатилетнего мальчишку!

Из этих слов бедные юноши узнали ужасную правду. Подозрение Тотора оправдалось - яхта попала в руки бандитов.

Для короля шерсти это означало разорение. Но детям, по крайней мере, гарантировалось сохранение жизни за огромный выкуп. Тотору же грозила неизбежная смерть.

По тону стюарда Гарри понял, что вести переговоры с убийцами, умолять или обещать что-то бесполезно. Эти негодяи знают об австралийских бушрейнджерах и, может быть, даже принадлежат к их банде.

Однако Тотор сохранил потрясающее хладнокровие. Конечно, сердце у него колотилось, но это не помешало ему тут же составить отчаянный план, на которые он всегда был мастак. В шепоте его слышалась насмешка:

- Ах так! Хотят проткнуть меня ножом, как цыпленка. Пустить кровь сыночку знаменитого Фрике! Это мы еще посмотрим!.. Пошли, Меринос!

Он увлек друга в каюту. На ощупь, со всей яростью и силой, удесятеренной опасностью, парижанин соорудил баррикаду, придвинув к двери мебель, чемоданы - все, что было под рукой.

- Это даст целых пять минут отсрочки. Быстро, спасательный пояс!

Тотор схватил пояс, приладил на груди и попросил:

- Застегни побыстрей и покрепче. Не судьба мне путешествовать богачом.

- Что ты хочешь делать?

- Ты слышал: земля близко, в миле по ветру… Я смываюсь через иллюминатор… изображу воздушную… нет, морскую, фею и доплыву до берега под покровом ночи! А там уж как-нибудь выпутаюсь… Как Робинзон! Почему бы и нет… все лучше, чем быть убитым. Застегнул пояс? Готово? Тогда обнимемся, старина Меринос, и - плюх в воду!

Послышался топот пиратов, спускавшихся по лестнице. Парижанин нащупал раскрытый иллюминатор и воскликнул:

- Пролезть можно. Пора!

- Хорошо, тогда и я с тобой, - решительно проговорил Гарри.

- Да никогда в жизни! Во-первых, ты ничем не рискуешь. А твоя сестра… Кто защитит ее?

- Отцовский миллиард. Она в большей безопасности, чем английская королева. О, я не беспокоюсь! Вот мой пояс. Застегивай, твоя очередь! Слышишь? Они уже у двери, пытаются открыть…

- Нет, я не согласен.

- Так надо!

- Покинуть мисс Нелли одну, среди бандитов! Нет, твое место рядом с нею. Было бы трусостью позволить тебе такое.

- Значит, трусом должен быть я?

- Ты меня заставляешь говорить глупости! Но здесь ты в безопасности, а следуя за мной, рискуешь жизнью. Подумай еще раз о мисс Нелли!

- Ты знаешь, как я обожаю сестру. Я без колебаний отдал бы за нее жизнь…

Сильные удары в дверь заглушили голос Гарри. Он прокричал:

- Повторяю… Никакой опасности для Нелли нет. Клянусь. А вот для тебя, бедняга Тотор… Она сама приказала бы мне: “Иди, брат, не бросай друга в беде!”

- Если бы знать, чем это кончится…

- Друг, я тебе десять раз обязан жизнью и разделю твою судьбу, это мой долг! Мы спасемся вместе или вместе погибнем!

- Гарри, умоляю тебя!

- Во имя сестры - я последую за тобой!

Удары в дверь становились все яростнее.

- Застегни же на мне пояс, гром и молния! - завопил Меринос. - А то будет поздно!

Дверь разлетелась в щепки. Раздались яростные крики, угрозы, проклятия. Гарри рванулся к иллюминатору и решительно бросился в море.

- Ныряй и берегись винта! - успел крикнуть ему Тотор.

Парижанин вылез в иллюминатор, мощно оттолкнулся, проделал в воздухе победное сальто* и полетел вниз головой во мрак.

---

* Сальто - полный переворот в воздухе при прыжке.

ГЛАВА 4

Во мраке. - В безбрежном океане. - Волнения Тотора. - Ужасное одиночество. - Как избежать солнечного удара. - А чего же поесть? - На кокосовых пальмах. - Неожиданная помощь. - Странные работники и забавный труд. - Sic vos non vobis!* - Первый завтрак.

---

* Так вы трудитесь, но не для себя - полустих Вергилия, намек на присвоение плодов чужого труда. (Примеч. перев.)

Скользнув по железной корме, Меринос и Тотор нырнули в волны.

Несмотря на пробковые пояса, они погрузились достаточно глубоко, чтобы избежать смертельного удара винтом. И вот уже яхта прошла мимо.

Подростки бодро плыли вперед и были уже вне досягаемости, когда разбойники на судне перебрались через баррикаду.

Под защитой темноты друзья слышали яростную перебранку - крики, проклятия разносились из иллюминатора с удивительной четкостью.

- Сбежали! Сбежали оба! Чтоб они дьяволу достались, эти проклятые мальчишки!

- Застопорить машину, быстро! Шлюпку на воду! Где факелы, оружие?

Верните их живыми или мертвыми!

- Ну-ну, приятель, - проговорил Тотор, мастерски загребая саженками, - бегай, кричи, пока не сорвешь глотку… здесь темно как в бочке… теперь мы плевать на тебя хотели! Эй, Меринос… ты здесь?

- Да! Главное, нам нельзя терять друг друга!

- Ты прав: сейчас это было бы очень некстати… В общем, надо держаться в виду друг друга и плыть рядом, как добропорядочные морские свинки, которые собираются порезвиться.

- Черт! Злую, однако, с нами шутку сыграли!

Наступило молчание. Оба друга пытались сориентироваться или хотя бы определить, откуда дует ветер, чтобы найти берег.

С помощью поясов пловцы хорошо держались на поверхности и не уставали. Время от времени они высовывались из воды, чтобы почувствовать направление бриза.

Во мраке ночи, безмерном морском пространстве, плеске волн вопли с яхты слышались все слабее. Видно было, как меркли огни; корабль удалялся и терялся из виду.

Хотя враги были уже не страшны, но в тот момент, когда “Морган” исчез навсегда, беглецы осознали весь трагизм своего положения.

Еще вчера, богатые, счастливые и свободные, преисполненные радости, они отплывали в дальнее путешествие. Все улыбалось им. Казалось, осуществимы самые смелые мечты. Будущее представлялось незыблемым, как скала. И в один миг все рухнуло, вокруг - беспощадные враги, позади устланный трупами путь.

Беспомощность, тревога и страх угнетали молодых людей. Они всего лишь жалкие человеческие существа, которые сражаются с океаном за свое хрупкое существование. Впереди ни приюта, ни еды, возможно, нет даже надежды!

Но Тотор был взволнован по другой причине. Его растрогала простота, с

которой Гарри по велению души, не раздумывая, принес себя в жертву другу. Честное, склонное к самопожертвованию сердце Тотора сильно билось в груди.

- Черт побери! Бедняга Меринос, - проговорил он срывающимся голосом, - в скверную же ты попал переделку из любви ко мне!

- Да нет же! Я просто решил искупаться.

- Все шуточки! Это ты умеешь… И все же здорово! Ей-богу, ты настоящий мужчина! Потрясающе… Я плачу, как малое дитя.

Меринос ответил в духе насмешников-янки:

- Осторожно, Тотор! Море может переполниться!

- Молодец! Знаешь, чтобы отнестись ко всему этому так просто, нужно быть богачом! Точно, Меринос, ты герой!

- Стараюсь как могу, друг мой, я прошел твою школу, суровую и доблестную, в которой узнают, что такое долг, самопожертвование.

- Засыпаешь меня комплиментами, хотя очередь - моя!

- Ладно, кончай! Хватит, дружище, давай попытаемся быть серьезными жертвами кораблекрушения.

- Образцовыми потерпевшими! Что ж, давай. Но я должен был сказать то, что сказал. А теперь обдумаем наше положение.

- Все очень просто! Мерзавец Дик меня похитил! Тебя хотели убить, но упустили случай. Яхта пропала, и я в трауре по ней. Мы держимся на воде как поплавки, и я ощущаю бриз*.

---

* Бриз - ветер, дующий с берега в море (береговой бриз) и с моря на

берег (морской бриз).

- Я тоже! Ветер сзади… значит, земля впереди.

- Тише! Слышишь? Прибой…

- Отлично! Поплыли. Еще немного!

Юноши плыли еще добрую четверть часа. Шум прибоя усилился. Потом в звездном мерцании появились белые барашки пенящихся волн. Тотор радостно вскричал:

- Ура! Я достаю ногой до дна… Приплыли!

Они продвигались медленно: волны на отмелях сшибали с ног. Друзья поднимались, снова плелись и наконец добрались до берега. Вода текла с них ручьями. Выжав одежду и не рискуя в потемках идти дальше, оба растянулись на песке.

- Может, вздремнем? - предложил Тотор. - Жарко, во сне обсохнем.

- Well!* - ответил Меринос, - так и сделаем, а когда рассветет, оглядимся.

---

* Ладно! (англ.)

Через два часа утреннее солнце осветило самый тусклый и унылый из пейзажей.

Бедняги находились в огромной, почти круглой бухте, окаймленной белесоватой, сухой и рыхлой землей. Лишь у самой кромки берега морские

водоросли образовали слой перегноя, где росли кокосовые пальмы. Избитые и искривленные ветром их тонкие стволы редкой колоннадой обрамляли бухту.

Вдали, насколько хватало глаз, простиралась белесая земля, залитая первыми солнечными лучами. Не видно было ничего живого - ни птиц, ни зверей, ни людей. Впору было сойти с ума от одиночества.

- Черт возьми! Здесь, похоже, не так людно, как на Итальянском бульваре в Париже!

- Yes!* И не так оживленно, как на Бродвее или Бруклинском мосту… Indeed!** Не хватает автобусов, трамваем, кэбов***, телеграфных проводов, восемнадцатиэтажных домов, автомобилей, пешеходов, разносчиков газет…

---

* Да! (англ.)

** Конечно! (англ.)

*** Кэб - наемный экипаж в Англии и Америке.

- Даже ни одного кафе или поилки Валласа*, а уже пить страшно хочется!

---

* Поилка Валласа - жаргонное американское название уличных питьевых автоматов (по имени владельца фирмы).

- И есть тоже, Тотор!

- Да-да! Сейчас как раз то время, когда образцовый стюард мистер Дик приносил гренки с маслом, ветчину, чай, сгущенное молоко, холодные закуски, пирожные… Ну попадись он мне!..

- Замолчи, изверг! Я и так истекаю слюной.

- А я и в самом деле попробую раздобыть еды.

- Тогда давай торопись!

- Видишь пальмы? Эти достойные представительницы флоры* дают плоды, так называемые кокосы, которые заключают в себе съедобное ядро и молоко, или, если угодно, питьевую воду.

---

* Флора - мир растений.

- Целый завтрак. Правда, скудный.

- Пища анахоретов* или робинзонов… пойдем же за ней!

---

* Анахорет - отшельник, человек, живущий один в глуши.

Меринос с Тотором тронулись в путь, но, пройдя всего лишь сотни две метров, убедились, что солнце печет нестерпимо, а прикрыться нечем.

- Этим шутить нельзя, - воскликнул Тотор, - мы почти на экваторе, и солнечный удар по темечку прикончит нас в пять минут.

- Ах, Тотор, где мой старый добрый шапокляк*, который ты набил в Австралии свежей травой, чтобы спасти меня от теплового удара.

---

* Шапокляк - складной цилиндр.

- И птичьи яйца, которые так восхитительно пахли рыбьим жиром и тухлой рыбой…

При этих словах, напоминающих о трагических и смешных событиях, парижанин сделал победный кульбит* и воскликнул:

---

* Кульбит - в акробатике: переворот через голову.

- Не могу предложить тебе цилиндр, но зато получишь потрясающий колпак цвета хаки, совершенно клоунский. Смотри! Соображаешь?

Друзья стояли под пальмами, перед грудой огромных орехов, прикрытых волокнистой оболочкой.

Парижанин, от которого ничто не скроется, заметил, что на некоторых упавших орехах сохранился широкий и длинный карман, прикрывающий орех, и большой моток волокон. Сам карман, табачного цвета, высотой сантиметров в шестьдесят, состоял из прочных, очень эластичных волокон, которые переплелись так, что получилась грубая, плотная, непроницаемая ткань. У него строго коническая форма с крысиным хвостиком сверху.

Тотор вынул орех из оболочки, растянул ее обеими руками в длину, подвернул края и радостно воскликнул:

- А вот и шляпа! Похожа на бумазейный чепец, гасильник для свечей и, главное, на колпак звездочета. Солнцезащитный и водонепроницаемый, стоит на голове, словно картонный! Требуйте товар бесплатно у дипломированного изготовителя-изобретателя! Никакой государственной гарантии! А ты, голубчик, прикрой-ка свой черепок. Наверное, горяч, как страусиное яйцо всмятку!

Меринос с серьезным видом натянул шапку до ушей.

- Hello! Тотор, ты гений! Во всем мире один ты можешь до такого додуматься!

- Ты мне льстишь, однако приятно. Надеюсь, папа был бы доволен. Жалко, что нет “кодака”*, ей-богу, тебя надо бы снять с поясом, с которым ты похож на свирепого зверя, и в шляпе некроманта**. Но я болтаю, а моя тыква греется! Еще заработаю мигрень***, а аспирина нету!

---

* “Кодак” - марка фотоаппарата.

** Некромант - человек, пытающийся при помощи особых обрядов вызывать души умерших.

*** Мигрень - головная боль, вызванная приливом крови из-за сильного сжатия сосудов.

Парижанин в свою очередь украсил голову остроконечным колпаком и добавил:

- Полюбуйся-ка на меня!

- Ты великолепен, я и о себе теперь лучше думаю! Пожалуй, самое время позавтракать.

- Точно, неплохо бы слопать один такой фрукт и выдуть стакашек! Поищем!

Порывшись в куче упавших плодов, они с удивлением обнаружили, что большинство орехов пусты, а в нижней части отчетливо видна круглая дыра - словно кто-то просверлил крепкую древенистую кожуру каким-то идеально заточенным инструментом.

- Чистая работа, - произнес Тотор. - Кто же мог так продырявить скорлупу, чтобы съесть мякоть?

Внезапно раздался шум: полдюжины орехов отделились от вершины и тяжело упали на землю. Один из них чуть не попал в Мериноса, который отскочил назад.

- Нас обстреливают! - крикнул он. - Еще немного, и мне проломили бы голову!

- Какой-то безмозглый шутник устроил представление знаменитой басни “Желудь и Тыква”!

- Кто же это? Обезьяна?

Оба подняли головы и, вытянув шеи, всмотрелись. У начала кроны скользили большие бугорчатые, глянцевитые, неуклюжие, бесформенные существа с короткими лапами. Казалось, у них нет ни голов, ни хвостов.

Друзья хорошо различали, как на пятнадцатиметровой высоте двигаются между ветвями эти противные существа. Ощупывают кокосовые орехи, вероятно, оценивая их зрелость, а затем быстро срезают у основания.

- Так это же крабы! - воскликнул Тотор. - Крабы. Карабкаются по деревьям, точно так же, как медведь Мартэн в парижском Ботаническом саду!

- Чудо природы! - рассудительно заметил Гарри.

- Черт возьми, какие огромные! Наверняка не меньше пятидесяти сантиметров. Вот они - ловкие сверлильщики кокосов! Подождем немного, уверен, и мы поживимся с этого барского стола!

Друзья отошли в сторону, спрятались и вскоре стали свидетелями оригинального зрелища. Тотор не ошибся, это были действительно огромные крабы. Сбив достаточно орехов, они поползли вниз.

На каждом стволе были видны кольцевые рубцы, ежегодно возникающие в местах отпадения ветвей. На рубцах образовались толстые, шероховатые и извилистые валики, наподобие ступеней. Крабы сумели использовать образовавшиеся выступы. Они осторожно зажимали зазубренными клешнями край каждого валика, затем на передних лапах скользили вниз, а задние ноги с короткими крепкими шипами опирались на нижний валик. Затем странным, но очень точным движением клешни впивались в валик, за который ухватились лапы с шипами, и так далее, со ступеньки на ступеньку. За две минуты чудовища достигли земли и с жадностью набросились на орехи.

Каждый плод, как известно, имеет в основании три отверстия одно из них достигает зародыша, из которого возникает будущее растение.

Обладая удивительным нюхом, крабы никогда не ошибаются. Они вонзают клешню в маленькую дырочку - ворота плода. Твердая и острая, как сталь, невероятно мощная клешня быстро крошит края дырочки. Крак, крак… клешня работает уверенно и быстро, мелкая стружка так и брызжет из-под нее. Отверстие увеличивается. Через пять минут уже можно просунуть туда пальцы.

Заинтересовавшись этой гимнастикой, а еще больше вылущиванием орехов, Меринос и Тотор проворно подобрались поближе.

- Думаю, кокосы уже готовы. Пора провести реквизицию.

- Yes, реквизируем. Очень хочется пить.

- А я помираю от голода.

Маленьким блестящим глазкам членистоногих явно не доводилось видеть человека. Вторжение людей вызвало у крабов естественное беспокойство.

Не поймешь, то ли в мольбе, то ли с угрозой, они забавно вздымали свои полуоткрытые грозные клешни. Тотор, видя, как друг дерзко протянул руку к соблазнительным орехам, закричал:

- Осторожней! Они будто ошалели. Могут и руку отхватить.

Но Гарри не слушал его: голод не тетка! Он расшвырял ногами, разбросал участников пиршества и решительно схватил пару орехов.

Внезапность нападения вызвала панику. Наверное, эти твари, закованные в панцири, испугались монстра* с пробковым поясом и островерхим колпаком. Они разбежались, двигаясь как-то боком, будто тарелки с ногами, и, останавливаясь неподалеку, находили новые орехи и как ни в чем не бывало возобновляли прерванную работу.

---

* Монстр - чудовище.

Один из орехов Меринос подал Тотору, другой поднес ко рту.

- За твое здоровье! - провозгласил Тотор.

Но американец не слышал, не отвечал. Захлебываясь от жажды, он с лихорадочной алчностью пил большими глотками. Орех мгновенно опустел. Пока Тотор осушал свой орех, смакуя каждый глоток, Меринос

взялся за следующий.

- Ах, как хорошо! - произнес он наконец с долгим вздохом полнейшего блаженства.

- Еще бы - выдул столько молочка!

- Сладкое, свежее, жирное.

- Ты прав, это первоклассный кокосомолочный продукт! К тому же некому его разбавлять, по примеру молочников из Пантрюш, моей деревни у Монмартра, во Франции.

- Теперь нужно подумать о более существенном.

- Проще простого! Кокнем кокос!

Так они и сделали. Разбили волокнистую скорлупу о коралловые скалы, достали ядро и неплохо подкрепились.

Таким был первый завтрак.

ГЛАВА 5

Небольшая разведка. - Сюрприз. - Подводная битва. - Кит и нарвал. - Незавидное положение. - Это риф! - Тотор свежует добычу. - Вторжение. - Вегетарианцы, но могут быть плотоядными. - Отступление. - Оправданные опасения. - Без огня. - Парижанин хочет сотворить чудо.

- Кое-как, но мы поели, - заметил Тотор, - а теперь боюсь, как бы нам не пришлось попоститься. И долго!

- Да, кроме кокосов, здесь ничего не растет, да и пальмы чахлые.

- Уж не говоря о том, что в конце концов нам эти кокосы осто… кокосят!

- Тотор, ты неисправим!

- Увы, да!

- А если крабы забастуют?

- Проклятье! Это будет для нас смертельным ударом!

- Не надо пока об этом думать, продолжим прогулку.

Друзья уже давно начали обход своих владений. От спасательных поясов стало жарко, они сняли их и несли в руках, как корзины. Медленно брели под жгучим солнцем, уже обогнули половину бухты - все так же пустынно.

- Где же мы находимся, черт возьми? - воскликнул Тотор.

- Не очень-то я разбираюсь, но, может быть, на побережье Новой Гвинеи*.

---

* Новая Гвинея - второй по величине (после Гренландии) остров в море; находится в западной части Тихого океана.

- Это было бы в сто раз лучше, чем на рифе из мадрепоровых кораллов*, которыми изобилуют эти места. Идя на северо-восток, мы обнаружили бы леса, птиц, зверье и людей.

---

* Мадрепоровые кораллы (каменистые кораллы) - отряд прикрепленных

кишечнополостных морских животных класса коралловых полипов (около 2500 видов). Обладают крепким наружным известковым скелетом, в скоплениях каждое животное имеет размер от 1 мм до 3 см, а сами скопления имеют до нескольких метров в высоту и образуют коралловые рифы.

- Да, каннибалов*.

---

* Каннибал - людоед.

- С ними можно договориться!.. Но все равно, хорошего мало.

- Да, вот не повезло так не повезло!

- Проклятье! Настоящим жертвам кораблекрушений всегда достаются обломки судна, провизия, оружие, одежда, шлюпки, короче - все, что нужно для их профессии робинзонов. А у нас ничего в руках и ничего в карманах!

- Зато у меня - нож.

- Вот здорово! А у меня ничего, кроме носового платка, а без него, следуя примеру Адама, можно и обойтись.

- By God!* Эта проклятая земля еще и жесткая!

---

* О Господи! (англ.)

- Она быстро сотрет подошвы наших башмаков…

- Нет даже ручейка. Ни пресной воды, ни дров, чтобы развести костер…

- Ни даже спичек… Иначе говоря, у нас нет, во-первых, ничего, а во-вторых - всего прочего.

- Что же с нами будет?

- Дьявол! Надо выкручиваться, будем вкалывать, делать из ничего хоть что-то и жить, используя все возможное и даже невозможное!

- Ты хорошо сказал: “невозможное”… Никогда еще мы не бывали в более безнадежном положении! И если ничего не изменится, то нас ждет ужасная смерть в мучениях от голода и жажды.

- Ну-ну, не дрейфь! Я же сказал - выкрутимся!.. Смотри-ка! Толку мало, а все равно забавно! Целый фонтан! Соображаешь, настоящий фонтан!

В ста метрах от берега над волнами на семь-восемь метров поднялся столб воды, изящно изогнулся и рассыпался дождем.

- Видишь, - продолжал Тотор, - наверняка это владелец здешних мест устроил водяную феерию в нашу честь.

Меринос рассмеялся:

- Лучше бы он предложил нам отобедать.

- В самый бы раз! Только праздничек уже кончился, не долго гости веселились!

Струя иссякла и больше не появлялась, но спокойные до сих пор воды бухты пришли в движение. Они пучились и вспенивались, местами стремительно закручивались и водоворотами обрушивались на берег.

Вдруг всплыла чудовищно огромная голова. Показалось и гигантское

туловище с сероватой кожей. Хвост хлестал волны громовыми ударами. Это был гигант морей, длиною более двадцати пяти метров.

- Черт побери! Кит!

- God! A whale!* Поразительно! Я думал, они встречаются только в северных морях.

---

* Боже мой! Кит! (англ.)

- Оказывается, нет. Ого, ничего себе прыжок! Какого дьявола ему здесь нужно? И что это он выделывает?

- Развлекается.

- С легкостью кита, черт возьми!

И тут что-то черное, быстрое, как веретено, прорезав светлую воду, оказалось рядом с морским исполином.

- Смотри-ка, еще одна зверюшка.

"Зверюшка" достигала не более шести метров в длину, но сразу видно было, насколько она опасна. Сильная, агрессивная, она носилась как бешеная, с невероятной скоростью подплывала, отплывала, ныряла, всплывала и кружилась вокруг кита. Порой выпрыгивала до середины туловища, и тогда друзья видели на передней части головы страшное оружие: длинный рог, белый, как слоновая кость. Огромное острие длиной не меньше трех метров.

- Ну и чудище! Ты знаешь, кто это, Тотор?

Парижанин, подкованный в зоологии больше своего друга, уверенно

ответил:

- Это, должно быть, нарвал*.

____

* Нарвал - морское млекопитающее семейства дельфинов длиной до 6 м и весом до 1,5 т. Бивень нарвала имеет в длину до 3 м.

- Но он нападает на кита!

- Ничего удивительного. Натуралисты утверждают, что они всегда как кошка с собакой.

- Значит, и кит не ради удовольствия сюда заплыл. Выдающийся матч увидим!

- Да, он спасает свою шкуру, это дуэль не на жизнь, а на смерть.

- На кого поставишь?

- Смеешься надо мной?

- Просто пари - национальная традиция.

Несмотря на отчаянное положение, друзья с любопытством наблюдали за битвой, которая напоминала атаку торпедного катера на броненосец.

Кровопролитная дуэль коротка. Надеясь на ловкость, бесстрашие и отточенное оружие, нарвал всплыл, снова нырнул и решительно устремился на противника.

Более тяжелый и менее подвижный кит явно устал. Неотступно преследуемый, вынужденный тратить много сил в бою, он уже не мог избежать атаки. Бивень нарвала погрузился в бок кита. Чувствуя, как

острие рвет внутренности, кит отбивался с неописуемой яростью, а нарвал не мог освободить бивень из толщи жира и мускулов.

Раздался сухой треск. Рог обломился и остался в ране.

Выброшенный невероятно сильным ударом, нарвал показался из воды целиком, лишенный своего оружия.

- Вот и стал курносым, как лягушка! - закричал Тотор.

А кит развернулся на месте и, подняв огромный хвост, обрушил его на врага.

- Вот это шлепок! Каково, Меринос! Нарвал от такого не оправится!

И действительно, в огромном фонтане брызг, возникшем вслед за “шлепком”, показалось недвижное, безжизненное тело оглушенного нарвала. Пока его, как обломок корабля, сносило к берегу, кит нырнул и удалился, снова выбросив столб воды.

- Так-так! - продолжал Тотор. - Пожалуй, не было бы счастья, да несчастье помогло.

- Какое несчастье?

- Да гибель нарвала, конечно! Сейчас волны принесут нам много еды.

- Фу, есть это чудовище, да еще сырым!

- Я тоже предпочел бы камбалу по-нормандски или семгу под соусом из каперсов*, но у нас нет выбора, и спасибо небесам за подарок!

---

* Соус из каперсов - соус, приготовленный из бутонов и плодов каперса колючего, овощного растения, выращиваемого в Европе, Африке, Америке, Индии.

- Ну ладно. А что будем пока делать?

- Я приму аперитив*.

---

* Аперитив - напиток для возбуждения аппетита, обычно спиртной.

- Тьфу!.. Ну и гурман* же ты!

---

* Гурман - лакомка, любитель вкусно поесть.

- Не нравится? Тогда устрою себе массаж живота при помощи вон той высокой пальмы!

- А зачем?

- Чтобы осмотреться с вершины.

И, подкрепляя слово делом, Тотор с проворностью белки стал карабкаться на пальму.

Забравшись на самый верх, он долго изучал сушу, море, все пространство вокруг себя. Затем мощными ударами ноги принялся выламывать огромные ветки, которые грузно падали, увлекая за собой

несколько орехов.

Тотор молча спустился и стоял, озабоченно наморщив лоб.

- Ну, что ты выяснил? - спросил Меринос.

- Увы, должен сказать, ничего не скрывая и без обиняков, наше положение еще более незавидное, чем мы предполагали.

- Говори прямо, не бойся!

- Мы находимся на рифе не более трех миль шириной. Это выжженная солнцем скала, на которой нет ни травинки! Глыба кораллов. Только у кромки воды растет несколько пальм… А единственные обитатели - крабы!

А пресная вода?

Ни малейших признаков!

Ну а что видно дальше?

Мне кажется, я разглядел еще островки… Но точно такие же!

Тогда мы пропали!

- Да, - ответил Тотор, - точно, пропали, если не выберемся как можно скорее из этой чертовой дыры.

- Но плыть на наших поясах нет смысла. Выбиваться из сил, чтобы оказаться на другом таком же рифе…

- А надо плыть дальше. Намного дальше.

- Мы не сможем. Как ни старайся, человеческие силы имеют предел.

- Кто знает!

- Тотор, ты что-то придумал!

- Может быть.

- Скажи, прошу тебя.

- Ты преподнес мне сюрприз, увезя меня из Сиднея. А теперь моя очередь удивить тебя. Я, правда, не уверен, что получится. Но все-таки попробуем… Видишь ли, дружище, нам потребуется нечто большее, чем воля и храбрость. Придется отчаянно, яростно пытаться сделать невозможное! Мы должны трудиться почти без надежды, питаясь этими идиотскими кокосами, едва смачивая глотку молоком из орехов, и все это на экваторе! Для разнообразия можно съесть сырой кусок акулы, которая скоро превратится в падаль… Вот так! А теперь давай займемся делом. Море отступает, нарвал обсох… Сейчас около десяти часов, до наступления темноты у нас есть еще восемь часов. Начнем же!.. Прежде всего поделим работу. Пока я буду крутиться тут, ты будешь отнимать у крабов орехи, чем больше, тем лучше. Дай мне свой ножик.

- Держи. Я пошел.

- Подожди-ка.

Тотор раскрыл нож - хорошее, прочное лезвие, прекрасно заточенное, вправленное в рукоятку из кости. Он поднял пальмовую ветвь, быстро отсек листья и вырезал двухметровую крепкую увесистую дубину.

- На, возьми, чтобы колотить крабов, если они вдруг вздумают показать норов.

- Спасибо, я пошел.

Тотор тут же принялся сдирать с нарвала шкуру. К счастью, во время отлива туша опустилась на спину меж двух больших коралловых обломков, которые и зажали ее брюхом вверх.

Для начала юноша разрезал во всю длину кожу, толстую и жесткую, как у акулы. Эта трудная операция под тропическим солнцем оказалась мучительной. Очень скоро парижанин весь взмок. Он отирал пот, пеленой застилавший глаза, и ожесточенно продолжал работу.

- Дьявольщина! Какая жесткая шкура! И чертово солнце кипятит мне котелок… Мозги скоро подгорят! Между нами, я погибаю от жажды. Ничего себе кругосветное путешествие! А я еще жаждал приключений!

Ох! Обслужили по первому разряду и весьма щедро! Проклятая работенка!

Свежевание все же продвигалось.

Шкура, отсеченная ловким поворотом ножа, падала широкими складками. Но солнце было в зените - ужасная иссушающая жара угрожала тут же сделать ее тверже доски.

- Вот этого не надо! - воскликнул Тотор. - В таком виде шкура мне не нужна. Она должна быть мягкой. Что же делать? А, придумал!

Недаром у парижанина всегда наготове куча идей. Тотор разложил на отрезанной части шкуры несколько охапок пропитанных водой водорослей и вновь принялся за противную работу живодера.

Время от времени нож тупился. Тогда Тотор принимался быстро водить лезвием по кораллам, с грехом пополам натачивая его.

Возвратился Гарри с четырьмя орехами: по одному в руках и под мышками, ступал осторожно, чтобы не разлить драгоценную влагу.

- Держи, Тотор, дружище, пей и ешь!

- Глоток сиропа! Вот что больше всего нужно! У меня будто угли в глотке!

Меринос сновал челноком, убегал, возвращался, снова убегал и без передышки носил вскрытые орехи.

- Ну а что крабы? - поинтересовался Тотор.

- Начинают проявлять недовольство и показывают клешни. Думаю, они скоро рассердятся.

- Хватит бегать! Уже темнеет. Я кончил свежевать нарвала… Уф! Это было не просто! А сейчас давай-ка потянем изо всех сил и вытащим шкуру на берег - подальше от прилива, который уволочет ее к черту на кулички. Раз, два, взяли! Еще раз! Давай-давай, Меринос!

Несмотря на огромный вес шкуры, друзья оттащили ее метров на

тридцать и накрыли водорослями, после чего, изможденные, провалились в сон.

Лежа ничком на еще теплом известняке, они смогли поспать только до четырех часов утра. Новоявленные островитяне проснулись от странных звуков: то ли потрескивания битого стекла, то ли шуршания щебенки под ногами. Сухой, непонятный стук. И вместе с тем - ощущение чего-то живого, которое копошится, шевелится, окружает.

Парижанин угадал, что это было, вскочил и закричал:

Крабы! Черт возьми, почуяли мясо… Идут на добычу. Несомненно, хотят съесть нарвала и его шкуру, а затем приняться за нас… Ну нет, погодите!

Вокруг, при свете звезд, кишели несметные полчища крабов. Тысячи безликих существ, как в кошмарном сне, угрожающе обступили их полукругом. Панцири терлись друг о друга с отвратительным скрежетом. Чудища подступали сомкнутыми рядами к людям и шкуре хищника.

Тотор не ошибся - крабы сбегались на дележку добычи. Эти добропорядочные вегетарианцы, питающиеся исключительно кокосами, охотно становятся кровожадными хищниками. В рассказах о путешествиях парижанин вычитал, что сухопутные крабы* иногда очень опасны. Животные и люди, попадавшие в западню на коралловых островах, нередко становились добычей крабов. Их разрывали на куски и съедали живьем.

---

* Сухопутные крабы - десятиногие крабы семейства сухопутных раков; во взрослом состоянии живут на суше. Краб-пальмовый вор, о котором, по-видимому, идет речь в романе Буссенара, хорошо лазает по деревьям, длина его тела до 32 см.

Пока крабы не отведали плоти, они, как утверждают, достаточно боязливы. Животные и, конечно, человек могут обратить их в бегство. Но стоит им вкусить мяса, даже только почуять его, храбрость их и прожорливость становятся безграничными. С неслыханной свирепостью они набрасываются на все живое и в несметном количестве смертельно опасны.

- Эй! Меринос, старина! - прокричал Тотор. - Больше шума! Смелее! Бей куда попало!

- All right! Чудища нас атакуют. Будем защищаться!

Схватив на ощупь по пальмовому листу, путешественники с яростными воплями стали метаться как черти и дубасить врага изо всех сил.

Яростная, суматошная оборона, крики, беспорядочные жесты сдерживали нашествие. Крабы оторопело останавливались, в замешательстве пятились, с треском стукаясь друг о друга.

Наступила пауза, и друзья смогли перевести дух. Кроме того, начинало светать, занимался день, - а храбрость членистоногих убывает вместе с темнотой. Крабы - не ночные животные, но тем не менее предпочитают действовать с наступлением сумерек и до зари. Часы знойной жары и ослепляющего света, к которым они мало приспособлены, ракообразные посвящают сиесте*.

____

* Сиеста - в Испании, Италии, странах Латинской Америки и некоторых других - полуденный (послеобеденный) отдых; самое жаркое время дня.

По мере того, как поднималось солнце, они медленно пятились назад. Отступлению сопутствовали такие странные жесты, что в другое время Тотор покатился бы со смеху.

- Победа, - закричал Меринос, - победа! Враг отступает!

- Да! Но он еще вернется, - проронил Тотор, - и Бог знает, что тогда произойдет. У меня уже сейчас мурашки по коже бегают.

Несмотря на всю храбрость, бедняга вздрогнул от ужаса и продолжал приглушенным голосом:

- Следующей ночью они соберутся тысячами вокруг нас, и уже ничто их не остановит. Все сожрут: нарвала, его шкуру, которой я дорожу больше, чем своей собственной, а затем и нас. Чтобы остановить нападение, понадобится огненная преграда. Большой костер, яркое пламя!

- Эх, дружище, откуда ты его возьмешь?

- Вот это меня и бесит! Когда-то, в Австралии, получилось… но тогда у нас была растопка. А здесь, с этими пальмами, пропитанными соком, с корой, влажной как губка, это невозможно.

- Но посмотри на кокосовые волокна, они сухи, как… как трут! Так это у вас называется?

- Правильно, tinder*. Но как ты его подожжешь?

---

* Трут (англ.).

- Если постучать камнем о тупую сторону ножика, посыплются искры.

- Попробуй!

Меринос подобрал обломок и постучал им о кресало* изо всех сил. Увы, ни искринки. Известняк стирался, крошился зернистой, жесткой пылью. Американец лишь содрал кожу на пальцах. После десяти минут

бесплодных усилий он, расстроенный, признал свое поражение.

____

* Кресало, огниво - стальная пластина для высекания огня из кремня.

- Вот видишь, - произнес Тотор, - не получается!

Нахмурив брови, наморщив лоб, парижанин наклонился, вглядываясь во что-то, как бы ища нечто неуловимое, могущее породить огонь.

- Нет! Ничего нет! А найти нужно, иначе мы погибнем. Гром и молния! Такое солнце - и впустую вся его энергия! Была бы у меня лупа! Или хоть просто кусок двояковыпуклого стекла. Всегда с собой нужно иметь бинокль! - Взгляд Тотора остановился на освежеванной туше морского хищника. Луч солнца ударил в глаз чудовища и сверкнул, отражаясь, будто в полированном кристалле.

- Да! Нужна лупа, чтобы собрать лучи, которые жгут пламенем и прожаривают до костей. Тогда бы я в момент управился, черт побери!

Он раздумывал, завороженный ослепляющим лучом, потом вскинул руки, подпрыгнул, восклицая:

- Это глупо, безумно, тут нет ни на грош здравого смысла, и все же…

- Ты что-то придумал?

- Да, предел безумия! Тут уже надеяться остается только на чудо! Но попробую!

ГЛАВА 6

О катаракте. - Глазной хрусталик и собирательные линзы. - Тотор-хирург. - Парижанин извлекает огонь из глаза мертвого нарвала. - Свежее вино и поджаренное мясо. - Что можно сделать из кожи китообразного. - Изумление Мериноса. - Опасения.

- Скажи-ка, Меринос, ты читал “Путешествие парижанина вокруг света”?

Услышав вопрос, по меньшей мере странный в такой момент, озадаченный американец посмотрел на своего друга так, будто сомневался, все ли с ним в порядке. Потом ответил:

- Нет, а что?

- И напрасно. Во-первых, потому, что это замечательное произведение, переведенное на все языки - английский, немецкий, итальянский, испанский, ирокезский, яванский и патагонский; оно повествует о необыкновенных приключениях моего отца во время прославившего его путешествия. Это, можно сказать, молитвенник образцового путешественника… Vade mecum* бедствующего исследователя новых земель.

---

* Путеводитель (лат.).

- Смиренно прошу прощения. Продолжай!

- Во-вторых, потому, что из этого увлекательного чтения ты узнал бы о существовании Онезима-Филибера Барбантона, легендарного жандарма

колониальной армии моей славной страны…

- Увы, не имею чести знать этого бравого вояку.

- …который был бесстрашным спутником моего вышеупомянутого прославленного отца. Вот так!

Гарри Стоун качал головой и глядел на друга, грустно бормоча:

- Бедняга Тотор бредит! У него солнечный удар.

- Да не пялься же на меня, будто я проглотил Вандомскую колонну!* Я в полном рассудке.

____

* Вандомская колонна - колонна, установленная в 1806 - 1810 годах на одноименной площади в Париже в честь побед Наполеона Бонапарта.

- Я тебя внимательно слушаю!

- И очень хорошо! Это крайне важно. Вот увидишь! Обогати ты себя этим душеспасительным чтением, знал бы о подвигах знаменитого Барбантона, восхитился бы его красноречием и заинтересовался, что стало с этим выдающимся представителем нашей армии.

- Не просто желаю, но буду счастлив узнать об этом, - ответил Меринос со снисходительностью, которую проявляют к сумасшедшим.

- Так вот, этот достойный командир, который далеко не молод, чуть не потерял зрение. С возрастом наваливаются болезни, и у него развилась катаракта. Ты ведь знаешь, что это такое? Весьма неприятная глазная болезнь, помутнение хрусталика* - лучи света не проникают в заднюю часть глаза. Так вот, бедный Барбантон ослеп. Но ему не нравилось

бродить по улицам за собачкой на поводке, и он решился на операцию. Потрясающий окулист, месье Демар, сделал ее. Я наблюдал вместе с отцом, как месье Демар заменил у Барбантона оба хрусталика. Выздоровление было полным. Наш дорогой командир заплатил за пару двояковыпуклых линз. Свои прежние хрусталики поместил в сосуд со спиртом и хранит как драгоценность. Сейчас он видит как мы с тобой… Что скажешь?

---

* Хрусталик глаза - прозрачное двояковыпуклое тело (линза), расположенное позади зрачка, пропускающее и преломляющее лучи света. Помутнение хрусталика (катаракта) вызывает слепоту.

У Гарри Стоуна больше не было сомнений. Этот странный рассказ!.. Тотор явно потерял рассудок.

Но тот продолжал как ни в чем не бывало:

- Весьма любопытно и поучительно, не правда ли? Пока солнце поднимается, я продолжу. Мне нужно, чтобы солнце стояло высоко, как можно выше, в зените. Одним словом, я узнал особенности хрусталика, его форму, твердость, прозрачность. А теперь позволь спросить, знаешь ли ты, что такое чечевицеобразная линза. Да нет, не в супе, а в оптике. Конечно же, я не оскорблю тебя подозрением в незнании.

Меринос ответил с печальным смирением:

- Yes, прозрачное тело из стекла или хрусталя, ограниченное двумя выпуклыми наложенными друг на друга поверхностями вращения, оси которых совпадают.

- Замечательно! Ты просто ходячий учебник оптики!.. Итак, двояковыпуклые линзы называются также собирательными, ибо обладают

свойством концентрировать проходящие через них лучи света. А в лучах, сведенных таким образом в пучок на каком-либо предмете, достаточно тепла, чтобы зажечь этот предмет, если он горючий.

- Yes! Фокус линзы и фокусное расстояние… Знаю!

- Отлично! Ну, хватит о линзе. Солнце скоро будет на нужной высоте.

- Ну, и что же мы будем делать?

- Собирать кокосовый волос… Самый сухой и самый тонкий… Его нужно много… Начнем!

Молодые люди принялись за работу. Не прошло и четверти часа, как они собрали целый ворох. Часть его Тотор свалил около нарвала, выбрал самые длинные волокна, раздергал их и превратил в невесомую, пушистую массу, похожую на нащипанную корпию*.

____

* Корпия - раздерганная на нитки ткань, которая употреблялась вместо ваты для перевязки ран.

- Отлично, - проговорил он, заканчивая, - должно загореться в мгновение ока.

- Как это? - спросил Меринос с еще большим замешательством.

- Так вот, дорогой мой принц шерсти, знай, что глазной хрусталик представляет собой природную двояковыпуклую линзу, с теми же физическими свойствами, что у стеклянных или кристаллических линз. Понимаешь?*

---

* Автору известно, что у птиц и рыб глазной хрусталик сферический. Однако нарвал - китообразное и, стало быть, млекопитающее, и его хрусталик двояковыпуклый, как у его сородичей. (Примеч. авт.)

- Ну и что?

- Чтобы зажечь эту груду волокон, за неимением стеклянной линзы, я обойдусь линзой природной… хрусталиком.

- Как это?

- Что-то ты сегодня туго соображаешь! Смотри!

Парижанин подошел к нарвалу и рассек ножом левое глазное яблоко. Глаз был виден целиком, страшный, размером с два кулака.

- Эй, что ты делаешь?! - озадаченно воскликнул американец.

- Не видишь? Удаляю нарвалу катаракту и забираю у него хрусталик.

- О, Тотор, мой дорогой Тотор! А мне-то показалось, что ты спятил! Да ты просто гений!

Парижанин ответил с обезоруживающим хладнокровием:

- Похоже, одно недалеко от другого! Ну, займемся операцией!

Остекленевший глаз был тверд как камень. Острым, хорошо наточенным ножом юноша ловко сделал надрез. Осторожно расширил рану и кончиком пальца исследовал ее.

Нащупав что-то упругое, он прошептал:

- К счастью, пациент не дергается и не кричит. И я не боюсь, что он окривеет.

Юный препаратор расширил отверстие, дал вытечь жидкости, затем запустил палец поглубже. Нажал - и внезапно нечто прекрасное, сверкающее чистотой, прозрачное, как хрусталь, упало ему в руку. Это что-то было чуть больше стекла карманных часов и около двух сантиметров толщиной в середине.

Парижанин извлек хрусталик нарвала.

Впрочем, Тотору некогда было рассматривать его. Он не без основания опасался иссушающего действия атмосферы по отношению к поверхности этой органической, такой уязвимой линзы.

Над головой, в раскаленном добела небе пылало ужасное солнце экватора. Тотор подставил под солнечные лучи еще влажный хрусталик. В нескольких сантиметрах под ним находился ворох размочаленных, превращенных в пух кокосовых волокон.

Прерывисто дыша, морщась, обливаясь потом, Гарри молча наблюдал за необычной операцией, от которой зависело их существование.

Совершенно спокойный Тотор направил сконцентрированные хрусталиком лучи на тоненькие волоконца.

О, чудо! Под хрусталиком появилось рыжее пятно с разводами всех цветов радуги по краям.

Парижанин хладнокровно определил фокусное расстояние, при котором спроецированное лучами пятнышко имело бы наименьшую площадь.

Но время торопило. Под неумолимым жаром солнца оболочка хрусталика уже потускнела, затуманилась, скоро она покоробится, потеряет прозрачность.

Меринос затаил дыхание. Его товарищ наводил линзу еще две секунды. Готово!

Ожидание стало невыносимым. Лупа покоробилась, сморщилась.

О, Боже! Сколько находчивости, сколько мужественных усилий - и все впустую?

…Появился небольшой дымок и, закручиваясь в спираль, поднялся в красноватом пучке света. Запахло гарью.

Среди тончайших волокон возникала черная точка, она увеличивалась, растягивалась, плавилась и потрескивала. Края ярко светились. Вдруг наружу выбился огонек, он выплескивался языками, увеличивался… Хрусталик больше непригоден, но чудо уже свершилось!

Меринос, вне себя от радости, больше не сдерживался. Испуская неистовые вопли, он прыгал и скакал, крича:

- Ура Тотору! Да здравствует Тотор! Totor for ever!

Гарри хохотал и плясал как одержимый, пока парижанин не заметил:

- А ведь это ты спятил!

- Да, да, спятил от радости и восхищения! Во всем мире не сыскать такого, как ты!

- Спасибо! Ты сама любезность. Только не слишком дергайся, на таком солнце это вредно. Нам удалось, и я счастлив! Я верю в будущее, теперь можно подумать и о настоящем.

- Ты прав! Хотя и меня можно понять.

- Особенно когда ты выражаешься жестами, свойственными краснокожим, танцующим вокруг скальпа, да еще в этом остроконечном колпаке! Только хватит шуток, нужно поддерживать огонь, собирать пальмовый волос, подбирать листья, ветки, подтаскивать упавшие от старости стволы, короче - все, что может гореть.

- Правильно, и этого еще мало, чтобы создать между нами и крабами огненную преграду.

- К вечеру устроим большой костер, полукругом. А теперь - за работу.

- Но я же умираю от голода! - воскликнул Меринос.

- Ладно, ладно, за работу, нам есть чем заняться.

Тотор подошел к нарвалу и ловко отрезал чуть ниже ребер огромный кусок мяса.

- Тут не меньше десяти фунтов… Нацепи-ка это на вертел и сунь в огонь.

Американец посмотрел на толстый, плотный, малоаппетитный кусок мяса и проворчал:

- Должно быть, как подошва.

- Молчок! При наших-то зубах и голодном брюхе! Еще бы щепотку соли кинуть, так только пальчики оближешь! Живей к плите, поваренок!

- Но я пить хочу!

- Я тоже. И неудивительно, крутиться у такого огня, да еще при сорока градусах!.. Черт побери, да мы идиоты!

- Ну уж, клевета!

- Нет, повторяю: круглые дураки! Нам даже в голову не пришла самая очевидная вещь.

С этими словами Тотор подошел к пальме, глубоко прорезал кору и пояснил:

- Похоже, тут много сока. Говорят, он начинает течь, как только проткнешь кору. Это называется пальмовое вино. Неплохо будет получить полштофа, чтобы оросить наше жаркое!

Прошло несколько минут. Вскоре жидкость, прозрачная, как ключевая вода, потекла из надреза тонкой струйкой.

Тотор всосал ее губами, причмокнул языком и воскликнул:

- Потрясающе! Божественный напиток! Прохладный, сладкий, вкусный и в горло проскальзывает, как бархатный.

- Да ты прямо дьявол!

- Не льсти мне! Давай прикладывайся к крану! Не захлебнись и, главное, не задирай носа, а то шибанет если не в голову, то в нос!

И пока его друг жадно пил, неисправимый болтун продолжал:

- Хм, кто бы сказал, что мы получим пальму в кормилицы, когда у нас уже усы пробиваются!

- Благодаря тебе, мой дорогой, мой славный Тотор, мы стали весьма достойными робинзонами, и я вновь начинаю надеяться.

- Что это, аперитив на тебя так подействовал? Ну, тем лучше. А теперь за работу!

Утолив жажду, Гарри умело приступил к установке вертела. А парижанин занялся не столь приятным делом. Он возвратился к нарвалу и решительно вспорол ему брюхо. Часть кишок выпустил наружу, быстро отсек несколько метровых кусков, разрезал их в длину на тонкие ремни, натер жиром и принялся мять, размягчать, и пробовать на прочность, затем намотал на камни и наконец сказал:

- Будет прекрасная бечева! Есть уже двадцать пять или тридцать метров, sufficit!*

---

* Достаточно (лат.).

Проделав все это, парижанин проговорил:

- Теперь нужно изготовить иглу. Конечно, не стальную, хотя бы деревянную.

Он отрезал от пальмового листа кусок стебля длиной сантиметров

двадцать пять и с одного конца проделал дырку - ушко будущей иглы. Потом заострил другой конец, тщательно отполировал свой инструмент и заключил:

- Ей-богу, похоже на кинжал.

Юноша продел конец кишки в эту монументальную иглу и подошел к шкуре нарвала, погребенной под грудой водорослей. Шкура сохранилась свежей и мягкой.

Тотор расправил ее и покачивая головой, сморщил лоб, будто обдумывал план работы. Потом принялся обрезать кожу возле головы животного, после чего сшил разрезанную шкуру, при этом размышляя вслух:

- Ничего не получится! Будет пропускать воду, как корзина. Ну-ка, а если так?

Парижанин поднял спасательный пояс, их единственное имущество, и вынул кусок пробки. Разрезал его на части толщиной в один сантиметр, обложил ими обе половины шкуры и все вместе прошил.

Работа продвигалась медленно, но зато шов стал абсолютно непроницаем для воды.

Тем временем подоспело жаркое. Меринос принес его прямо на вертеле, пахнущее дымом. Озабоченный Тотор молча поглощал кусок за куском, потом сказал Мериносу:

- Нам потребуется штук двадцать больших пальмовых ветвей, самых крепких и самых длинных.

- К чему ты клонишь?

- Я же сказал - сюрприз!

Вскарабкаться на деревья, подобно мартышкам, обломать ветви, спустить их на землю, ровно обрезать, убрать листья, затем согнуть ветви на огне - все это заняло у “робинзонов” остаток дня.

До того, как солнце исчезло за горизонтом, они успели только

приготовить новое жаркое и разложить костер.

Разбитые усталостью, друзья бросились на листву и заснули как убитые. Под утро они проснулись еще до рассвета и увидели, что окружены раскаленными углями, а крабы наступают с неслыханной храбростью. Штук пятьдесят, подталкиваемые, вероятно, сородичами, уже упали в огонь и тут же поджарились.

Это обеспокоило Тотора.

- О, мерзкие твари! Их миллионы, и если они все сползутся сюда, то погасят огонь и пройдут, тогда нам крышка! Меринос, старина, придется вкалывать, как никогда! А сейчас слопаем поджарившихся, ведь о нарвале уже нечего мечтать, он протух!

Каждый подобрал по копченому крабу. Оказалось, что это великолепное блюдо, и друзья с аппетитом позавтракали.

Теперь - за работу! Все готово. Стебли, согнутые накануне в полукольцо, Тотор вставил в огромный карман из сшитой шкуры нарвала. Расположил он их перпендикулярно по всей длине шкуры на расстоянии тридцати сантиметров одно от другого.

Крепко натянутая на тонкую арматуру мягкая и гибкая шкура превратилась в длинное, вытянутое тело, напоминающее туловище нарвала. Одним словом, получился прочный, легкий, водонепроницаемый корпус.

- Я уже давно догадывался, - вскричал Гарри, - это лодка!

- Да, вроде эскимосского каяка! Если бы было побольше времени, я бы построил образцовое судно! Но эти сволочи крабы меня напугали.

- Тотор, ты неподражаем!

- Молчок! Некогда паясничать, за работу! Минуты сейчас стоят часов, а часы - дней! На запах гниющего нарвала сюда сбегутся все чудовища островка.

ГЛАВА 7

Тотор-корабел и Меринос-конопатчик. - Когда не стоит иметь тонкое обоняние. - В сумерках. - Добыча. - Скелет. - После испытаний. - Смотри-ка, мадам Жонас! - В стране грез. - Ужасное пробуждение. - Окружены! - Бегство со всех ног. - В море. - Шторм. - Без пищи. - По воле волн.

Часы проходили в нечеловечески трудной работе. Еще не были смонтированы основные части хрупкого сооружения, которому они доверят свои жизни.

Тотор разрывался на части, за всем следил и обо всем заботился сам.

- Гоп-ля! Меринос, конопатим, смазываем, закрепляем! Вот видишь, уже на что-то похоже! Мы с тобой - инженеры-судостроители, рабочие верфей, изобретатели! И мы сами сооружаем орудие нашего спасения без инструмента, без бюджета, без плана, без жалованья, почти без пищи и из фантастических материалов!

- All right!.. Ты великолепен, друг Тотор!

- Ты тоже молодец!

Друзья весело болтали, как будто им не грозила ужасная опасность: они работали, словно не зная, что смертельный солнечный удар может их испепелить, и скорей были похожи на двух больших детей, играющих в потерпевших кораблекрушение.

Американец и француз ели кое-как, страдали от жажды, изнывали от пота, были возбуждены пальмовым вином, лохмотья едва прикрывали их от вертикальных солнечных лучей, но тем не менее оба сохраняли удивительную работоспособность.

О, прекрасный возраст, когда сила и энергия неисчерпаемы! Можно двигаться без передышки, поглощать самую немыслимую пищу, крепко спать и смеяться над трагическими обстоятельствами жизни. А если

случится оступиться на трудном пути, запросто поднимаешься, не теряя надежды, какой бы химерой* она ни была.

---

* Химера - в древнегреческой мифологии - огнедышащее чудовище с головой и шеей льва, туловищем козы, хвостом дракона; здесь: несбыточная (химерическая) мечта.

Вперед же, молодые люди, скорей, скорей за работу, время не ждет!

…Теперь нужно было закрепить верхнюю часть шпангоутов*, чтобы они не смещались по борту. Этим занялся Тотор. С помощью самодельной деревянной иглы он накрепко пришил бечевой с обеих сторон все черешки, толщиной чуть шире большого пальца.

---

* Шпангоут - ребро корпуса корабля.

Еще предстояло смазать жиром лодку изнутри и снаружи. Эта отвратительная работа досталась Мериносу. От разлагающегося нарвала исходил отвратительный запах, но миллиардер-конопатчик, не обращая внимания, изо всех сил втирал руками протухшее сало в корпус лодки, чтобы сделать его водонепроницаемым. Конечно, Гарри морщил нос, но улыбался, вспоминая свой дорожный несессер*, серебряную ванну, тонкие духи, опьяняющий запах которых так любил, все прихоти юного щеголя с неистощимым кошельком.

---

* Несессер - футляр с туалетными принадлежностями.

- God! Как скверно пахнет этот зверь! - ворчал Меринос, стараясь держать голову подальше от рук.

- Еще не самое страшное. Вонь все больше привлекает крабов. Ты видишь, даже днем они тычутся в огонь. Смотри, еще один лопнул!

И в самом деле, огненная преграда уже не могла сдержать привлеченных запахом разложения гигантских ракообразных. Во что бы то ни стало нужно предоставить им добычу на приближающуюся ночь. Молодые люди спешно изменили расположение огромного костра. Оставив в стороне нарвала, они окружили себя тройным кольцом огня и запаслись сушняком на ночь. Осталось бросить последний взгляд на лодку, чей удлиненный силуэт вырисовывался на берегу. Все в порядке, бояться нечего. Обессиленные “робинзоны” улеглись, но на этот раз, несмотря на усталость, не могли уснуть от беспокойства.

Едва мрак окутал островок, отвратительные крабы, все как один, устремились за добычей.

Несмотря на свою доказанную уже храбрость, Тотор и Меринос дрожали от страха, слыша рядом странные, отвратительные звуки. Клацанье клешней, хруст челюстей, стук сталкивающихся панцирей огромного числа невероятно прожорливых мерзких тварей. И никаких других звуков в ночной тишине.

В самом деле, было отчего прийти в смятение даже человеку с железными нервами!

Время от времени друзья поддавались усталости, их глаза на мгновение закрывались. Но тяжелый, населенный кошмарами сон вскоре прерывался

гулом осатаневшей орды.

Восход солнца принес облегчение. Но как только рассвело, друзья вскрикнули. Нарвал исчез, изъеденный, разорванный на мелкие кусочки тысячами изголодавшихся ракообразных.

От огромной туши остался всего лишь ослепительной белизны скелет, остатки мяса с которого жадно поглощали последние участники пира!

Тем не менее на первый раз добыча удовлетворила аппетит членистоногих. Но завтра! Что будет следующей ночью?

- Черт возьми, - проговорил Тотор, - тут не до шуток! У нас всего двенадцать светлых часов, а еще столько предстоит сделать!

Прежде всего, нужна пара весел, во что бы то ни стало. Для этого сойдут опять же две пальмовые ветви - опять они! С большими усилиями Тотору удалось расщепить концы ветвей. Известно, что они достигают пяти или даже шести метров в длину. Затем юноша вставил в разрез две перекладины, по двадцать и тридцать сантиметров, привязал их последними кусками кишок и на каждую из этих рамок натянул по куску кожи. К счастью, у него осталось достаточно бечевы, чтобы закрепить обтяжку лопастей со всех четырех углов.

Это все, на что хватило сил. Все эти приспособления выглядели, конечно, примитивно, но они должны были сослужить свою службу.

Теперь осталось спустить лодку в воду и убедиться, что она управляема и выдержит двух человек, не утонет.

Суденышко было легкое, и столкнуть его не составило труда.

- Браво! Держится на воде, как поплавок. Не хватает скамеек. Ну и ладно, обойдемся и так!

Тотор влез в лодку и уселся по-турецки. Меринос передал ему весла и устроился рядом.

Отчалили. Гарри, умелый гребец, первый опустил весло в воду. Тотор, как капитан, скомандовал:

- Греби, матрос, греби потихоньку!

Лодка тронулась с места, парижанин ловко правил веслом.

- Прямо сама плывет! Смелей, матрос!

Вот они уже посреди бухты. Раздались радостные крики восхищенных друзей. Спасены!

Однако кит, о котором юноши уже забыли, не покинул бухту. Два фонтанчика, поднявшиеся из воды и рассыпавшиеся брызгами неподалеку, указали на его присутствие.

- Смотри-ка, Иона* резвится.

---

* Иона - библейский пророк, в наказание за неповиновение воле Бога будто бы проглоченный китом и проведший в его животе три дня.

- Почему Иона?

- Да так, шучу. Это я в память о пророке, которого когда-то кит проглотил, а на третий день изрыгнул.

- Ты все смеешься!

- Плакать, что ли? Боишься, что он и нас проглотит?

- Нет, но если он примет лодку за нарвала и повторит свой slap…*

---

* Шлепок (англ.).

- Черт возьми! Раздавит нас, как лягушат! Вот он приближается! Тсс… Иона, без глупостей!

Гигантское млекопитающее плыло в большом водовороте, отдуваясь и наполовину высовываясь из воды. Лодочники заметили теперь и китенка, забившегося под плавник.

- Да это мать семейства, мадам Жонас!* С нею малыш, и она прогуливает его по бухте.

---

* Мадам Жонас. - По-французски Жонас соответствует имени Иона. (Примеч. перев.)

- Yes! Бухта - это whale-square!*

---

* Парк для прогулок китов (англ.)

Кит не был настроен враждебно. Удовлетворив свое любопытство, он снова стал отдуваться, резвясь, подпрыгивая на волнах.

- Какой он игривый и, кажется, не желает нам зла! - заявил Тотор. - Какой великолепный буксир получился бы, если бы он захотел!

- Нарвал на буксире у кита! Вот было бы здорово!

- Стоп! “Нарвал” - подходящее имя для судна. Ты будешь крестным отцом!

- Прекрасно, да здравствует “Нарвал”!

- Ну вот, теперь, когда мы испытали наш корабль и дали ему имя, пора вернуться на землю.

- Да, все прекрасно, лучше и быть не могло!

- Хм! Весла яйца выеденного не стоят, а судно неустойчиво, и еще я боюсь, что в открытом море его будет захлестывать вода.

- Возможно! Но что же делать?

- Вот увидишь.

Путешественники без труда пристали к берегу и вытащили “Нарвал” на сушу.

Веревок из кишок больше не осталось; парижанин сплел кокосовые волокна и умело подтянул ими края бортов, оставив ровно столько места, чтобы обоим поместиться в лодке. Для прочности он пристроил вокруг каждого места спасательные пояса.

- Вот так! Меньше будет качки.

Работу двух друзей легко описать в нескольких строках, на самом деле это трудное дело заняло почти весь день. Они едва выкроили время, чтобы поесть. Кстати, пора было подумать о съестных припасах.

Но где их взять? Может быть, выручат кокосовые орехи? А как их открыть? Захватить воды? Во что налить?

Тотор соображал.

- Ладно, погрузим все те же орехи, они послужат балластом, а потом как-нибудь проткнем скорлупу. Главное, у нас есть нож. Добавим и крабов, попавших в огонь. Ракообразные в собственном соку и собственном изготовлении. Забавная кулинария!

Но им не везло. Нашелся только один свежий орех в волосяной оболочке. Меринос положил его в лодку, находившуюся на песке у самой кромки, и сказал:

- Завтра продолжим погрузку.

- Правильно, завтра. Сейчас успеем только собрать дрова: их потребуется много для адского огня. А потом перекусим.

Последние минуты дня были посвящены этим заботам. С бешеным аппетитом друзья уплели жареного краба, выпили пальмового вина и улеглись в нескольких шагах от костра.

В предыдущую ночь им едва удалось сомкнуть глаза, а тут еще и усталость валила с ног, они сразу же крепко заснули под защитой пляшущих огненных языков.

Сколько времени продлился этот здоровый, несмотря на жесткое ложе, восстанавливающий силы сон, трудно сказать. Тотору приснилось быстроходное судно, которое он строит и которым командует; приснился кит, стремящийся проглотить корабль и капитана; нарвал, протыкающий корабль своим гигантским мечом; колоссальный краб клешнями, как ножницами, хотел разрезать Тотора пополам, и у этого чудовищного краба - человеческое лицо, бритое, корректное, загадочное лицо мистера Дика, странного и таинственного похитителя “Моргана”.

Но тут парижанин вскрикнул от острой боли. Он проснулся и вскочил на ноги. Меринос уже вопил как одержимый, прыгал, отбивался.

Что случилось? Что происходит? Какая ужасная драма разыгрывается во внезапно опустившейся тьме?

Страшная действительность предстала перед беднягами.

Пламени уже не было, виднелись лишь умирающие огоньки, хотя

топлива - дров, ветвей, волосяных оболочек, кокосовой скорлупы было хоть отбавляй. Вся земля вокруг кишела крабами.

Членистоногие сбежались отовсюду тысячами, как вчера на тушу нарвала.

Они уже отведали мяса, и теперь ничто не могло их остановить. Последние неумолимо толкали вперед первых, уже преодолевших барьер огня. Сотни погибли, задохнувшись или сгорев, и тела их в конце концов погасили пламя. Живые, презрев страх и опасность, взбирались по сгоревшим. Они просто кишмя кишели, их становилось все больше и больше.

Тотор, с искусанными ногами, прыгал, кричал, метался. Мериноc, прокушенные руки которого уже кровоточили, вопил и расшвыривал ногами поганых тварей.

- Крабы! О, Боже! Крабы!

Перед взорами подростков предстал совершенно белый скелет нарвала, препарированный ужасными челюстями, которого крабы сожрали в одну ночь.

Куда бежать? Что делать? Они окружены, их растерзают в клочья! Остается одна надежда: лодка. Но успеют ли добежать?

- В лодку, быстро в лодку! - завопил Тотор.

Он бросился через шевелящееся кольцо, оступился, упал, поднялся, за ним - Гарри, который прыгал, тоже оступался, спотыкался о панцири.

Как удалось преодолеть десять метров, которые отделяли их от “Нарвала”, одному Богу известно.

Искусанные, в изодранных штанах, с исполосованной кожей, беглецы добрались до лодки. Не сговариваясь, поволокли ее к берегу и отчаянным усилием столкнули в воду.

”Робинзоны” спасены! Сухопутные крабы еще могут преодолеть огонь, но никогда не приближаются к воде, испытывая к ней непреодолимое

отвращение.

Мериносы и Тотор забрались в “Нарвал”, нашли весла, устроились по-турецки на дне и испустили вздох облегчения.

- Уф! Знаешь, Тотор, я не трус, но меня просто мороз по коже продрал!

- А мне ее крабы уже продрали! Проклятье! Шкуру содрали прямо до ляжек.

- И мне! Кровь идет…

- Хорошо еще, что морская вода прижжет. Но все равно, мы удачно выкрутились!

- Увы, нет провианта!

- Есть - один кокосовый орех! Мы поболтаемся на рейде до рассвета, а там высадимся и поищем еду.

- Если у крабов будет не такое каннибальское настроение.

- Смотри-ка! На это мы не рассчитывали!

- Да, поднимается ветер…

- И небо заволакивает. Только бы шквал не налетел!

Действительно, подул свежий ветер. Волны становились все выше. “Нарвал” плясал, переваливаясь с борта на борт, но в общем вел себя замечательно.

Понемногу ветер в бухте стих. Чего не могли предусмотреть два друга, так это очень сильного отлива. А он неотвратимо понес их в открытое море. Внезапный вихрь подхватил лодку как перышко и под раскаты грома унес прямо через отмель, наполовину прикрывавшую вход в бухту.

И вот суденышко посреди бурунов, в облаках пены. Оно выделывает пируэты в протоках между камнями, и мало-помалу рев прибоя остается позади. Путешественники в открытом море!

Их качает, мотает, они промокли, не в состоянии управлять лодкой, стали игрушкой волн, но плывут. Плывут с неслыханной скоростью через неизвестность мрака и океана!

Иногда молодые люди слышали справа или слева, спереди или сзади неумолчный шум прибоя. Они различали движущиеся силуэты волн, разбивающихся о скалы. Лодка то и дело стрелой проносилась мимо рифов.

Так продолжалось всю ночь. Всю ночь ревела буря и раздавались чудовищные раскаты грома.

Наконец последний порыв ветра разорвал тучи. Светало. “Нарвал” с приличной скоростью шел по течению на север. Молодые люди определили направление по солнцу, которое вставало справа по борту.

Мало-помалу море успокоилось. Вдали смутно виднелись очертания голубоватых берегов. Эта относительная близость твердой земли принесла надежду.

- Ну, как тебе приключение? - спросил Тотор.

- Совершенно выдающееся событие! Very prominent!*

---

* Весьма примечательно! (англ.)

- По-нашенски - сногсшибательное! Однако согласись, дело могло кончиться скверно.

- О да! Я до сих пор дрожу!

- Точка! Не будем больше об этом. Когда идешь навстречу приключениям, не надо ни теряться, ни шапки вверх кидать… тем более кидать придется наши остроконечные колпаки.

- Если б у нас была еда! Хотя бы немного воды! Я задыхаюсь от жажды!

- У меня будто соль на языке.

- Что, если пристать к берегу?

- Это не просто! Смотри, какое сильное течение. Бьюсь об заклад, что скорость больше шести миль* в час.

---

* Морская миля - 1 км 852 м или 1 км 853 м (английская миля).

- Все же попробуем!

- Давай!

Юноши согнулись в дугу над веслами в попытке направить нос к далекому берегу. Невозможно! Слепая сила непреклонно возвращала их в течение.

- Черт возьми! - проворчал раздосадованный Тотор. - Все впустую, нас будто нечистая сила несет.

Внезапно какой-то водоворот вспенил воду слева, метрах в шестидесяти.

- What is this?* - удивился Меринос.

---

* Что это? (англ.)

- Подводный камень? Косяк сардин? Водоросли?

- Нет, кит!

- Вот это да! В самом деле, мадам Жонас со своим малышом! Да она нас полюбила и не хочет покидать! И похоже, она в прекрасном настроении. Хотелось бы и мне поплавать так вольно. А тебе, Меринос?

- Я бы сто тысяч долларов отдал за это!

ГЛАВА 8

Китиха завтракает и развлекается. - Танталовы муки. - Пелагии. - Морская манна. - Добыча чудовищ. - Планктон. - Что Тотор называет “пюре с гренками”. - В водорослях. - Буксир. - Бешеная гонка. - Берег близко. - Китиха выброшена на отмель.

Как выразился Тотор, китиха со своим отпрыском пребывала в отличном настроении и не скучала. Казалось, она очень довольна и радуется жизни. Мягко увлекаемая течением, китиха лениво переваливалась в волнах, делая лишь необходимые движения, чтобы сохранить направление.

Малыш разделял настроение матери и резвился со свойственной его возрасту живостью: отплывал, выпрыгивал из воды, кружил вокруг матери, потом снова забивался в свое любимое место - под ее плавник. Нашалившись всласть, будто шла игра в прятки, оба выбрасывали большие фонтаны, рассыпавшиеся мелкими брызгами.

- Ну и ну! - удивился Тотор. - Они вовсю веселятся, эти киты!

Время от времени мать открывала пасть, огромную, как пещера или пропасть.

- Да, - кивнул Меринос, - она веселится, а заодно плотно завтракает. Хотел бы и я последовать ее примеру!

- Вот это глотка! И какой аппетит! Должно быть, желудок у нее не маленький!

- Что же она ест?

- Не знаю, нужно посмотреть.

Тотор склонился над водой, посмотрел против света и вскрикнул от удивления. Все вокруг и в глубине моря было буквально забито плавающими телами. Миллионы этих тел, стиснутые так, что касались друг друга, образовали жидкое месиво. Были они чуть больше апельсина, желтоватые, с едва заметными оттенками розового и лилового. Из-под сферического купола видны были грациозно изогнутые в виде грибных шляпок завитки маленьких щупальцев, которые проворно вытягивались и убирались.

Но щупальца эти были едва видны из-под купола, и само животное сверху казалось полупрозрачным студенистым шаром.

- Ей-богу, - воскликнул Тотор, - не будь они такие легкие, я бы сказал, что это морская картошка!

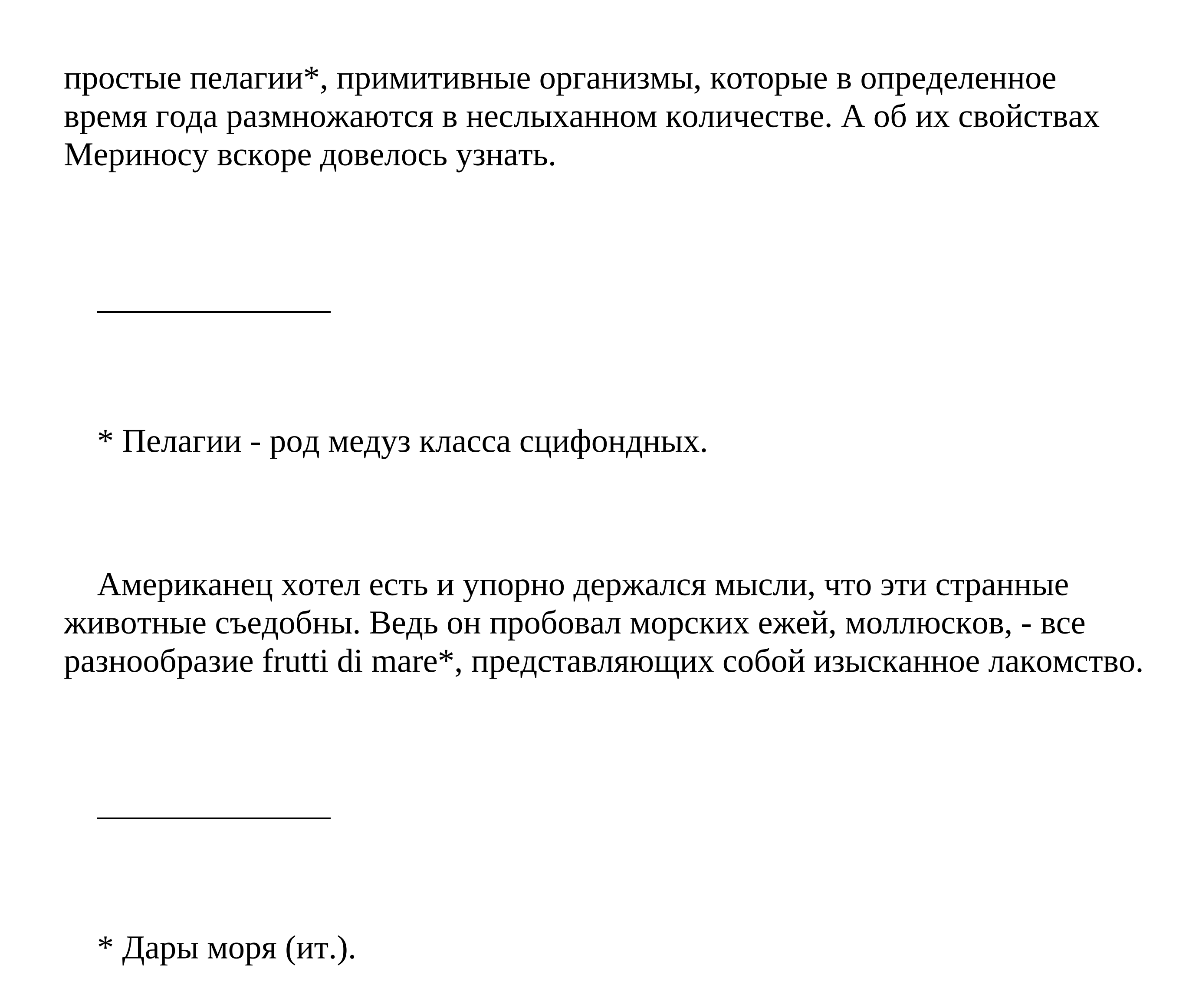
- Да нет, они шевелятся, это животные!

- Их-то она и глотает! Черт возьми, какое жерло, настоящий туннель!

- Хотелось бы узнать, что это за странные существа и нельзя ли их есть.

- Не знаю, не стоит рисковать.

Тотор серьезно занимался механикой, но не слишком был силен в зоологии. Впрочем, не стоит корить его за незнание. Эти плавучие тела -

простые пелагии*, примитивные организмы, которые в определенное время года размножаются в неслыханном количестве. А об их свойствах Мериносу вскоре довелось узнать.

---

* Пелагии - род медуз класса сцифондных.

Американец хотел есть и упорно держался мысли, что эти странные животные съедобны. Ведь он пробовал морских ежей, моллюсков, - все разнообразие frutti di mare*, представляющих собой изысканное лакомство.

---

* Дары моря (ит.).

Тогда почему бы этим плавучим апельсинам не стать если не слишком плотным блюдом, то хотя бы достаточным, чтобы обмануть голод? Почему то, что хорошо для кита, не сойдет и для человека? Гарри опустил руку в воду и схватил одну пелагию. Животное тотчас съежилось, втянуло щупальца и свернулось шаром. Оно оказалось холодным, липким, дряблым, студенистым, словом, очень противным.

Вдруг Меринос вскрикнул: ему обожгло пальцы. Кожа мгновенно покрылась красной сыпью, волдырями. Отбросив пелагию, он тряс рукой и кричал:

- God bless me!* У меня все пальцы онемели. Жжет, будто за крапиву

схватился!

____

* Господи! Спаси меня! (англ.)

- Ладно, придется положить зубы на полку. Так я и думал. Обойдемся без завтрака, подождем другого случая.

- Увы, ничего не попишешь.

Между тем Тотору показалось, что мало-помалу скорость “Нарвала” замедляется. Сомнений не было, течение становилось менее быстрым. Вода приобрела блеклый, зеленоватый цвет и стала похожа на жидкую, маслянистую кашу; надо полагать, что и плотность ее изменилась.

Пелагий по-прежнему было очень много, но они как бы растворились в этом месиве.

- Вот это да! - удивился Тотор. - Море превратилось в настоящее пюре с гренками.

Кит по-прежнему глотал с поразительным прожорством. Его гигантские челюсти ритмично, без остановки, двигались, поглощая целые колонии медуз, которые исчезали в его пасти, как в бездне.

Но кит оказался не единственным гостем на этом роскошном пиру. Подводный мир возникал из пучин. Со всех сторон к добыче поспешали чудища всех форм и размеров, безобидные и хищные, плотоядные и травоядные, одинокие и семейные, медленные и быстрые, кольчатые и щупальцевые, длинные, плоские, заостренные, короткие, круглые, изящные, несуразные, отливающие, как драгоценные камни, разными цветами, и темные, как скалы, - все это перемешивалось, перепутывалось, давилось, сталкивалось, забывая врожденные страхи и свирепые

вожделения перед этой манной небесной, перед небывалым пиршеством, устроенным отцом Океаном своим обитателям.

За бортом виднелись лишь дрожащие плавники, трепещущие хвосты, конвульсивные подскоки и разомкнутые челюсти… Головокружительная гимнастика, безумное обжорство; жадное, зверское беспощадное поглощение - непрестанное и неутолимое.

Несмотря на свое отчаянное положение, молодые люди с изумлением и любопытством наблюдали это зрелище. К тому же они ничем не рисковали. Чудища таинственного моря, поглощенные грандиозным обедом, соблюдали лучшее и самое надежное из перемирий - на время приема пищи.

Тотор смотрел во все глаза; его друг, по натуре не столь восторженный, тоже был восхищен.

Глубины моря буквально выворачивались наизнанку. Свесившись над пучиной, парижанин закричал:

- Старина, мне сейчас голову до плеч отхватят! Нет, в самом деле, такого на Монмартре и вообразить не могли! Знаешь, я бы никому не уступил своего места! Ради одного этого стоило прыгать в воду, сражаться с крабами, подвергаться опасностям и всему прочему! Сам отец, который столько повидал, не слыхивал о таком! Вот это пирушка! Пятьсот миллионов глоток пожирают шарики… гренки из пюре.

- Пюре! Сидим мы с тобой по уши в этом… пюре!

- Ого, и чистокровный американец пускается в игру словами!

- Стараюсь, как могу.

- Значит, у тебя отличное настроение, поздравляю!

- Ах, если бы игра слов могла заменить завтрак!

- Терпение! Раз мы по-прежнему движемся, значит, доплывем до мест, где есть еда и питье. А пока я хотел бы узнать, почему и как все обитатели моря сбегаются на этот пир Валтасара*.

____

* Пир Валтасара. - Здесь: пышный, изобильный пир. Валтасар, сын последнего царя древней Вавилонии Набонида, погиб при взятии Вавилона персами в 539 году до н.э. В Библии содержится описание пира у Валтасара, во время которого на стене появились огненные слова, предвещающие гибель.

Это неведение огорчительно со всех точек зрения. К сожалению, обстоятельства против Тотора. На “Нарвале” отсутствует библиотека и нет необходимых источников, а между тем достаточно нескольких строчек, чтобы просветить читателя.

Субстанция, которая слегка сгущает морские воды на большом пространстве, то есть вещество, прозаически называемое Тотором пюре, - это планктон, нечто вроде светлого бульона, скопление органических частиц, микроскопических водорослей, самые большие из которых, гиганты этого вида, едва достигают половины миллиметра в длину. Планктон состоит из бесчисленных видов простейших животных и растений, образующих однородную массу.

Микроскопические существа, чрезвычайно быстро размножающиеся, буквально переполняют некоторые части океана. Их масса не смешивается с водой, не растворяется, сохраняет собственные свойства, подхватывается ветрами и течениями и перемещается на разных глубинах, иногда на поверхности.

Этот богатый питательными веществами бульон, это желе из организмов - неисчерпаемый источник пищи для обитателей моря. Все морские животные, от кита до простейших, жадно поедают его. Можно сказать, что это их эликсир жизни*, в котором рождаются, пассивно живут и умирают миллиарды странных созданий.

---

* Эликсир жизни - в средние века так называли фантастический напиток, якобы продлевающий жизнь и сохраняющий молодость.

Их можно найти и в полярных морях, и в экваториальных водах, повсюду, где планктон появляется и исчезает по воле течений и штормов.

В один из таких потоков и попали по воле случая Тотор с Мериносом.

Планктон увлекал с собой несметные колонии пелагий, для которых он родная стихия и пища. А пелагии придают остроту похлебке, весьма ценимой всеми морскими чудищами.

Инстинкт помог пелагиям быстро обнаружить присутствие столь питательной массы. Потому и собрались они со всех сторон и жадно кормились, на зависть обоим друзьям.

Ожидание длилось долгие часы. Знойное солнце отвесно пускало свои огненные стрелы. Ослепительный свет отражался в мелкой зыби, на которой плясал “Нарвал”. Жара становилась удушающей.

Обливаясь потом, сгорбившись и опустив головы, бедные путешественники буквально запекались в вонючей шкуре, превращенной выдумкой Тотора в корабль. Не стоит и говорить, как жестоко они голодали и как чудовищно хотели пить!

Усталые, изможденные, друзья уже не могли двигаться, и лишь гордость не давала вырваться стонам из груди.

В голубоватой дали время от времени возникали берега, но прихотливые волны не давали к ним пристать. Раз двадцать гребцы пытались выйти из течения, раз двадцать принимались бешено работать веслами, чтобы выбраться в спокойное море, и каждый раз поток неумолимо отбрасывал

их.

Исчерпав силы, мореплаватели снова отдались дрейфу, рассчитывая теперь только на случай.

К вечеру море понемногу изменялось. Время от времени поверх планктона появлялись плавающие водоросли. Поднимался свежий ветер. Он вертел лодку, нес ее боком, ускорял ход. Подталкиваемый таким образом “Нарвал” догонял водоросли и вскоре застревал в их перепутанных стеблях. Обессиленные Тотор и Гарри не обращали на это никакого внимания. А между тем им стоило быть повнимательней. Среди водорослей есть странное растение огромной длины. В некоторых местах оно полностью покрывает океан. Например, в Саргассовом море*, где остановились когда-то корабли Христофора Колумба во время славного плавания к неведомым берегам Америки.

---

* Саргассово море - море в центральной части Атлантического океана, получившее название от больших скоплений плавающих саргассовых водорослей, препятствующих судоходству.

Это морское растение цвета желтой охры называется Fucus natans*. Оно часто достигает длины в три, четыре и пять метров. Несмотря на такие размеры, диаметр его мал - не толще палки. Оно круглое, гладкое, кое-где есть утолщения, откуда отходят тонкие веточки, усеянные маленькими черными ягодами. У этого рода растений много видов, сходных внешним обликом и очень разных по свойствам. Одни из них хрупкие и ломкие, другие прочные, как канаты.

---

* Плавающий фукус (лат.).

Внезапно кит, который не отставал от лодки, оказался посреди этих гигантских трав, расстелившихся по поверхности. Вынужденный всплыть, чтобы перевести дыхание, он запутался в них, стал ворочаться, барахтаться, шумно дышать.

Эти звуки, водовороты и хорошо знакомый фонтан пробудили от дремы совершенно разбитого Тотора.

- Смотри-ка, опять мадам Жонас!

И тут юноше показалось, что некоторые фукусы, задевающие “Нарвал”, быстро обгоняют его. Они скользили вдоль корпуса и убегали, убегали вперед по непонятной причине.

Инстинктивно, еще не зная, зачем, парижанин схватил пару водорослей обеими руками.

Лодка тотчас развернулась против течения и пошла с предельной скоростью, будто ее кто-то взял на буксир.

- А ну, Меринос, ну-ка, старина! Ухватись со мной за эти веревочки! - завопил Тотор, изо всех сил вцепившись в стебель.

- А? Что такое?

- Кто-то на том конце тянет, и сильно! Мы идем под сорок миль в час. Выше нос!

Совершенно сбитый с толку американец в свою очередь схватил фукусы и сжал что было силы.

Путешественники почувствовали резкие рывки, отчаянные прыжки, но мужественно терпели. А “Нарвал” как сумасшедший мчался по волнам. Иногда бешеная гонка ненадолго замедлялась, но тотчас возобновлялась со

всеми вольтами, резкими остановками и скачками.

Гарри не мог уразуметь, в чем дело.

- Честное слово, ничего не понимаю, - пробормотал он, - кажется, я с ума схожу.

- Это все штучки нашей подружки.

- Что? Whale? Миссис Жонас?

- Наверное, да!

- Она попалась на удочку?

- Не знаю. Странное дело. Если она заглотнула конец веревки, ей бы ничего не стоило выплюнуть его. Наверное, не обошлось без крючка.

- Загадка. Но она так тянет, эта добрая миссис Жонас! Боюсь, выпустим удочку из рук.

- Ни в коем случае! Я что-нибудь придумаю!

О, у бравого Тотора всегда что-то припасено! Его выдумка проста и хитроумна. В мгновение ока парижанин упер оба весла в сделанные для них отверстия, затем несколько раз обернул вокруг весел водоросли и сильно прижал их. Трение не давало им смещаться, и тяга стала автоматической.

- Готово! И руки у нас свободны!

- All right!

Лодка быстро шла вперед. Время от времени кит в сотне метров от них шумно отдувался, затем снова нырял. Но присутствие малыша сдерживало мать: легкие детеныша больше нуждаются в воздухе, и она не решалась погрузиться в пучину. Приходилось держаться почти на поверхности воды.

Наконец китиха покинула поток планктона, выплыла за пределы течения и направилась к далеким берегам, едва видневшимся на северо-востоке.

Ничто не могло ее удержать - ярость, а еще более испуг гнал животное вперед. При всей несравнимости размеров гигант морей был похож на собачонку, к хвосту которой жестокие мальчишки привязали кастрюлю: она бросается бежать, обезумев, несется без оглядки напрямик, ничего не соображая, пока, выдохшись, не упадет. Точно так же перепуганная мадам Жонас неудержимо стремилась вперед и тянула за собой дьявольский снаряд, от которого не могла избавиться. Тотор и Меринос отчетливо видели ее в чистых уже волнах. В десятый раз они задавались вопросом: “Каким же образом, черт возьми, мы за нее зацепились?”

Через несколько часов жестоких страданий все стало ясно. Кит заметно уставал, тяжело дышал, а скорость замедлялась. Он все ближе подходил к берегу, куда его подталкивал начинающийся прилив. Берег вырисовывался ясней, вскоре показались привычные кокосовые пальмы, песчаный берег, над которым возвышались скалы. Вот и тихая бухта.

Тотор, заметив красный след на боку кита, воскликнул с жалостью:

- Бедная зверюга, она истекает кровью!

Большой вал подхватил кита, перевернул и потащил в бухту. Волна отступила, и кит оказался на рифах, которые зажали его.

- Ура, мы спасены! - закричал американец.

ГЛАВА 9

Загадка разъясняется. - Тотор и Меринос упиваются молоком. - Тотор-хирург. - Песчаные блохи. - Невзгоды. - Через лес. - Пальмовые черви. - Неожиданное лакомство. - Дни нужды. - Неизвестность. - Спасательная операция. - Чудовище. - Золотые часы. - Бриллиантовая монограмма.

Осознав, что спасены, два друга вновь обрели бодрость. Солнце клонилось к закату, но оставался еще час светлого времени. Целый час!

Это даже больше, чем требуется двум таким молодцам, чтобы выкрутиться.

Земля близко, совсем близко, в нескольких сотнях метров. Они отшвырнули ставший ненужным буксирный “трос” и взялись за весла. Но прежде, чем отплыть, парижанин осмотрел кита.

Как мы помним, его наполовину выбросило на берег, перевернуло, и он застрял в острых рифах. Сейчас была видна левая часть живота.

Первое, что заметил Тотор, было нечто белое, жесткое, вроде рогатины, косо торчавшее из бока кита.

- Бедняга! - пожалел молодой человек. - Он нас спас. Не будем же неблагодарны, подплывем поближе и посмотрим, нельзя ли помочь.

- Yes! Подплывем, только осторожно… Стоит ему ударить хвостом…

Они подгребли к киту. Исполин смотрел на них своим маленьким, чуть больше, чем у быка, глазом, но не шевелился.

- Это же бивень покойного нарвала. От него и кровотечение, - установил Тотор. - Видишь, обломок высовывается наружу на метр под углом сорок пять градусов. А в теле еще по меньшей мере два метра. Великолепный удар! Теперь я понял! Все объясняется!

- Что?

- Плавающие водоросли-канаты зацепились за этот “гарпун”, когда мы проходили отмель.

- Похоже, что так.

- Когда их сопротивление стало беспокоить кита, он помчался как безумный, таща за собой связку водорослей. Парочку из них я подхватил на ходу, и мадам Жонас, у которой защекотало еще больше, стала удирать. Вот она - разгадка буксира! Стебли так крепко обмотались вокруг бивня, что невозможно было отодрать. Я уже не удивляюсь, что бедная пришпоренная зверюга так мчалась, и в конце концов рана стала кровоточить.

- Верно.

- Надо попробовать выдернуть обломок. Хоть это мы должны сделать для нашей спасительницы.

- Согласен заняться хирургией, но только чуть позже.

- Почему?

- Ты еще спрашиваешь, изверг! Я умираю от голода и жажды! Прежде всего хочу молока, упиться потоками молока, а потом хоть лопнуть!

- Ты свихнулся?

- А ты ослеп? Молоко! Оно бьет из сосцов миссис Жонас!

- Тысяча чертей! Ты прав, а я - простофиля! Куда только смотрел!

Меринос не ошибся: придавленные к скале сосцы источали ручьи молока, которое, смешиваясь с морской водой, окрашивало ее в опаловый цвет.

Тотор подвел лодку к скале и причалил. Затем ухватился обеими руками за молочную железу размером побольше бочки. Меринос не медля сделал то же самое, и оба принялись пить с неистовой жадностью, большими глотками.

Они укрылись за выступом мадрепоровых кораллов, и мадам Жонас больше не видела их. Оглушенное животное оставалось спокойным во время великолепного и комичного обеда спасенных мореплавателей, которые пили и не могли оторваться.

Боже, какое упоение! Какое блаженство! О, это замечательное молоко, густое, сладкое, теплое, пенящееся, столь же питательное и вкусное, как у коров в долине Ож.

Невольные робинзоны были ненасытны. Но их можно понять, если вспомнить о постигших их лишениях и страданиях.

С тех пор как друзья покинули “Морган”, юношам не приходилось пить ничего, кроме кокосового молока, которое им осточертело, и пальмового вина, горячившего их кровь.

Почти четверть часа Тотор и Меринос с жадностью упивались молоком. Наконец Тотор остановился и проговорил, размазывая по лицу живительную влагу:

- Уф! Больше не могу. Надулся до безобразия, как теленок.

- А я как young whale*.

____

* Китенок (англ.).

- Да, как китенок, это точней. Прекрасный обед! Ах, мадам Жонас, дорогая благодетельница, как вы милосердны! А ты, дорогой мой отец, герой легенд! Если бы ты мог взглянуть на своего малыша! А вы, король шерсти! Почему не дано вам лицезреть вашего наследника в шутовском колпаке, сосущего кормилицу-китиху!

Меринос, который вновь обрел хорошее настроение, расхохотался и продолжал:

- Это уж верх несуразицы! Как жаль, что нечем сфотографировать! Какую открытку можно было бы послать! А то на слово никто не поверит.

- Черт возьми, наше слово твердо! И если кокосовая пальма служила нам соской, почему бы не взять в кормилицы китиху? Не поверят - тем хуже для них! А теперь будем оперировать мадам Жонас.

Парижанин крепко ухватил обеими руками длинное костяное острие и потянул изо всех сил, а Гарри, упершись в скалу, удерживал лодку.

- Черт возьми, глубоко сидит.

Китиха шумно дышала и вздрагивала.

- Ну-ну, не шевелитесь, мамаша Жонас, это для вашего же блага!

Тотор снова дергал, качая острие из стороны в сторону. Бивень шатался в ножнах из живой плоти. Обильно текла кровь, забрызгивая хирурга, который тужился, стонал и кряхтел.

- Пошло, пошло! Держись, старушка! И главное, чур, без оплеух!

Тяжелый бивень стал понемногу подаваться и наконец неожиданно выскочил из раны.

Китиха содрогнулась всем телом.

Плюх! Бивень упал в воду, увлекая за собой парижанина, который барахтался и кричал:

- Не было бобо! Прошло как по маслу! Прекрасная ванна! Заодно можно поплескаться в приливе. Отведи лодку к берегу, а я за тобой вплавь.

Через пять минут друзья выбрались на берег. Ничуть не расслабленный послеобеденным купанием, Тотор встряхивался как собачонка, вытягивая “Нарвала” на сушу.

- Солнце садится, пора в постельку.

- Жестковата эта bed*, но мы слишком устали.

---

* Кровать, постель (англ.)

На берегу - тонкий песок, усеянный кусками белых, как снег, кораллов. Молодые люди раскидали ногами мадрепоры, расчистили себе маленькие площадки, улеглись и тут же заснули.

Утром они позавтракали молоком: мадам Жонас все еще лежала на берегу. Путешественники получили обильную и питательную еду.

Насытившись, они наполнили свое судно песком и кораллами, чтобы не дать ему пересохнуть. Этот тяжелый труд из-за отсутствия инструментов занял почти весь день. Вечером друзья рассчитывали вплавь добраться до китихи и попросить у нее ужин, но она уже снялась с мели и резвилась посреди бухты, высоко выбрасывая фонтан и медленно выбираясь в открытое море.

- Не повезло! - пожалел Тотор. - А я-то надеялся приручить мадам Жонас и устроить здесь образцовый молочный завод! Мы бы делали китовые сыры типа грюйера, камамбера, честера* и двойного сливочного. Увы, несбыточные мечты.

---

* Грюйер - сорт швейцарского сыра; камамбер - французский сыр, приготовленный из цельного коровьего молока; честер - английский сыр, который впервые стали изготовлять в городе Честере.

- Придется лечь без ужина.

- Аминь!

Путешественники снова улеглись на песке, но бесчисленные жгущие, колющие укусы мешали им сомкнуть глаза. Накануне вечером Тотор и Гарри настолько устали, что ничего не почувствовали, но сегодня! Легионы песчаных блох накинулись на них, кусали, свербили - поистине адская мука.

Устав ворочаться, друзья поднялись, отступили во мрак на несколько сот метров, и повалились на слой ила.

Восход солнца принес избавление.

В одном лье от бухты начинался лес. Пустые желудки погнали подростков к огромной зеленой стене, закрывавшей окрашенный пурпуром горизонт.

Несмотря на весь свой оптимизм, парижанин начал роптать:

- Все-таки надоедает постоянно бороться за похлебку. Хочется минуту побыть жалкими путешественниками-любителями, людьми на прогулке, которые могут и порадоваться жизни! В Австралии были еще цветочки!

- О да, дружище, то были цветочки! Мы - робинзоны волн, робинзоны песков, робинзоны лесов, бродячие робинзоны… да, наша жизнь сурова. Ох, попадись мне этот мерзавец Дик!

- Думаю, он от нас не уйдет. Вот тогда ему придется дорого заплатить за наши беды и невзгоды! А пока суд да дело, нужно что-то придумать.

Придумать-то нужно, но им не везло.

Вскоре путешественники были уже в лесу - великолепном, но совершенно бесплодном.

В зарослях мускатных деревьев* находят себе пищу голуби самой разнообразной расцветки, взлетающие стаями с шумом громового раската. Среди них - голубые с пурпурной шапочкой, зеленые с сапфировым хохолком, фиолетовые с блестками золота. Чудесная россыпь драгоценных камней, под которой живая плоть, сочная и душистая.

---

* Мускатное дерево (мускатник) - вечнозеленое дерево семейства

мускатниковых, включающего около 120 видов. Культивируется в тропиках из-за мускатных орехов и мускатного цвета, используемых как пряности.

- Я бы их прямо сырыми съел! - сглотнул слюну Тотор. - Эх, где ты, мое ружье!

Тут и там возвышались огромные тиковые деревья, эвкалипты*, голубые камедные деревья**, магнолии***, усыпанные нежными фиолетовыми цветами, утыканные шипами акации, гигантские папоротники, саговники****, хвощи*****) казуарины…******

---

* Эвкалипты - вечнозеленые деревья семейства миртовых. Высота до 100 м. Обладают ценной негниющей древесиной. Листья и масло из семян используют в медицине.

** Камедные деревья - невозможно определить, какие именно деревья имеет в виду автор, так как упругую и клейкую смолу - камедь дают многие деревья и кустарники.

*** Магнолии - деревья семейства магнолиевых с крупными душистыми цветами и блестящими восковатыми листьями.

**** Саговники (цикадовые) - тропические и субтропические древовидные голосеменные растения (около 130 видов), высотой до 20 м со стволами необычной формы (редькообразными, колоннообразными и т.п.).

***** Хвощи - многолетние травянистые растения, сильно разветвленные, с листьями, превратившимися в чешуйки.

****** Казуарины - деревья семейства казуариновых (около 60 видов), высокие, с тонким и стройным стволом.

- Ничего стоящего нет, пошли дальше!

По земле стелились мхи, нога погружалась в них чуть не до колена, росли огромные, как зонтики, грибы, поляны заполняли плауны-ликоподиумы* с мелкими листочками, потом появились заросли неизвестных растений, в которых изредка проскальзывала игуана**, змея или просто пальмовая крыса.

____

* Плауны-ликоподиумы - споровые травянистые растения.

** Игуана - тропическая ящерица семейства игуан, включающего до 700 видов. Длина от нескольких сантиметров до 2 м; многие игуаны ярко окрашены, имеют на спине пластинчатый гребень.

Истекая потом, измученные невыносимой жарой, с урчащими от голода животами молодые люди уже начали отчаиваться.

Но зоркий, внимательный глаз парижанина заметил каких-то толстых белых червей, скорее гусениц, карабкающихся по ветвям невысокой, не более пяти метров, широкоствольной пальмы.

Личинки красивого белого цвета с перламутровым оттенком, длиной сантиметров тридцать пять и толщиной в ружейный ствол обгладывали пористую кору и устраивали себе просторные гнезда.

- Повезло! - Тотор подскочил от радости. - Наконец есть чем перекусить… Думаю, не слишком рано для завтрака?

- Питаться червями, гусеницами? Мерзость! Тьфу!

- “С удовольствием” или “тьфу” - это уж как тебе нравится, дружище. Но вкусно! Это пальмовые черви, их пища - все то же вино, что мы пили, живут они в коре, как крысы в норах.

- Ты уверен?

- Отец их ел. Когда рассказывал, у него слюнки текли. Начали! Раз-два!

Он схватил личинку, напоминающую ломоть колбасы, не колеблясь, отхватил зубами изрядный кусок и тут же радостно проглотил его.

- Ну как? - спросил Меринос, кривя рот.

- Потрясающе! Сладко, изысканно, прекрасно пахнет. Можно подумать - макароны с сахаром, ванилью и взбитым белком. Давай, не бойся, делай как я!

- Придется, потому что я умираю от голода.

И без малейшего энтузиазма американец принялся за червяка, который корчился, складываясь вдвое, извивался.

- Да не глотай ты его целиком! А то бунт поднимет у тебя в желудке! А сейчас, черт возьми, не время принимать рвотное!

Лицо Мериноса понемногу светлело. Он жевал с растущим удовольствием и вскоре воскликнул с набитым ртом:

- Ты прав, Тотор! Это изысканное блюдо!

- Правда? Мне кажется, я сто порций съем! Забавно, что жизнь дикаря преподносит такие сюрпризы. Мы в конце концов еще не вышли из детского возраста и, ей-богу, от сладостей не откажемся!

Наевшись досыта, друзья нашли родник и с наслаждением утолили жажду. И вот Тотор с Мериносом, снова полные отваги и сил, строят новые планы, с надеждой смотрят в будущее, ищут выход.

Прежде всего: где они находятся? Возможно, на западном берегу Новой Гвинеи. Затерянная страна, вдалеке от проторенных морских путей, без

связей с цивилизованными странами; короче - неизвестность, пустыня!

Молодые люди вынуждены рассчитывать только на самих себя, они могут лишь с трудом поддерживать свое существование без провианта, постепенно теряя силы, а возможно, и надежду.

Им придется предпринимать сверхчеловеческие усилия, приспосабливаться, нужно найти местных жителей, добиться помощи от них. Только кто эти жители? Может быть, каннибалы?

- Ну, хватит! - беззаботно подвел итог Тотор. - Нечего пугать самих себя! И с каннибалами договоримся! Папа в свое время укротил тигра и орангутанга, а мы… разве не собирались мы дрессировать кита?

Планы, конечно, разумные, но выполнить их не так-то легко. Затерянные в лесу, утонувшие в огромном и бесплодном море растительности, Тотор и Меринос плутали бесцельно и бессмысленно.

Время уходило на то, чтобы урвать у природы необходимую пищу. Их неотступно преследовали голод и жажда, мучила усталость, подавляла жара. Одежда превратилась в лохмотья, кожа была иссечена шипами, лица сожжены солнцем, путешественники отощали и стали похожи на дикарей. Потеряв счет дням и неделям, они уже не знали, давно ли блуждают по лесу.

Бодрость испарилась, веселость улетучилась, друзья лишь изредка обменивались короткими фразами. Опустив руки, они брели согнувшись, едва держась на ногах, в поисках плода, ягоды, личинки, насекомого, почки, думая лишь об одном: как утолить голод, ужасный, непрерывно терзающий голод.

Огромный лес держал наших героев в плену и не хотел отпускать. Сколько они еще выдержат? Страшно и подумать о будущем.

Однажды утром они настолько ослабли, что не смогли встать, и долгие часы лежали под голубоватым кустом с красными ягодами, где провели ночь. Над головами - шелестела ветвями стая падких до ягод райских птиц*, оглушая друзей назойливыми криками. Вдруг ужасный вопль заставил обоих вскочить. Никакого сомнения, это был зов человека.

---

* Райские птицы - семейство птиц отряда воробьиных с необычно ярким и красивым оперением; 42 вида этих птиц обитают в основном в горных лесах Новой Гвинеи и в Австралии.

Из последних сил юноши побежали на крики. Тотор переложил нож в руку, Меринос размахивал дубиной.

В пятидесяти шагах раскинулась небольшая поляна. На ее краю каталась по земле одетая в яркий саронг* женщина. Она извивалась, выла, отбиваясь от чего-то отвратительного и страшного, прилипшего к ее лицу… Это нечто походило на огромную гусеницу сантиметров пятнадцати толщиной и примерно тридцати сантиметров длиной, с жестким, длинным, черным ворсом.

---

* Саронг - мужская и женская одежда в Юго-Восточной Азии, полоса ткани, обертываемая вокруг тела.

Чудовище присосалось с такой силой, что руки жертвы не могли его оторвать.

Незнакомка погибнет, если ей не помочь.

Преодолевая отвращение, Тотор вонзил свой нож в мохнатую спину мерзкой твари.

Брызнул поток черной серозной жидкости*. Существо сжалось и тяжело упало на землю.

---

* Серозная жидкость - жидкость, образующаяся в организме из сыворотки крови и облегчающая движение внутренних органов.

На лице женщины оказалось более дюжины ран, из них на грудь тонкими струйками текла кровь.

Несчастная с трудом переводила дух, а ее глаза с благодарностью смотрели на спасителей.

Концом палки Меринос перевернул чудовище. Показалось отвратительное брюхо, гладкое, мягкое, бледно-желтое с голубоватыми пятнами, с двойным рядом мощных присосков и хоботков.

Вот почему это ужасное животное прилипало с такой силой. Несчастная непременно оказалась бы его жертвой: она была бы высосана добела, а потом задушена.

Женщина приподнялась, села, наконец встала на ноги. Вытирая тыльной стороной ладони все еще сочившуюся кровь, она внимательно слушала Мериноса, похоже, понимая его.

Американец обращался к ней по-английски. Стоун подошел поближе и внезапно побледнел: на шее у туземки на золотой цепочке висели небольшие часы. На их корпусе переплетались две алмазные буквы. Отвесно падающие солнечные лучи отражались в бриллиантах ослепляющим светом.

Гарри растерянно посмотрел на Тотора и едва слышно произнес:

- Посмотри! На монограмме Н и С - инициалы Нелли, а сами часы… подобных им на свете нет, они мне знакомы, это мой подарок сестре… На “Моргане” они были у нее!

- О, Боже!

ГЛАВА 10

Женщина с отрезанным языком. - В пути. - Обереги. - Перед дверью. - Трудный вход. - Впереди море. - Те, кого не ждали. - Сюрприз за сюрпризом. - Вместе! - Все больше тайн. - Обыкновенный дом. - Немая охрана.

Гарри был потрясен, узнав часы своей сестры на шее негритянки.

Сомнений быть не могло - это те самые часы, которые он купил за умопомрачительную цену у первого ювелира Нью-Йорка. Каприз миллионера. Шедевр роскоши и тонкого вкуса.

Но как попали часы к туземке, женщине из племени лесных каннибалов? Задаваясь этим вопросом, Гарри содрогался от страха и душевной боли. Слезы показались на его глазах.

- Сестра моя! Бедная Нелли! - всхлипывал он. - Добрая, нежная - во власти чудовищ! Быть может, искалечена или погибла! О, Боже, какой ужас! Я этого не вынесу! Тотор, друг мой, у меня в сердце гробовой холод, будто я умираю! Ах, сестра, моя сестра!

У Тотора тоже увлажнились глаза и стеснило горло. Он взял руки Гарри в свои и шептал ободряюще:

- Нет, не верю я в эти ужасы! Не может быть! Я даже чувствую, что это добрый знак. Смотри, женщина, похоже, не злая, кроткая. Она чисто одета. Наверняка люди ее племени вовсе не жестокие выродки. Несомненно, твоя

сестра живет у них. Кто знает, - кораблекрушение или “Морган” стоит у берега… Во всяком случае, я надеюсь и верю, что наши беды кончатся.

- Добрый мой Тотор, как бы я хотел, чтобы это было правдой!

- Давай расспросим женщину. Мы ей оказали большую услугу, она нам все скажет.

Медленно, четко выделяя слова, Гарри спросил туземку по-английски, кто она, откуда, кто дал ей часы и, наконец, знает ли она их владелицу - белую девушку с волосами солнечного цвета.

Папуаска* внимательно слушала, ее большие карие глаза с эмалево-белыми белками искрились умом. Ей было на вид лет двадцать, недурна собой, светло-шоколадного цвета.

____

* Папуаска - представительница коренного населения Новой Гвинеи. Буссенар ошибочно называет папуасов неграми, они относятся даже к иной расе - австралоидной, в то время как негры - к негроидной.

Кровь уже не текла по лицу, но изуродованная присосками кожа вздулась большими пузырями, продырявленными посредине, словно пробойником. Должно быть, обнажившаяся в этих местах розовая плоть очень болела.

Женщина еще дрожала, грудь ее вздымалась, она отвечала жестами, сопровождая их тихими хрипами и не произнося ни слова.

К несчастью, ничего понять не удавалось.

Туземка подошла к друзьям и бесцеремонно провела рукой по лицу Гарри, погладила его рыжие, слегка вьющиеся волосы, осторожно,

наивным жестом ребенка, рассматривающего картинку, обвела кончиком пальца голубые глаза и улыбнулась, покачивая головой.

- Можно подумать, она тебя знает, - проговорил парижанин, - или, скорее всего, ты кого-то напоминаешь ей. Конечно, она видела мисс Нелли - ты ведь на нее так похож!

- Странно, что она ничего не говорит!

Обращаясь к молодой женщине, Гарри начал снова:

- Вы меня слышите? Вы понимаете меня, не так ли? Прошу вас, ответьте.

Гортанно рассмеявшись, незнакомка отрицательно качала головой. Потом совершенно непринужденно и естественно она широко раскрыла рот с белыми, по-кошачьи острыми зубами.

Оба друга испуганно вскрикнули.

- Бедняжка! - произнес потрясенный Меринос. - У нее отрезан язык! Впрочем, сделали это очень давно, и папуаска, кажется, спокойно относится к своему увечью.

- Значит, мы ничего не узнаем, - горестно заметил американец.

- Нужно пойти с нею, пусть приведет нас к своим.

Будто угадав их желание, туземка подобрала плетеную корзину, до половины наполненную ярко-красными ягодами, и знаком пригласила следовать за ней.

Конечно, друзья очень ослабли, едва держались на ногах от голода и усталости, но так встревожились, что готовы были отправиться куда угодно, как в давние дни, когда были крепки и полны бодрости.

Впрочем, расстояние невелико. Не более километра лесом, редеющим на глазах. Бесплодные растения девственных джунглей уступили место плодовым деревьям. Посаженные рукой человека, они быстро распространились благодаря естественному самосеву и образовали настоящий оазис. Тут росли бананы, саговые пальмы, апельсины, хлебные

деревья, цитроны*, манго, а за ними - старые посадки ямса**, аронника***, таро****, бетеля*****, табака, огурцов и дынь.

---

* Цитрон - вечнозеленое дерево семейства рутовых; из плодов варят варенье, делают цукаты.

** Ямс - растение рода диоскорея со съедобными клубнями.

*** Аронник - многолетняя трава семейства аронниковых; ядовита, но при высушивании теряет ядовитые свойства; мука из высушенных клубней съедобна.

**** Таро - многолетнее клубневое растение семейства ароидных; клубни съедобны.

***** Бетель - кустарник семейства перечных, листья которого используют для приготовления жевательной смеси, возбуждающей нервную систему (в смесь входят также семена арековой пальмы и известь).

Маленькая группа продвигалась вперед и подошла к длинному ряду хижин, построенных на больших деревьях. Поднимались в них по бамбуковым лестницам.

Странно, но просторные хижины оказались пустыми. Это был настоящий некрополь*, подступы к нему загромождали человеческие останки.

---

* Некрополь - буквально (с греч.): город мертвых.

Целые скелеты, чьи кости держались на сухожилиях, крутились на тростниковых подвесках, зловеще раскачиваясь от ветра.

Далее головы с пустыми глазницами гримасничали на шестах, затем показались скелеты птиц, зверей и рептилий. Нескладные эму*, безобразные кенгуру, черепахи в панцирях, крокодилы в бугорчатой шкуре - все это болталось, вертелось, позвякивало, медленно кружась в страшном, зловещем танце.

---

* Эму - австралийский страус.

Тут же валялось оружие туземцев: дротики, луки, дубины, копья с кремневыми остриями, каменные топоры, рядом - цветные лохмотья грубой ткани, уродливые идолы, вычурные сосуды, пробитые тамтамы*, - мрачная фантасмагория, отвратительный хлам, вероятно, означающий табу**.

---

* Тамтам - барабан; обычно - выдолбленный обрубок дерева, с обеих сторон обтянутый кожей.

** Табу - система запретов на употребление каких-либо предметов, на

определенные слова и т.п. Нарушение запретов, по верованиям папуасов, карается сверхъестественными силами.

Известно, что туземцы испытывают неодолимый страх при виде таких таинственных предметов - настоящих пугал, помещаемых в то или иное место, чтобы сделать его абсолютно недоступным.

Это и были обереги* - грозная, дьявольская защита, более мощная, чем самые крепкие стены и непроходимые преграды.

---

* Обереги - то же, что амулеты; предметы, которым приписывается сила оберегать человека от опасности, болезни, злой воли других людей.

Круг оберегов непреодолим! Изобилие амулетов, идолов объясняло заброшенность и безлюдье округи.

Тем не менее молодая женщина шла смело, не колеблясь, не дрожа. Вероятно, она была приобщена к тайнам этих мест или просто не верила в них.

Тотор и Меринос, возбужденные, молчаливые, голодные, до крайности встревоженные, следовали за ней. Вот они подошли к изгородям из тиковых деревьев, оплетенных ротанговыми прутьями, образующими дорогу шириной всего в два метра, - идеальное место для разбойничьей засады. Через триста метров дорога привела их к массивной двери, окованной железом.

Оба молодых человека подумали одно и то же: “Вот это да! Обработанное железо!”

К двери был подвешен широкий бронзовый гонг. Женщина ударила молотком по металлическому диску, раздались вибрирующие гулкие раскаты.

- Наконец хоть что-то увидим и узнаем, - сказал Тотор.

Бесшумно, как во сне, дверь открылась. За нею - абсолютная темнота. Лишь где-то, очень далеко, мерцал слабый огонек.

Вперед, вперед!

Дверь неслышно закрылась за ними.

- Тайн все больше, - прошептал Тотор.

После яркого солнечного света друзья ничего не видели в пещерной тьме. Еще несколько неуверенных шагов, и грубые руки схватили их, стиснули. Они не могли пошевелиться, даже крикнуть и потеряли точку опоры. Их подхватили, снова повалили как вязанки хвороста и с необычайной скоростью поволокли куда-то во мраке. Вскоре бешеная гонка прекратилась. Несколько сильных толчков, затем их прислонили к чему-то, друзья испытали мучительное ощущение падения с высоты, будто находились во внезапно оборвавшемся лифте.

Затем пленники почувствовали под ногами колеблющуюся палубу судна. Небольшая зыбь, слышно, как работают весла.

- Где же мы, черт возьми?! - воскликнул Тотор.

Острый нож, приставленный к его горлу, принудил юношу к молчанию.

Заскрипели шкивы, судно остановилось. Молодых людей вытолкнули на сушу, загрохотал засов.

Задыхающихся под наброшенной на них тканью пленников сурово подтолкнули в спину. Кляпы и повязки упали!

Они вскрикнули от внезапно ослепившего их солнечного света. Свежий воздух обволакивал друзей мягкими волнами. Перед ними, насколько хватало глаз, расстилалось море, оно с шумом билось о тысячи рифов.

Пленники были одни или им казалось, что они одни на укрытой тенью больших деревьев отвесной скале, образующей мыс шириной метров в триста. Шестьюдесятью футами ниже красивый паровой катер с тентом на корме изящно покачивался на волнах, вздымавшихся на всю длину якорной цепи.

Сзади возвышалось что-то вроде покрытого дерном вала, с прорубленной в нем дверью, только что закрывшейся за ними.

- Что это? - воскликнул Тотор. - Мне мерещится? Или я сошел с ума? У меня галлюцинации, бред?

А Меринос, глаза которого еще ни на чем не остановились, воздев руки, с силой топнул ногой.

- Да, это видение, бред воспаленного мозга, и мы проснемся в лесу или под кокосовыми пальмами, а может быть, даже на борту “Моргана”!

- Мы оба бредим, или я сошел с ума?

- Стой, я вижу… Даже не решаюсь тебе сказать…

- Что ты увидел?

- Нет, невозможно! Было бы слишком жестоко, если это галлюцинация. И все же… Смотри! Смотри сюда!

Американец обернулся и испустил радостный вопль, смешанный с болезненным изумлением:

- О, Боже! Она! Невероятно!

Две одетые по-европейски женщины сидели в качалках под белыми зонтиками спиной к путешественникам. Восклицание Мериноса заставило их вздрогнуть и быстро встать. Они увидели двух человек - бледных, худых, оборванных, в нелепых колпаках.

Одна из них в свою очередь вскрикнула и кинулась навстречу, отбросив зонтик, который упал ручкой вверх.

- Боже, Гарри! Мой брат, Гарри!

- Нелли, сестричка!

Брат и сестра протянули друг другу руки, обнялись, целуясь и рыдая.

- Гарри, дорогой брат! Я уж не надеялась увидеть тебя больше! - шептала девушка. - Ты жив! Гарри! Я думала, они тебя убили и море стало твоей могилой… Я так плакала по тебе!

- Нелли! Наконец-то я тебя нашел! Нелли, сестренка!.. О, как мне было тяжело без тебя! Не могу поверить своему счастью! Как ты здесь оказалась? У меня голова кругом идет!

Потрясенный, сияющий Тотор скромно держался в стороне. “Это посильней, чем в самых закрученных романах, в самых невероятных мелодрамах!* - думал он. - Теряются неизвестно как, находятся неизвестно почему, ищут друг друга и не находят, а находят - не ища. Смысла тут нет, все это нескладно, как бег дромадера**. И так же невероятно, как “появление жирафа в Палате депутатов”.

---

* Мелодрама - в литературе так называют пьесы о борьбе добра и зла, действующие лица которых проявляют повышенную и бурную чувствительность; Буссенар употребляет слово для определения напряженной ситуации.

** Дромадер - одногорбый верблюд.

Еще дрожа от волнения, со слезами в прекрасных глазах, девушка разняла объятия и улыбнулась парижанину; затем протянула ему обе руки и проговорила с глубочайшей искренностью:

- Ах, мистер Тотор, поверьте, я так рада… Я не смогу этого объяснить, вы - друг необыкновенный…

Юноша был так взволнован, что чуть не расплакался, однако ни за что на свете не выдал бы своего смущения. С серьезным видом он снял остроконечный колпак, раскланялся и сказал:

- Мисс Нелли, позвольте нижайше приветствовать вас.

Меринос вмешался:

- Знаешь, сестренка, путешествие по Австралии - пустяки! Там Тотор был героем, но здесь он оказался еще на сто голов выше, если это только возможно.

- Не верьте ему, мисс Нелли. Герой - это он! Только подумайте: смело пожертвовал собой ради меня, ради дружбы. Когда меня собирались убить, не колеблясь бросился в море через иллюминатор “Моргана”. Вот это подвиг! О да, чертовский подвиг, и герои древности по сравнению с ним - ничто.

Американец с дружеской бесцеремонностью прервал друга. Радость от встречи с сестрой вернула ему хорошее настроение.

- Да замолчи же, болтун! В краску меня вгонишь, - сказал Гарри с нервной усмешкой. - Ты возносишь меня на пьедестал, подвергаешь испытанию мою скромность и забываешь, что мы голодны.

- Это точно! И уж не знаю сколько дней, потому что всякое представление о времени потеряли, но мы буквально погибаем от голода.

- Три недели тому назад вы покинули “Морган”, а мы прибыли сюда неделей позже. Правильно, Мэри?

Спутница Нелли, скромно стоявшая в стороне, подошла ближе:

- Да, мисс Нелли, мы здесь ровно две недели.

Меринос дружески протянул ей руку:

- Мисс Мэри, простите меня, огромное счастье увидеть вновь сестру помешало мне сразу сказать, как я рад видеть и вас.

- Вы очень добры, мистер Гарри, - ответила девушка, - но…

Растроганная Нелли перебила ее:

- Если б ты знал, Гарри, как добра она была ко мне, нежна и преданна, какое участие приняла во мне, как меня поддерживала, ободряла, утешала! Мери, дорогая Мэри, я счастлива сказать брату и его лучшему другу, что, когда несчастья обрушились на нас, я умерла бы без вас от страха и отчаяния!

- Я лишь выполняла свой долг, мисс Нелли, а почтив меня дружбой, вы отплатили за мои незначительные заслуги так, как я не могла и надеяться! Но господа голодны, позвольте мне позаботиться о них.

Все четверо покинули террасу и направились к двери. А Тотор удивлялся про себя легкости речи и достоинству, с которым держалась девушка довольно скромного положения.

По дороге вопросы так и сыпались - многочисленные, торопливые. Друзья хотели бы все узнать сразу. Столькими новостями нужно было успеть обменяться!

- Сестренка, как вы здесь оказались?

- А вы?

- Слишком долго рассказывать; правда, Тотор? Поговорим во время еды.

- Мы - пленницы.

- Чьи же?

- Не знаю! Но, по крайней мере, обращаются с нами хорошо.

Дверь открылась. Они вошли в просторный зал, обставленный простой, но чистой и, главное, удобной мебелью. Плотные циновки, стол, стулья из бамбука, одно кресло-качалка, буфет, посуда, короче - случайный,

безличный инвентарь какой-нибудь фактории. Ничего, что могло бы сказать хоть что-то о хозяевах.

Папуаска, похожая на ту, которую друзья спасли, принесла огромную корзину великолепных фруктов и испеченного в золе ямса, поставила все на стол и ушла, ни слова не говоря.

Как настоящие голодающие, Меринос и Тотор набросились на еду и принялись уписывать съестное за обе щеки.

- А теперь, - попросил американец с набитым ртом, - расскажи, пожалуйста, сестренка, обо всем, что произошло на “Моргане” после нашего вынужденного… отплытия.

- Но я ничего не знаю, дорогой Гарри! Услышав бряцание оружия, крики, угрозы, я хотела выйти, но меня затолкали обратно. И мы с Мэри целую неделю оставались пленницами в наших каютах. Потом они спустили в море шлюпку, нас, несмотря на наши крики и мольбы, посадили в нее и доставили сюда.

- Ты ничего не заметила?

- Заметила! Матросы и капитан были не из экипажа “Моргана”, они нам абсолютно неизвестны.

- А здесь?

- Мы не знаем, где и у кого находимся. Нас не обижают, мы ни в чем не нуждаемся, но не видим никого, кроме сторожей. К тому же невозможно даже словом перекинуться с ними, потому что все - и мужчины и женщины - немы. У них отрезаны языки.

Конец первой части

Часть вторая

ГЕНЕРАЛ ТОТОР

ГЛАВА 1

Вилка может стать отмычкой. - Главный склад. - Все вооружаются. - Карта. - Буссоль. - Перелистывая иллюстрированный журнал. - Король воров. - Старый знакомый. - Признательность. - Бегство. - Эй, уж не хотите ли вы нас покинуть?

- Не слишком веселая картина, - с досадой заметил Меринос.

Тотор пылко запротестовал:

- То есть как! Ты привередничаешь! Подумай хоть немного.

- Вот этим я и занимаюсь. Испытываю свой бедный мозг китайскими головоломками* и, поскольку нет результата, снова делаю вывод: картина невеселая.

---

* Китайские головоломки - трудно разрешимые загадки или задачи.

- Мисс Нелли! Простите юного янки, недостойного быть вашим братом. Как, несчастный! После стольких передряг тебя не радует цветная картинка счастья в книге нашей судьбы? Неожиданность, собравшая нас вместе после стольких неприятностей; нежданная радость встречи с

сестрой - разве все это ничего не значит?

- Ты изрекаешь чудовищные вещи, дорогой Тотор! Я вовсе не это хочу сказать!

- А что же?

- А вот что: несмотря на радость быть рядом с Нелли, меня бесит неизвестность. Где мы находимся и, главное, как выбраться отсюда?

- Это уже другое дело. Только позволь заметить: беситься недостаточно, нужно искать!

- Браво, мистер Тотор, вы одним словом подвели итог. Итак, давайте искать!

- А что нужно искать?

- Сведения, черт возьми!

- Сведения можно поискать, пожалуй, за дверьми.

- Это уже кое-что. Только их нужно открыть.

- By Jove! Ты так спокойно об этом говоришь! Они такие массивные, прочные и неприступные, что оторопь берет.

- Можешь нагромождать эпитеты* и дальше. Но вся проблема не стоит обыкновенного крючка.

---

* Эпитет - определение.

- Какого крючка?

- Да хоть такого!

Пока его друг досадовал, парижанин отломил три зуба у вилки, с помощью которой только что завтракал. Оставшийся зуб согнул под прямым углом.

- Ну и что?

- Тсс! Не мешай.

Из просторной комнаты, служившей одновременно холлом, спальней и столовой, вели, вернее, никуда не вели три наглухо закрытые двери. Не выбирая, Тотор подошел к средней и внимательно исследовал замок. Потом покачал головой, улыбнулся и ввел импровизированную отмычку в скважину. Легкими и очень ловкими движениями он толкал, тянул, поворачивал крючок и наконец произнес со своей всегдашней хитрецой:

- Никудышный замок! Огромный, тяжелый, чудовищный, но в брюхе у него пусто! Достаточно гвоздя, шпильки для волос, любого пустяка, да что там, дунешь - и откроется! Вот так: фу! Прошу вас, дамы и господа, входите!

Что-то негромко стукнуло, щелкнула пружина, скрипнули ржавые петли, и дверь подалась.

- Невероятно! Да ты волшебник, Тотор!

- О, мистер Тотор, вы самый необыкновенный человек на свете!

- Да ничего особенного. В нашей школе, в Шалоне, я немало замков выпотрошил.

- Вы не можете себе представить, как это здорово! Мы уже давно хотели узнать тайну закрытых дверей! К тому же я не менее любопытна, чем ваша французская мадам Синяя Борода. И вы тоже, Мэри, не правда ли?

- О да, мисс Нелли! Меня тоже эти двери просто бесили.

Все быстро вошли в соседнюю комнату и от неожиданности вскрикнули. Но неожиданность оказалась приятной.

- Провиантский склад! Библиотека! Арсенал!

И действительно, в огромном зале оказалось даже более богатств, чем привиделось вначале. Целое нагромождение вещей, мало-помалу накопленных привычными к приключениям людьми, хранившими все, что может пригодиться в этой дикой стране.

Тотор и Меринос от радости пустились в своих лохмотьях в пляс и стали выделывать немыслимые антраша*. Нелли хлопала в ладоши и смеялась, а Мэри, тоже довольная, сохраняла привычный скромный вид. Наконец оба молодых человека, запыхавшись, остановились, и Тотор сказал:

---

* Антраша - в классическом балетном танце - легкий прыжок, во время которого ноги танцора быстро скрещиваются в воздухе, касаясь друг друга.

- Целое богатство для нас, оборванцев! Но - спокойно! И быстрей выбрать из завалов самое необходимое.

- Первым делом оружие, правильно?

- Еще бы!

Суровый строй из сотни новых и хорошо смазанных многозарядных винчестеров стоял у стены. Меринос вынул один из пирамиды*, щелкнул затвором и протянул Тотору.

---

* Пирамида - здесь: способ установки оружия.

- Держи, а я возьму вон тот.

- Мистер Гарри, - решительно перебила его Мэри, - а мне вы разве ничего не дадите?

- Как, мисс Мэри, вы разбираетесь в оружии?

- Я из Канады, отец научил меня обращаться с ружьем еще в детстве.

- Браво, тысячекратное браво! Ну, а про тебя, сестренка, мы знаем - умеешь держать винтовку в руках. Возьми карабин. О, прекрасно! Пополним наше вооружение еще и револьверами, кинжалами, патронами!

- Лом железный собираем! - рассмеялся Тотор. - Я и в самом деле превратился в арсенал. Как, и вы! Но девушки грациозны, несмотря на обилие оружия, а мы, в лохмотьях, выглядим просто бандитами с большой дороги.

- Но тут есть и одежда, - прервал его Меринос, который рылся по всем углам. - Вот, посмотри-ка: целые шкафы ношеных костюмов, обуви, головных уборов и всего прочего!

- Прекрасно, господа, наряжайтесь джентльменами, - сказала Нелли, - мы оставим вас одних. Пойдемте, Мэри.

Друзьям хватило пяти минут. Шерстяные рубашки, белые тропические шлемы, сапоги из желтой кожи, брюки, куртки в мгновение ока заменили жалкие обноски. Два молодых человека совершенно преобразились, словно воскресли, и вновь обрели бравый вид.

- Меринос, мы великолепны!

- Тотор, я в восторге!

- Готово, девушки, вы можете вернуться!

Пораженные их метаморфозой*, Мэри и Нелли воскликнули:

---

* Метаморфоза - здесь: резкая перемена, превращение.

- Браво, господа! Вот теперь вы похожи на настоящих рыцарей приключений, поздравляем!

- Вы чересчур снисходительны, мисс Нелли! Полагалось бы присобачить плюмажи* к нашим остроконечным колпакам! Нужно еще пошарить тут.

---

* Плюмаж - украшение из перьев.

Теперь настала очередь книжных богатств. Вся компания принялась торопливо рыться в мешанине всевозможных сочинений на английском, французском, немецком, испанском и голландском языках. Сориентироваться было непросто. Математика, романы, химия, физика, иллюстрированные журналы, география, ботаника - все что угодно можно было найти.

Однако парижанину повезло: ему попался великолепный атлас.

- Удача! - радостно воскликнул он. - Карты! Наконец-то можно разобраться, где мы находимся!

Юноша принялся быстро перелистывать атлас с картами на отдельных листах, засунутых между переплетенных страниц. Одна карта, наклеенная на ткань, выскользнула из атласа. Тотор подхватил ее, вгляделся и

восхищенно воскликнул:

- Взгляни-ка, Меринос! И скажи, разве не на нашей стороне удача!

Это был великолепный чертеж голландской части Новой Гвинеи. Дополняли его рукописные примечания, придававшие находке особую ценность. Были указаны никому не известные реки, горы и леса. Белые пятна, приводившие в отчаяние географов и путешественников, исчезли благодаря новым сведениям. Одна важная деталь сразу бросилась в глаза: красная метка у морской стоянки, подступы к которой были указаны тщательно и детально. Ниже от руки, и тоже красными чернилами, написано: Норт-Пойнт.

- Что-то мне подсказывает - нас заточили именно здесь, - произнес Тотор. - Черт возьми, далеко же мы забрались! Какие зигзаги и какие скачки через неведомые миры!

Парижанин сложил драгоценную карту.

- Смотри-ка, план! - воскликнул Меринос, перелистывавший атлас. - Тут есть ссылка на Норт-Пойнт, стрелки показывают подземные ходы, укрытия на местности, кучу всего…

- Удача! Это, должно быть, план таинственного хода, которым нас сюда вели. Нужно быстро разглядеть!

- А я, господа, - вмешалась Нелли, - нашла карманный компас, который нам наверняка пригодится.

- Ах, мисс Нелли, ваша находка не имеет цены! Без нее мы оказались бы как без рук, компас укажет нам путь бегства, спасения!

И Мэри не сидела без дела. Она раскрывала иллюстрированные журналы и рассматривала загнутые страницы. Некоторые тексты были отмечены карандашом, на полях иных фотографий и гравюр имелись пометки. Вдруг девушка воскликнула с удивлением, близким к испугу:

- О, Боже! Это же он!

- Кто, мисс Мэри?

- Господа, посмотрите сами, может быть, я ошибаюсь.

Под превосходно выполненным портретом значилось: “Ричард Сеймур, знаменитый бандит”.

Меринос бросил на портрет взгляд и вздрогнул от изумления.

- Он! Это он, Ричард Сеймур, гениальный и поразительный негодяй, который украл пять миллионов долларов в Национальном банке! Убил Джеймса Никольсона, знаменитого главу медного треста, шантажировал “Арнхейм Бразерс энд Компани”, потребовав миллион долларов, прямо на улице заколол кинжалом знаменитого детектива Пауэлса, преследовавшего его! Так вот какой этот Ричард Сеймур, поднявший на ноги всю полицию Старого и Нового Света. Он был приговорен к смертной казни во Франции, Испании и Англии, ловко избежал гильотины*, гарроты** и веревки, попался в Нью-Йорке и сбежал за день до казни на электрическом стуле. На время исчез, потом вновь заявил о себе еще более наглыми преступлениями… И этот Ричард Сеймур, прожигатель жизни почище миллиардера, хитрый, как лиса, более жестокий, чем краснокожий, этот… но взгляни же и ты, дорогой мой!

---

* Гильотина - орудие для обезглавливания осужденных на казнь; изобретено врачом Ж.Гийотеном во время Великой французской революции 1789 - 1794 годов.

** Гаррота - орудие “бескровной” казни в Испании, железное кольцо-удавка.

- Вот так да! Мистер Дик, образцовый слуга, твой стюард на “Моргане”! Ну и ну! Если это он оказал нам здесь гостеприимство, в хорошие же руки мы попали!

- Теперь я все понял, - глухо произнес Меринос. - Получается, что мы жили на яхте бок о бок с таинственным и опасным бандитом. Меня и сейчас дрожь пробирает!

Ошеломленный молодой человек продолжал машинально листать журнал, читая то одну, то другую фразу из этой сенсационной биографии:

"…О Дике* Сеймуре, ставшем героем легенд, рассказывают невероятные истории - о его храбрости, жестокости, дьявольской ловкости.

____

* Дик - это уменьшительное от Ричарда. (Примеч. авт.)

…Его операции, охватывающие весь мир, поражают разнообразием и в то же время последовательностью, взаимосвязью, масштабностью… как в крупнейших банках или торговых фирмах, где функционируют сотни филиалов, приводящие в движение сложнейшие механизмы и доводящие дело до бирж, рынков, прилавков, доков и самых мелких лавок.

…Мистер Дик именно так организовал мир краж и убийств… Стал всемирным директором треста преступлений.

…Он точно такой же король воров, как другие - короли золота, нефти, меди!.. Он миллиардер-грабитель и в то же время грабитель миллиардеров!

Конечно, у него сообщники во всем мире, бандиты, которые повинуются ему фанатично и слепо. Рамо собой разумеется, он располагает недоступными укрытиями и неистощимыми запасами, его удары готовятся с математической точностью и с бесконечными предосторожностями, которые делают их неотразимыми. Он умеет взглянуть сверху, предвидеть издалека и с чудовищным наслаждением вычисляет рискованность своих операций, словно гениальный биржевик, играющий на повышение или понижение на рынках обоих полушарий".

Меринос все еще листал журнал и читал краткие заметки, более увлекательные, чем самый захватывающий роман. Ведь с этим человеком была связана пережитая ими драма, игра, в которой на кон поставлена их судьба, свобода и сама жизнь.

”Мистер Дик, как уверяют, особенно свирепствует на больших островах Малайского архипелага. Там, в пиратском царстве, бандит находит себе многочисленных бесстрашных помощников среди преданных ему морских разбойников.

К тому же его владения простираются и на не разведанные еще острова, которые служат ему неприступным убежищем.

Между появлениями в Нью-Йорке, Париже, Лондоне или Петербурге, где он проносится метеором, затмевая всех великолепием, Сеймур возвращается на острова к роскошному существованию раджи* в окружении сообщников и рабов.

____

* Раджа - княжеский или царский титул в Индии.

…Наконец, некоторые утверждают, что из чудовищной предосторожности он приказывает сообщникам отрезать языки несчастным дикарям, чтобы принудить их к вечному молчанию!”

- Ну, это мы сами видели, - прервал товарища Тотор, - если и остальное правда, в хорошенький переплет мы попали! И это все?

- О, тут еще много столбцов, страниц… так глупы эти журналы с их манерой возвеличивать негодяев!

- Тогда хватит! Мы уже довольно знаем об этом господине. Однако не стоит пугаться! Конечно, мы еще ребятишки, но плевали мы на буку, будь

он хоть король воров, как мистер Дик! Пусть только сунется к нам, узнает, почем фунт лиха!

Эта взволнованная речь, в которой соединились и дополняли друг друга шутка и бесстрашие, вызвала энтузиазм маленькой армии.

Воины и воительницы встали, как один, потрясая винчестерами, а Меринос воскликнул:

- Прекрасно! Объявляем королю воров войну! А ты, Тотор, будешь нашим генералом. Приказывай, мы повинуемся тебе! Выступай в поход, и мы последуем за тобой! Да здравствует генерал Тотор!

Парижанин приосанился и выпятил грудь. Он так забавно преувеличивал строгость своей воинской выправки, так лихо закручивал отсутствующие усы, что вся армия покатывалась со смеху. Тотор решил произнести речь:

- Солдаты, я доволен вами…

Внезапно юноша умолк и нахмурился: как в волшебном замке, тихо отворилась дверь.

- Ну и ну, - прошептал Тотор, быстро возвращаясь к действительности, - кто это затыкает мне глотку?

Появились трое туземцев: двое мужчин и женщина.

На высоких, хорошо сложенных мужчинах с взъерошенными волосами, кожей шоколадного цвета и толстыми бананообразными носами были надеты лишь набедренные повязки. Оружия при них не было.

Девушку с красивым личиком, вздувшимся от присосков мерзкого животного, друзья узнали с первого взгляда.

- Ведь это Дженни! - воскликнула мисс Нелли. - Подойдите же, дорогая!

- Ты ее знаешь? - спросил сестру Меринос.

- Конечно. Она служит нам с тех пор, как мы сюда прибыли. Очаровательная, добрая, мягкая и преданная, она прекрасно нас понимает.

Мы назвали ее Дженни.

- И ты отдала ей свои часы?

- Да, эта безделушка нравилась ей до сумасшествия.

- А мы ее спасли. Нет, не безделушку, а твою Дженни. Кстати, представляешь, каким ударом для нас было посреди леса узнать эти часы на ее шее! Мы сочли, что ты убита… задушена каннибалами!

- И съедена - ты хотел сказать? Да, понимаю, есть от чего испугаться!

Между тем у папуаски вид был крайне взволнованный. Ее лицо стало пепельно-серым, руки дрожали. Не менее взволнованные мужчины суетились, мычали, приближались к Тотору и Мериносу, пытались увести их. Папуаска взяла руку Нелли и осторожно потянула девушку к полуоткрытой двери.

Тотор, Меринос, Нелли и Мэри догадались: что-то ужасное угрожает всем четверым. А славные папуасы в благодарность за спасение девушки хотят им помочь. Да, именно так! Нужно немедленно бежать.

- Дети мои, - сказал Тотор, - когда-нибудь я непременно произнесу речь! Но сейчас наш долг поторопиться и немедленно смыться. Возьмем же в руки оружие, набьем карманы патронами, приберем все разбросанное! Буссоль?* Есть! Карта? Есть! Девушкам - в два счета подобрать шлемы. И-и рысью, марш!

---

* Буссоль - инструмент для измерения горизонтальных углов между магнитным меридианом и направлением на какой-либо предмет. Основные части - вращающаяся магнитная стрелка, кольцо с градусными делениями и оптическая труба для наведения на предмет.

Туземцы всячески выказывали нетерпение и с опаской оглядывались вокруг, а увидев, что их поняли, бросились вперед с такой скоростью, что беглецы едва поспевали за ними по темному коридору. Время казалось нескончаемым. Наконец они очутились под довольно высоким сводом. Пошли дальше и увидели усеянный цветами луг и великолепную пальмовую аллею.

Они уже считали себя вне опасности, когда раздался дьявольский смех, заставивший их отпрыгнуть назад, будто каждый наступил на хвост гремучей змеи. Затем голос с нотками металла насмешливо обратился к ним:

- Уж не хотите ли вы нас покинуть?

О, этот голос!

Они обернулись и увидели бывшего стюарда с “Моргана”! Да, мистер Дик собственной персоной, держа руки в карманах, нагло разглядывал их и потешался.

Беглецы застыли в изумлении и гневе.

Вспылив и припомнив пережитые беды, Тотор внезапно кинулся к нему, крича:

- Это шельма Дик! Ну, я ему всыплю!

ГЛАВА 2

Не судите по виду. - Кучачные удары. - Да, но мистер Дик держит удар. - Малайская борьба. - Танец, гипноз и боевое искусство. - Тотор в опасности. - Мимо! Удар в лицо. - Отступать! - Генерал Тотор. - Небольшая передышка. - Правый, левый фланг и центр. - Тотор сожалеет, что не сдавил сильней.

Мистер Дик как будто был безоружен, он походил на мирного домоседа: широкая панама на голове, руки в карманах. Ни дать ни взять добрый буржуа, вышедший в домашних тапочках проведать свои грядки с дынями и клубникой. Действительно, тот, кто ничего не знал о нем, легко мог ошибиться. При виде кинувшегося на него, как пушечное ядро, парижанина Дик продолжал смеяться и лишь чуть отступил в сторону. И все. Но этот человек в полной силе своих лет, за плечами которого были ожесточенные схватки, вероятно, обладал крепкими мускулами и непревзойденной ловкостью.

Как породистый дог рядом с шавкой, он испытывал презрение к хлипкому противнику и был невозмутим.

К тому же бандит наверняка не был одинок. У него должны были быть сообщники, готовые оказать патрону немедленную помощь; насколько она ему необходима, он еще и не подозревал. Тотор, хоть и мальчишка, противник не простой. Крепко сбитый, коренастый, ловкий, с мускулами, в которые будто сталь вплетена, юный француз - настоящий атлет.

Мощные плечи, не умещающаяся в воротничке шея, мускулистые руки, от которых мнутся и лопаются рукава - вот что мистер Дик, кажется, недооценил или чего попросту не заметил. А может быть, мальчишеская физиономия сбила его с толку.

К тому же нужно сказать, что Тотор с младенческих лет занимался физическими упражнениями. Чтобы подготовить к неожиданностям жизни, отец приобщил его к разным видам спорта. Так что в гимнастике, борьбе, плавании, стрельбе, верховой езде для молодого человека секретов не было, а уж в таком живописном и грозном состязании, как французский бокс, - и подавно.

Не довольствуясь физическим развитием сына, Фрике любовно воспитывал его дух. Один из привычных его афоризмов гласил: “Будь сильным, чтобы стать добрым, будь добрым, чтобы стать справедливым и великодушным. И главное, будь храбрым! Ввязавшись в борьбу, не бойся раздавать удары и особенно получать их. Человек, решивший скорее погибнуть, чем уступить, непобедим”.

Поэтому с таким противником, как Тотор, следовало серьезно считаться.

К сожалению, парижанин страдал донкихотством, считая, что не по-рыцарски вооруженному нападать на безоружного. Будто благородство по отношению к хищникам не самообман!

Абсурдным и великолепным жестом он бросил весь свой арсенал на траву, убеждая самого себя:

- Без этого даже удобней.

Но Меринос закричал:

- Тотор, берегись!

Освободившись от ноши, ловкий, как тигр, разгневанный парижанин стал наступать на бандита:

- Защищайся!

Все еще улыбаясь со спокойным и насмешливым видом, держа руки в карманах, мистер Дик и бровью не повел. Два удара, которые признал бы отличными даже лучший боксер Соединенного Королевства, обрушились, как молот, на его грудь.

Обычный человек опрокинулся бы вверх тормашками, как кролик от хорошего заряда свинца, но мистер Дик даже не покачнулся. Только лицо его, сохранявшее до того ироническое выражение, помрачнело. Почувствовал ли он опасность? Пожалуй, да, - вынул наконец руки из карманов. Но не успел произнести ни слова.

Тотор работал кулаками, снова бил в грудь, будто руки толкала стальная пружина.

Бам, бам! Звук - как от удара по наполненному бурдюку.

- Черт побери! Несносный мальчишка. Придется его убить. Одним ударом, - добавил мистер Дик. - А жаль!

Эта первая стычка длилась всего четыре секунды! Одно мгновение, в течение которого остолбеневший Меринос не успел даже подготовиться к атаке, отвлекающему маневру, просто тронуться с места.

А Тотор тем временем вышел из стойки, отскочил назад и в досаде воскликнул:

- Ну и ну! Эта шельма - raw-flesh! Ничего не поделаешь!

Raw-flesh, сырое мясо - это хлесткий, образный термин в боксе, которым обозначают спортсмена, хорошо держащего удар.

То ли от природы, то ли в силу привычки такой человек бывает настолько закален, что не подаст и вида, что ему больно!

Его бьют, непрерывно осыпают кулачными ударами, но противник этого raw-flesh сам понемногу устает, побежденный обескураживающей пассивностью соперника. К тому же raw-flesh опасен, удары на него действуют не больше, чем на мешок с солью, и он может, выбрав момент, нанести смертельный удар своему уже измотанному противнику.

Но, слава Богу, Тотор знал все до точки, как говорят в армии, и не упорствовал в боксировании, ибо отлично понял бесполезность предпринятой атаки.

Но у него имелись в запасе другие уловки, и он чувствовал себя в силах одолеть противника. Не медля, парижанин снова напал на мистера Дика. Быстрый финт, прекрасный выпад ногой, чтобы ударить десятью сантиметрами ниже колена, и следовательно, сломать большую берцовую кость, или малую, или даже сразу обе.

Но жесткая подошва Тотора встретила пустоту: с ловкостью кошки бандит отскочил.

Затем вдруг, словно поддавшись внезапному безумию, мистер Дик принялся медленно танцевать, проделывая плавные движения, будто заимствованные у баядерок*.

---

* Баядерка - восточная танцовщица.

Это не обычный танец: время от времени одна из ног танцора вытягивалась, как бы брыкаясь, а рука пыталась отпустить подзатыльник. Пораженный Тотор стал в боксерскую стойку, глядя во все глаза, а потом сказал:

- Да ты псих! Но я все равно тебя убью, потому что мы хотим свободы, а ты - грязная тварь!

Бандит украдкой бросил взгляд на беглецов. Он видел Нелли и Мэри, укрывшихся за стволами пальм; чуть ближе Меринос угрожал ему своим карабином. Выжидая момент, чтобы поразить бандита наверняка, Гарри не решался стрелять, боясь попасть в своего друга. Двое папуасов со своей подружкой скрылись.

Мистер Дик изрыгал проклятия:

- Проклятые черномазые! Эти дикари предали меня! А где же остальные?

Стычка длилась не более полминуты. Все буквально оторопели от неожиданности.

Между тем бандит кружился, раскачивался, резко поворачивался и неуклонно продвигался к Тотору, который чувствовал себя словно в водовороте и не знал, куда бить.

Странная гимнастика, похожая на танец и схватку одновременно, напоминала малайскую борьбу, еще более необычную и смертоносную, чем знаменитое японское джиу-джитсу*: она запрещает захваты и борьбу лицом к лицу.

---

* Джиу-джитсу (дзю-дзюцу) - японская система защиты без оружия.

Это комбинация круговых и волнообразных движений в необычном ритме, сопровождающаяся внезапными выбросами конечностей. Нападающий надежно защищен, а его несведущий противник вскоре оказывается полностью парализован, подавлен, приведен в замешательство неожиданными ударами по всем частям тела.

Потеряв ориентировку, ничего не видя, противник падает от смертоносного удара в одну из жизненно важных точек, хорошо известных восточным борцам.

Тотор, знавший многие виды борьбы, ощутил смертельную опасность. Невозможно было отразить непрестанный град ударов, который обрушился на него со всех сторон. Невозможно вынести это скачкообразное вращение, эти резкие движения, похожие на выпады фехтовальщика и в то же время на обманные финты, от которых в глазах рябит до боли.

Предметы перед ним кружились, силуэты расплывались, а сам он мало-помалу как бы подчинялся гипнозу и уже неспособен был действовать, теряя энергию и волю. Но парижанин еще различал бледное лицо мистера Дика, который зло улыбался: Тотор, несравненный борец, будет побежден еще до боя.

Грянул оглушительный выстрел. Наваждение рассеялось.

Мистер Дик подпрыгнул и закричал:

- Мимо!

Да, мимо, но очень близко! Пролетевшая со свистом пуля сбила с бандита шляпу и оцарапала голову!

Бывший стюард решил - есть еще время для последнего, решительного удара, чтобы избавиться наконец от бесстрашного мальчишки. Дик послал удар, который готовил с начала схватки, и глухо произнес:

- Так умри же!

Но парижанин уже вышел из оцепенения. За дымом выстрела он увидел мисс Нелли, умело, как старый солдат, перезаряжавшую винчестер. Именно ей он был обязан передышкой, и мысль об этом придала ему сил.

Тотор знал: отразить этот дикарский удар невозможно. Он молниеносно бросился на землю, оперся о нее левой рукой и изо всех сил ударил мистера Дика ногой в лицо.

- Браво, Тотор, браво!

С расплющенным носом, разбитыми губами, выбитыми зубами, бандит вытянул руки, зашатался и упал, изрыгая проклятия.

Победитель вскочил на него, всеми десятью пальцами крепко сжал горло и уперся коленом в грудь. Потом насмешливо воскликнул:

- Так и есть, ты - сырое мясо! Только морда у тебя скорей похожа на растертый о стенку помидор.

Мистер Дик потерял сознание и не шевелился. Но парижанин, крепко держа его, стал звать друзей:

- Меринос, мисс Нелли! Мисс Мэри! Скорей сюда! Нужно связать этого кривляку из мелодрамы.

- Нет веревок!

- Как это нет! А ремни винтовок? Есть чем обкрутить с головы до ног.

- А потом?

- Будем держать в плену, пока он сам не освободит нас по доброй воле или подчиняясь силе.

План был великолепен, дерзок и прост, он наверняка удался бы, но, к несчастью, выстрел из карабина уже поднял тревогу. Из-под свода послышались крики, бряцание оружия, голоса взбешенных мужчин. Появилась небольшая толпа. Из темноты бежали люди в матросской одежде.

К несчастью, беглецов было слишком мало: подумайте - всего только два подростка и две девушки!

Мэри, которая оказалась напротив, закричала:

- Берегитесь!

Она подняла револьвер и решительно нажала на спусковой крючок. Один из мужчин упал под ноги своих товарищей, другие кричали:

- Сбежали! И Дика скрутили! Проклятье!

Их было около двенадцати. Но при виде целившихся в них Мериноса и Нелли бандиты застыли в нерешительности.

- Первый, кто шевельнется, - умрет! - решительно воскликнул американец.

Увы! Как из-под земли со стороны моря возникла еще группа людей и стала окружать друзей. Они едва успели отскочить.

- Go back! Totor, go back!*

____

* Назад! (англ.)

Парижанин с досадой отпустил разбойника и отпрыгнул назад. Он быстро подобрал оружие и патроны, сердито бормоча:

- Проклятье! Не успел прикончить!

- Назад, назад! - снова закричал Меринос.

Следовало отдать должное негодяям: то ли из чувства долга, то ли из

страха, а может, из настоящей привязанности к своему главарю, они прежде всего занялись им.

Именно это позволило беглецам выскользнуть из окружения и укрыться за стволами пальм.

Но мистер Дик быстро пришел в себя: такие жестокие люди - не хлипкие барышни. Он дернулся, открыл один глаз и, освободившись от железных объятий парижанина, глубоко вздохнул. Затем попытался подняться, но вновь тяжело упал на спину, будто его стукнули в лицо дубиной, как быка на бойне: полученный удар явно не способствовал работе мозга.

Из разбитого рта вырывалось бессвязное мычание, сквозь дыры от вышибленных зубов высвистывались обрывки слов. Наконец бандит выплюнул несколько сгустков крови и, приподнявшись на руках, обвел окружающих злобным взглядом.

Его пораженные сообщники не могли опомниться. Как! Их главаря, человека, который держит в страхе оба полушария, измочалили, превратили в жалкую тряпку! Он, непобедимый, валяется на земле!

Но кто мог, кто осмелился помериться с ним силами!

Одно слово, вернее, хрип вырвался изо рта, столь живописно уподобленного Тотором раздавленному помидору:

- Парижанин!

Потом едва слышно мистер Дик добавил с ненавистью, которая заставляла вздрогнуть даже храбрецов:

- О!.. Я вырву… и съем… его сердце!

Тотор не ведал о сей людоедской угрозе. Но если б и знал, вряд ли бы так уж взволновался.

Но вся эта сцена дала беглецам передышку. Хотя Тотор совсем недавно был возведен в чин генерала, он вполне соответствовал должности. Как знаток тактики, одним взглядом юноша оценил местность и определил каждому его место, задачу и маневр.

- Мисс Нелли, вы - правый фланг, мисс Мэри, вы - левый фланг. Отступайте справа и слева от аллеи. Ты, Меринос, - в центре. Отходите, скрываясь за стволами деревьев. Перебежками! Браво, вы передвигаетесь, как гренадеры* Наполеона!

---

* Гренадер - солдат отборной пехотной или конной части в европейских армиях.

Левый и правый фланги повиновались беспрекословно, но центр уперся. Меринос, сурово сжимая в руках оружие, повернулся, поглядел на компанию бандитов, проворчал:

- By Jove! Знал бы ты, как у меня чешутся руки!

- Ну так почеши! - ответил генерал Тотор.

- Смеешься!

- Да нет же! Просто даю полезный совет: если чешется, то нужно почесать. Вот и все!

- Я хочу сказать, что был бы счастлив влепить заряд в толпу негодяев.

- Ни в коем случае! Не время, нас может отрезать второе войско.

- Всего семь выстрелов из моего винчестера!

- Нет! Не нужно бесполезных стычек, не стоит дразнить этих господ по пустякам, а главное, будем беречь патроны и стрелять только наверняка. Отступать! Отступать!

Друзья отходили все дальше и дальше, вот они уже в двухстах метрах, а на них, похоже, не обращали внимания.

На таком же расстоянии от беглецов высился густой лес - прекрасное укрытие для маленького войска. Именно туда следовало добраться как можно скорее. Когда опасность миновала, оба фланга и центр совершили маневр схождения, покинули аллею и сконцентрировались без всякого приказа главнокомандующего. Теперь они шли бок о бок, держа оружие как попало, а генерал брюзжал, как и полагается старому вояке:

- Эх, если бы я сдавил сильней!

- Сдавил… что? - спросил Меринос.

- Горло мистера Дика. Тогда бы он стал “покойным Диком”, и мы были бы в безопасности. Не представляешь, как это трудно - задушить человека, я еще никогда не пробовал, и вот - слабо надавил ему на глотку.

- Не расстраивайтесь, мистер Тотор, вам еще представится возможность.

- Но мне не следует упускать ту, которую вы, мисс Нелли, даете мне - поблагодарить вас за выстрел, который придал мне уверенности…

- Пожалуйста, не будем об этом. Я тоже могла быть более меткой, но рука дрогнула, и я не жалею: это ужасно - убить человека, каким бы гнусным он ни был.

Девушка остановилась на мгновение, обернулась и, вновь обретая милую живость, добавила:

- Но, генерал, мне кажется, враг вооружается и готовится к решительным военным действиям!

- Верно! Где ж это моя голова! Ей-богу, за невнимание к противнику я достоин военного трибунала! Да, нас преследуют, но мы почти вне досягаемости. Благодаря вам мы выиграли первую партию. Теперь - не проиграть бы вторую. Сделаем все ради этого.

ГЛАВА 3

Трудное начало. - Исправленная оплошность. - Интендантство всегда запаздывает. - Сто фунтов бананов. - Изнуряющая жара. - Первый привал. - Залив Геельвинк. - Кто идет? - Отчаявшаяся. - Бедная Дженни! - Стрела. - Плюмаж генерала Тотора. - Ответный выстрел. - Нападение.

Еще сто метров - и беглецы достигнут опушки.

Дремучий тропический лес с его изобильной растительностью, тайнами, западнями, опасностями и невзгодами, но и надежностью нетронутой глухомани стоял в нескольких шагах от поселка.

Прежде всего, не следует удивляться тому, что лес начинается сразу вот так, на краю равнины, как зеленая стена. Когда-то он, вероятно, простирался до моря и достигал прибрежных скал. Однако туземцы раскорчевали небольшой участок. Пожар, - единственное средство свести лес, - срезал его как топором и придал новые силы деревьям на опушке.

Там, на местности, испепеленной огнем, возник мощный подрост, который благодаря воде и изобилию солнца образовал непроходимую чащу.

Именно туда поспешила армия генерала Тотора, пока враги хлопотали вокруг своего поверженного главаря.

Жара стала невыносимой, что неудивительно в двух или трех градусах от экватора.

Тяжело нагруженные оружием и патронами девушки шли очень быстро. Они задыхались, их прелестные раскрасневшиеся лица заливало потом. Но ни единой жалобы, ни слова, ни даже жеста, выдающего испуг или усталость. Неутомимые и очаровательные, они изнемогали на солнце, ожидая, когда смогут нырнуть под ветви.

К счастью, Тотор мудро заставил их взять колониальные шлемы. Этот головной убор, который им очень шел, - единственное, что может спасти белого от смертельного солнечного удара.

Они уже собирались скрыться в чащобе, в “священном ужасе”

тропических лесов, когда генерал Тотор хлопнул себя по лбу и воскликнул в гневе на самого себя:

- Чтоб мне провалиться! Надо же быть таким простофилей! Стойте!

- Что такое? - удивился Меринос. - Зачем ты нас останавливаешь? Надо спешить!

- Меня следовало бы расстрелять!

- Ладно, не говори глупости!

- Я оплошал, это уж точно, оплошал. И оплошность нужно исправить. А потом можете отдать меня под военный трибунал, вот так!

- Мистер Тотор, объяснитесь. И пожалуйста, без опрометчивых поступков! Прежде скажите, что случилось.

- Дело в том, мисс Нелли, что я ничтожный генерал и никудышный интендант!* Забыл о съестных припасах! Понимаете, ни больше ни меньше - о продовольствии! Из-за меня армии нечего жевать!

---

* Интендант - офицер, ведающий снабжением.

- Мистер Тотор, ничего страшного, мы сразу найдем фрукты и ягоды.

- Мисс Нелли, в этом лесу мы найдем только голодуху, можете справиться у Мериноса! Но я знаю, где раздобыть провиант. У меня еще есть время на вылазку. А вы, солдаты, прикройте своего командира!

Как несколько минут назад, при стычке с мистером Диком, юноша освободился от оружия и боеприпасов, оставив при себе один кинжал; потом, не сказав ни слова, бросился назад по пальмовой аллее. Справа и

слева шелестели листвой небольшие сады туземцев, обнесенные забором. Мериноc и девушки не успели и рта раскрыть, а Тотор уже мчался во весь дух и вскоре оказался в ста метрах от ограды.

- О, Боже! Его могут убить! - прошептала Нелли.

- Не бойся, сестренка! Он храбрец, наш Тотор!

Генерал прыгнул в сторону и ураганом ворвался в один из садов.

Бандиты заметили его и, естественно, осыпали градом пуль из винтовок. Но они слишком спешили и мазали.

Не обращая внимания на свистящие над головой пули, Тотор оглядел банановую плантацию и выбрал самую крупную, полностью созревшую гроздь весом больше ста фунтов*. Отрезать двумя ударами кинжала черенок и взвалить огромный груз на спину было секундным делом.

____

* Фунт - мера веса, равная 450 г.; сто фунтов - 45 кг.

Затем, согнувшись под ношей, которая заставила бы дрогнуть обыкновенного человека, парижанин во всю прыть побежал обратно.

Бабах, бах, бах! Выстрелы гремели безостановочно, пули свистели, щелкали, гудели, а Тотор улепетывал.

Побледневшие, испуганные, едва дыша, Гарри и девушки смотрели на него, не решаясь проронить ни слова, боясь увидеть, как он рухнет на траву.

Расстояние уменьшалось, оставалось еще пятьдесят шагов. Скорей! Еще двадцать пять! Последний выстрел, в последний раз просвистела пуля, и

Тотор, чудом оставшийся живым и невредимым, добежал, задыхаясь, но и улыбаясь во весь рот.

- Ах, мистер Тотор, как мы боялись за вас и как я счастлива!

- Мисс Нелли, вы слишком добры ко мне! Видите ли, интендантская служба должна была искупить свою промашку. Дело сделано! Интенданты всегда запаздывают, но на этот раз могли совсем не прибыть к войскам, потому что враг атаковал обоз. В конце концов, за неимением лучшего армия получает сто фунтов свежих бананов. С ними еще можно пожить, правда?

Молодой человек сказал это просто, со смешком, даже не догадываясь, что совершил поступок, ошеломляющий дерзостью и отвагой.

Меринос, голос которого еще дрожал от волнения, энергично встряхнул руки друга и воскликнул вне себя от радости:

- Тотор, ты герой!

- Да нет же, я просто помародерствовал немного.

- Ты достоин креста Почетного легиона!*

---

* Крест Почетного легиона - одна из степеней французского ордена, учрежденного Наполеоном I в 1802 году.

- Я предпочел бы порей*. Вкуснейшая штука - этот овощ, скромный порей, с которым едят семейное жаркое. Но хватит болтовни! Эти господа все постреливают, как бы они не вышибли кому-нибудь глаз. Вперед!

---

* Порей - особый вид лука с широкими и длинными листьями.

- И не ответим им?

- Никаких ответов! Не стоит тратить патроны.

Тотор подобрал оружие и, согнувшись под тяжестью бананов, первым ступил в неприветливый лес.

Армия построилась в колонну по одному и последовала гуськом по стопам командующего, не обращая внимания на адскую жару, на ветки, которые хлестали по лицу, на колючки, раздиравшие в кровь руки.

О, эта жара! Самый страшный враг любого экспедиционного корпуса* - и большого и малого!

---

* Экспедиционный корпус - воинская часть, выполняющая в особом походе задание командования.

Конечно, температура Сахары или сирийских песков* ужасна. Но жара на равнине все же менее страшна, чем в девственном лесу. Под раскаленной добела листвой нет ни ветерка. Кажется, что тебя перенесли в оранжерею с тошнотворными испарениями, где с человека рекой льется пот.

____

* Сирийские пески. - Выражение происходит от названия жаркой Сирийской пустыни на Аравийском полуострове.

- Черт побери! - проворчал Тотор. - От такой жары скорпионы* вылупятся, а саламандры** в обморок попадают. Ну точно как при Ватерлоо***:

____

* Скорпион - животное отряда членистоногих, включающего около 750 видов. На конце брюшка скорпионы имеют ядовитое жало. Яд крупных скорпионов опасен для жизни укушенных животных и человека.

** Саламандра - животное семейства хвостатых земноводных, включающего 45 видов. Выделения кожных желез у некоторых видов ядовиты. В старину существовало поверье, что саламандры - духи огня и потому не сгорают.

*** Ватерлоо - городок в Бельгии, возле которого армия Наполеона Бонапарта потерпела в 1815 году сокрушительное поражение от англо-голландских войск.

”Старая гвардия в пекло вступает!..”

Часа полтора беглецы шли, не выбирая направления, с одним желанием - во что бы то ни стало уйти подальше.

Они не разговаривали: слишком жарко! Задыхались, а их мысли были сосредоточены на одном: переставлять ноги, двигаться вперед.

Такая гонка в лесу, у самой линии экватора, измотала бы и выносливых мужчин, даже идущих налегке. Но тут и девушки несли не менее двенадцати килограммов, если вспомнить о карабинах, патронах и револьверах. Но ни единая жалоба не вырвалась из их уст!

Тотор и Меринос не могли помочь им. Еще бы! Они продели ствол винчестера через гроздь бананов, и, взявшись за ствол и приклад, тащили чудовищно тяжелый груз через препятствия.

К счастью, густой и неприветливый подрост занимал лишь край леса, где огонь когда-то изменил состав флоры. Пышная растительность понемногу редела и внезапно исчезала у берегов чистого ручья, текущего с востока на запад.

- Стой! - скомандовал генерал Тотор.

Задыхающаяся, уставшая, потная армия остановилась как вкопанная и свалилась на толстый ковер мха, обрамлявший русло.

Однако муки жажды еще более невыносимы, чем усталость, по крайней мере для девушек, не обладавших выносливостью своих спутников.

О, эта жажда, которая здесь, в прокаленных солнцем местах, валит с ног и сводит с ума!

Девушки склонились над ручьем и принялись жадно пить из пригоршни.

- Пожалуйста, будьте благоразумны, - мягко посоветовал Тотор, - прошу вас, только несколько глотков. Видите, мы с Мериносом воздерживаемся, и не потому, что не хочется.

- Да-да, всего несколько капель, правда, Мэри?

- Но не стесняйтесь поесть вволю. Можете очистить сколько угодно бананов. Тем более что это порадует обозников.

Не мешкая армия начала подкрепляться, наслаждаясь передышкой. Но

командующий, верный долгу, не тратил времени на отдых.

Он достал из кармана карту и принялся изучать местность. Искал, рассматривал, ориентируясь с помощью буссоли, и наконец воскликнул:

- Смотрите-ка, мне не померещилось! Если не ошибаюсь, мы всего в семидесяти километрах от Геельвинка*.

---

* Современные названия: Геельвинк - залив Чендравасих, Жоби - о.Япень, Схаутен - о.Биан в архипелаге Схаутен. (Примеч. перев.)

- Что это такое - Геельвинк? - спросил Гарри с набитым ртом.

- Большой залив, прорезающий северо-западное побережье Новой Гвинеи, он делит полуостров на две части.

Вершина полуострова подходит к экватору. Залив прикрыт островами Жоби и Схаутен, его ширина у входа сто лье, а в глубине - шестьдесят, и, заметьте, побережье залива населено людьми, не похожими на отвратительных каннибалов внутренней части острова. Это относительно цивилизованный и довольно многочисленный народ. Говорят, их тысяч двадцать, они торгуют со своими соседями-малайцами и, главное, с голландцами.

- Мериносе, взгляни-ка на карту… И вы, мадемуазель, посмотрите. Всем нужно хорошо заучить эту местность, потому что неизвестно, что будет дальше. Кто знает, не придется ли одной из вас взять на себя командование и выбирать дорогу!

- О, мистер Тотор, вы все видите в черном цвете!

- Всего лишь простая предусмотрительность, мисс Нелли. Суровый опыт

бродячей жизни приучил к ней вашего брата и меня. Так вот, вы видите залив Геельвинк, расположенный к северу от нас… Я говорю “к северу”, потому что мы находимся у оконечности вот этой узкой глубокой бухты с поворотом направо, которая вдается в сушу с запада на восток. Бухта называется Киуру-Бей или Этна-Бей. Значит, нам нужно неуклонно идти на север, потому что мы находимся строго на юг от Геельвинка, около сто тридцать пятого меридиана к востоку от Гринвича. Итак, от пятнадцати до восемнадцати лье по прямой, ну, значит, двадцать со всеми поворотами, это не так уж страшно. А прибыв туда, мы сможем, надеюсь, выбраться домой без особых затруднений.

При этих словах Нелли вскочила со всей живостью своих пятнадцати лет.

- Но это же всего три перехода! Просто прогулка по лесу!

- Сестренка моя дорогая, ты не знаешь, что говоришь. По девственному лесу не погуляешь, особенно когда по пятам за тобой идут головорезы Дика Сеймура, а может быть, и сам Дик Сеймур.

В эту минуту легкая дрожь пробежала по раскаленным листьям. Оба молодых человека бросились к оружию, а генерал Тотор, выставив отсутствующий штык, закричал, как простой солдат на посту:

- Стой! Кто идет?

Ответа не последовало, но шелест листьев стал сильней.

Внезапно над ручьем возникла изящная и ловкая фигурка. Несколько быстрых ее прыжков, и уже можно было разглядеть, что к группе беглецов приближалась молодая женщина.

- Смотрите, это Дженни! - воскликнула Нелли. - Так вы нас не покинули! Как хорошо!

В самом деле, это была туземка. Но как она изменилась за несколько часов! На плече кровоточила глубокая рана, тонкая кожа из бронзовой стала совсем серой, горькие рыдания, которые она тщательно пыталась сдержать, вздымали грудь, а слезы ручьем текли из больших, как у газели, глаз.

- Дженни! Бедная Дженни! Боже! Что с тобой случилось? - с состраданием спросила Нелли.

Очаровательная девочка, до глубины души потрясенная чужим горем, как сестра протянула руки юной туземке. Отчаявшаяся бедняжка бросилась к ней.

У этой горлинки*, которая не могла издать четко ни одного звука, вырывались рвущие душу стенания, крики, от которых бросало в дрожь.

---

* Горлинка - небольшая изящная птица семейства голубей.

- В чем дело? Вы одна? - спрашивала Нелли. - Где те люди, которые вместе с вами спасли нас? Один - ваш брат, а второй - муж, не так ли, добрая моя Дженни?

Несчастная сокрушенно кивала головой, била кулаком по своему исстрадавшемуся сердцу, потом закрыла глаза и упала навзничь, рассказывая в выразительной и трагической пантомиме, что обоих только что убили на ее глазах.

- О, я уже все понял, мисс Нелли, - дрожащим голосом произнес Тотор. Глаза его наполнились слезами. - Негодяи! Дорогую же они взяли плату за нашу свободу. Девушка сама чудом спаслась от убийц. Посмотрите, сколько на ней крови!

Да, Тотор был прав. Добрые туземцы еще раз доказали, что благодарность - опасная добродетель. Они на собственный страх и риск открыли дверь тюрьмы белым, которые спасли жену, сестру, - и гнусные бандиты подло убили их! А обезумевшей от горя свидетельнице кровавой драмы удалось бежать. Теперь, когда ее гнездо разорено и ее подстерегала смерть, она укрылась у белых, доверилась им.

В благородном порыве она пришла, чтобы поделиться опытом дикарки, предложить свою преданность, спасти еще раз или погибнуть вместе с ними!

Преисполненные благодарности и жалости, Мэри, Тотор и Гарри подошли, протянув навстречу ей руки. Растроганные, умиленные друзья окружили несчастную; парижанин принялся перевязывать ей рану.

На минуту маленькая армия забыла о необходимом благоразумии. Волнение, вполне естественное, но очень несвоевременное, заставило их пренебречь мудрыми предписаниями устава полевой службы.

И наказание последовало немедленно. Тотор стал искать в кармане носовой платок и радостно воскликнул:

- Вот из чего сделаем повязку!

Резкий свист прервал его. Послышался сухой удар: “Чпок!” Бамбуковая стрела с железным наконечником проткнула насквозь крепко державшийся на подбородном ремне шлем Тотора. Наконечник вышел сзади почти на метр, а красное оперение застряло и трепетало над козырьком, словно украшение.

Испуганные девушки вскрикнули, а Тотор отреагировал с поразительным спокойствием:

- У генерала должен быть плюмаж, вот я его и получил, к тому же шикарный. Спасибо!

Меринос, убедившись, что друг невредим, принялся всматриваться острым взглядом во мшистые стволы. Шагах в сорока он заметил черный торс, чуть согнутый в характерной для лучника позе.

Гарри осторожно поднял винчестер, нашел мушку и прошептал, нажимая на спусковой крючок:

- Rascal*, больше не будешь стрелять!

---

* Мошенник, шельмец (англ.).

Прогремел выстрел. Дикарь вскинул руки, выронил лук и упал ничком.

Одновременно, будто выстрел послужил сигналом, глубины леса огласились ужасными воплями и множество чернокожих выступило из-за деревьев.

Парижанин сказал девушке с хладнокровием, которое никогда его не покидало:

- Вот видите, мисс Нелли, прогулки в лесу не лишены неожиданностей.

ГЛАВА 4

Каннибалы. - Кровавый отпор. - После битвы. - Как стать замечательным стрелком. - В пути. - Ночь на экваторе. - Лагерь. - Бессонница и страхи. - Ночные звери. - Свист и выстрелы. - О чем больше всего жалела мисс Нелли.

Армия генерала Тотора считала, что имеет дело с одиночками, но ее окружили и внезапно кинулись в атаку десятка три человек. Такое массированное нападение и впрямь могло ошеломить.

Люди возникали из-за деревьев, кустов, отовсюду. Они сомкнули вокруг белых кольцо, грозили, прыгали, испуская дикие крики.

Этнограф* сразу признал бы арфаков или альфуру самых смелых, но и самых жестоких из папуасов. Однако беглецы не были знакомы с

этнографией и в данный момент вовсе не собирались изучать эту приятную, спокойную науку.

---

* Этнограф - специалист по изучению обычаев, культуры, верований различных народов; этнография - наука о народах и расах.

Почему нападают эти неистовые туземцы? По своей воле или им платит Дик Сеймур?

Сейчас и эти проблемы некогда было решать.

Друзья заметили, что в левой руке у каждого из нападавших - большой лук из железного дерева и пучок из трех индейских стрел, длинных и гибких; в правой паранг - режущее оружие, нечто среднее между саблей и резаком, которым они отхватывают голову поверженному врагу.

Невзирая на отчаянное положение, Гарри Стоун, любитель фотографии, не смог удержаться, чтобы не прошептать, снова вскидывая карабин:

- Какой кадр!

Надо бы броситься под прикрытие деревьев, притаиться за стволами! Но это невозможно! Кольцо сжималось. Беспорядочные телодвижения, дикие крики!..

Точным движением генерал Тотор обломил за своей каской мешавшую ему стрелу и громко скомандовал:

- Спиной к спине и лицом к врагу! Стрелять только наверняка! Огонь!

- Мэри, вам не страшно?

- Нет, мисс Нелли.

- Вот и хорошо! Будем защищаться!

Безоружная Дженни держалась в середине маленького каре. Четыре выстрела грохнули под густолиственным сводом. Четыре альфуру упали, скошенные на бегу. Снова загремели винчестеры. Четыре врага, расстрелянные в десяти шагах, выделывая пируэты, полетели кувырком. Перекрывая вопли нападающих, послышалось сухое, вибрирующее клацанье металла - это стрелки лихорадочно передергивали затворы карабинов сверху вниз и снизу вверх. Раз! Два! Клац! Клац! Новый патрон, поднятый пружиной, уже занял место в патроннике под автоматически взведенной собачкой. Это заняло всего две секунды - и карабин снова готов к бою; приклад даже не отрывался от плеча стрелка.

- Огонь! - опять раздался звучный голос генерала Тотора.

В третий раз на врага обрушился град свинца.

Пороховое пламя буквально обжигало волосы и подпаливало бороды арфакам, так близко они подошли в слепом порыве!

- Черт возьми! Какой карамболь!* - вскричал Тотор.

____

* Карамболь - в биллиарде: удар одним шаром одновременно по двум другим.

Действительно, ужасный карамболь. Каннибалы находились так близко друг к другу, что пуля пробивала сразу двоих. Половина наступающих была уже на земле, со всех сторон на расстоянии шести - десяти шагов можно было наблюдать жуткое зрелище: кучу тел, дергающихся в последних судорогах агонии*.

---

* Агония - предсмертное состояние.

Кольцо прорвано, окружение разбито, вместо воинственных воплей, которые сначала, казалось, предвещали легкую победу, послышался хриплый вой.

Это был сигнал к отступлению.

Разгромленные в пух и прах папуасы засверкали пятками. Они наконец поняли, что им не разбить маленький сплоченный отряд, не одолеть отважных и энергичных людей, чье оружие бьет без промаха.

- Огонь! - в четвертый раз скомандовал генерал Тотор.

Бабах! И пули опять прошили темные тела, которые улепетывали, корчились и падали как скошенные!

А голос парижанина гремел неумолимо:

- Добить врага! Чтобы нечестивцы дрожали и помнили!

Вероятно, туземцы и в самом деле не скоро забудут оказанный прием. Какая бойня! Но и какой урок!

Наконец опасность миновала. Противник скрылся. Генерал счел, что должен произнести перед войском речь.

- Мадемуазель Нелли и Мэри, вы были великолепны, ваша сноровка достойна вашей отваги, а это немало.

Тут он заметил, что из больших голубых глаз Нелли тихо катятся две слезы.

- Да, я понимаю, - сказал он негромко, - убивать ужасно, даже защищая свою жизнь!

- О, мистер Тотор, это отвратительно… Отвратительно! Я с радостью отправилась в плавание, увеселительную прогулку, и не думала, что окажусь в таких жестоких обстоятельствах, о каких только в книгах читала! Я не знала зла, любила все живое; никогда не думала, что мне придется убивать! О, эти крики, угрозы оружием, падающие тела и ужасная опасность, которой мы подверглись!.. Пойдемте, пойдемте отсюда поскорей!

В самом деле, даже если не принимать в расчет девичью чувствительность, нужно было срочно покинуть поле битвы. За папуасами придут белые, это уж наверняка: Дик Сеймур не такой человек, чтобы выпустить добычу из рук.

Значит, придется перешагнуть через лежащие вокруг трупы или обойти их! Девушек пробирала дрожь, когда они уходили, преследуемые застывшими взглядами мертвых глаз.

Тотор и Меринос собрались снова взвалить на себя гроздь бананов, оставшуюся на берегу ручья. Но Дженни, которая только что подобрала паранг, выскользнувший из рук одного арфака, жестом остановила их. Она быстро прицепила оружие к поясу саронга и, подхватив тяжелую гроздь фруктов, взвалила себе на плечи.

- Она не слабей двух мужчин! - воскликнул Тотор.

- И к тому же привыкла к тяжелой ноше, - добавил Меринос.

- Знаешь, пусть меня сочтут недостаточно галантным кавалером, но согласен, пусть поступает как хочет, зато у нас руки свободны, а это очень важно. Спасибо, Дженни, спасибо!

И снова на север. Друзья на ходу обсуждали бой, короткий, но такой ожесточенный и кровавый.

Тотор никак не мог опомниться от удивления - настолько поразила его сноровка девушек, особенно Нелли, которой едва исполнилось пятнадцать лет.

- Ничего странного, - ответил Меринос. - Ты ведь знаешь, что я без ума от стрелкового спорта.

- Да, я видел, ты здорово стреляешь.

- Так вот, в моей ловкости нет ничего удивительного, это увлечение многих молодых американцев. Из любви к стрельбе я велел установить во всех своих резиденциях ball-trapp. Знаешь, что это такое?

- Да, машинки на пружинах, которые автоматически выбрасывают глиняные тарелочки.

- Правильно! Так вот, каждый день я расстреливал сотню патронов. Нелли понравилась эта игра. Ей захотелось принять в ней участие, и я был счастлив стать учителем. Сестре удавалось, честное слово, разбить девяносто тарелочек из ста, как чемпионам!

- Великолепно!

- Так что, понимаешь, черномазые, которые побольше наших глиняных тарелочек, были легкой мишенью для такой мастерицы.

Маленькая армия продолжала марш через лес. Ведомая Тотором, который все время посматривал на компас, она неуклонно продвигалась на север.

Друзья никого не видели, никого не встречали. Поверхностный наблюдатель мог бы успокоиться. Однако генерал Тотор был озабочен, хмурил брови и покачивал головой, не доверяя абсолютному затишью: оно казалось неестественным. Что-то говорило парижанину, что за его армией шпионят, следят, вокруг лазутчики, которые как ищейки идут по следу. Тотор хотел бы идти дальше, но ночь и непомерная усталость заставили беглецов остановиться.

Известно, что на экваторе день начинается и кончается внезапно. Особенно это поражает вечером, когда после захода солнца сумерки едва заметны, коротки.

В шесть часов дневное светило скрылось, и менее чем через десять минут наступил полный мрак. Неопытный путешественник, застигнутый внезапной темнотой, не успевает даже подготовить себе ложе. Но давно

уже привыкшие к приключениям друзья чувствовали приближение ночи. Деревья и кусты скрывали от них горизонт и, следовательно, заход светила, однако нервы, интуиция или быстрая адаптация к кочевой жизни подсказали: ночь близко. Осмотрительный Тотор остановился, вгляделся в вершины деревьев, принюхался и сказал:

- Через минуту великий газовщик выключит свой счетчик, и будет черно, как в дымоходе… Привал! Быстро! Устраиваем лагерь… тут - для леди, а тут - для джентльменов… вместо матрацев - земля, а вместо кровли - листья. Вам, девушки, эта большая, красиво цветущая мимоза*, а нам - толстая акация, благоухающая сандаловым деревом**. Трава и мох будут общими.

---

* Мимоза - род растений семейства бобовых, перистые листья которых сжимаются при самом легком прикосновении.

** Сандаловое дерево - вечнозеленое дерево семейства санталовых с красивой и душистой древесиной.

- Прекрасно сказано, генерал! Будем стелить постели.

Они сложили оружие и патроны к корням деревьев, а Дженни уложила между ними провиант. Сделав это, папуаска срезала парангом большую покрытую листьями ветку и принялась изо всех сил колотить по траве и мхам.

- Неглупо! - заметил Тотор. - Она выбивает матрац, чтобы прогнать насекомых. Поступим так же и мы.

- Хоть блох нет, как там, на песке, в бухте миссис Жонас, - улыбнулся Меринос.

- Нету, но зато здесь пауки, крабы, скорпионы, сороконожки, муравьи-бульдоги и даже зловредные змейки. Бейте! Бейте сильней! Лучше будете спать!

Оставалось всего пять минут на ужин. По пять бананов каждому! Нет ничего проще и скромней этой еды. Здоровая, сытная пища, которая не требует ни приготовления, ни приправ.

- К тому же, - серьезно заметил Тотор, - раз нет костей, можно есть не глядя, в темноте.

Ночь уже наступила. Армия на ощупь добралась до своих квартир, которые находились всего в десяти метрах, и стала укладываться на пахучей траве.

- Спокойной ночи, мисс Нелли! Спокойной ночи, мисс Мэри! Спокойной ночи, Дженни!

- Спокойной ночи, генерал! Спокойной ночи, мистер Гарри!

Бедная Дженни не ответила ничего, и ясно почему! Девушки тесно прижались друг к другу, а папуаска у них в ногах села на корточки в странной позе, свойственной некоторым черным племенам, которые любят спать, положив голову на руки, а локти на колени.

Но она прислушивалась и всматривалась, пока Меринос и Тотор спали как убитые.

Конечно, Нелли и Мэри проявили во время боя чрезвычайное бесстрашие, особенно если учесть их молодость и ужас перед каннибалами. Несмотря на опасность, хрупкие девушки устояли и не дрогнули. Однако, по мере того как кромешная пещерная темнота окутывала лес, ими все более овладевала тревожная дрожь, сотрясая с головы до ног. Сердце учащенно билось, к горлу подступала непонятная дурнота.

Девушки не могли заснуть, ворочались, потягивались, таращили во мраке глаза, чтобы увидеть своих близких, но перед ними по-прежнему расстилался мрак!

Они испытывали неодолимую жажду действия, хотелось встать, двигаться, что-то предпринять, но приходилось лежать неподвижно.

- Мэри, вам страшно? - спросила Нелли подругу тихим, как дуновение ветерка, голосом.

- О да, мисс Нелли, я очень боюсь!

- Чего же, Мэри?

- Не знаю, мисс Нелли. Всего и ничего.

- Вот и я точно так же. Может быть, это усталость или жар… Или воспоминание об ужасной битве… Незнакомые звуки леса раскалывают мне голову, пронзают сердце.

- Мисс Нелли, ничего страшного! Да, небольшой жар, нужно поспать. Придвиньтесь, положите голову мне на плечо, закройте глазки, как ребенок. А теперь спите!

Сам по себе лес не грозил почти ничем. За малыми исключениями фауна* Новой Гвинеи, как дневная, так и ночная, совершенно безобидна. Она похожа на австралийскую - в ней нет опасных плотоядных хищников, которые водятся на соседних больших малайских островах.

____

* Фауна - животный мир.

Странные существа привычно кишели в темноте, заполняя ее криками, топотом и шорохами.

В ветвях деревьев суетился любопытный клан летучих мышей, которых там видимо-невидимо, начиная от совсем миниатюрной никтеры до

гигантской филлосомы, чьи крылья раскрываются как зонтики. Мыши тихо порхали прямо над спящими, хватая насекомых - свой корм.

Семьи опоссумов*, сумчатых куниц** и кускусов*** кувыркались и раскачивались на хвостах, испуская пронзительные крики, заглушающие страшный рев лягушки-быка****.

---

* Опоссум - американское сумчатое млекопитающее, крупная сумчатая крыса с пушистой пестрой шкуркой и голым хвостом.

** Сумчатая куница - сумчатое млекопитающее семейства шерстохвостов, небольшое, величиной с кошку, с серым или бурым с белыми пятнами мехом и пушистым хвостом.

*** Кускус - лазающее сумчатое млекопитающее с длинным цепким хвостом; длина тела от 35 до 65 см.

**** Лягушка-бык - крупная, длиной до 20 см и весом до 600 г лягушка; самцы громко “мычат”, отсюда и название.

Был тут и древесный кенгуру, замечательный прыгун, который, отталкиваясь ногами, забирается на самые высокие деревья, превращая их ветви, на которых и у обезьяны закружилась бы голова, в воздушные пастбища.

Тут и там охотились на мелкую дичь змеи, а кабаны сшибались клыками и с бессмысленным хрюканьем тяжело проносились мимо.

Мириады насекомых жужжали, летали, ползали, бегали, забираясь в колосья, набрасываясь на ягоды, точа фрукты, высасывая нектар из цветов, грызя почки, работая коготками, хоботками и челюстями. Полчища крошечных кровожадных москитов, этих ненасытных вампиров,

набрасывались на белую кожу и буравили ее насквозь, вливая жгучий яд…

Да, все это было бы скорее неприятным, чем тревожным, если бы время от времени не раздавался резкий свист, а вдали иногда не гремел бы раскат выстрела.

Побежденные усталостью, девушки наконец заснули. Но теперь Тотор и Меринос вслушивались в необычайные звуки - сигналы тревоги и сбора.

Сомнений не было. Их преследовали с диким остервенением. Огромная цепь смыкалась вокруг. Сигналы звучали справа, слева, в центре: преследователи двигались полукругом. Их будут подталкивать к побережью и в конце концов прижмут к берегу моря, где неизбежно настигнут!

- Похоже, мобилизовали целую армию, - проговорил Тотор вполголоса, - но нас так просто не возьмешь!

- Конечно нет, - решительно вторил ему Гарри, - пусть только сунутся!

- Мы их перебьем, как вчера!

Часы незаметно бежали в таком полусне. Наконец наступил рассвет.

Солнце уже золотило самые высокие вершины деревьев, и ночные страхи отлетели.

Армия генерала Тотора поднялась совершенно мокрой от росы. С лиц, рук текли ручьи, а одежда прилипала к телу, как после ливня. Но уже наступила жара. Через десять минут воины совершенно просохнут. А пока они брызгались, отряхивались и желали друг другу доброго утра.

Однако Нелли о чем-то задумалась.

- Вы что-то забыли, мисс Нелли? - спросил Тотор с чуть заметной дружеской иронией.

- Да, генерал, целую кучу туалетных принадлежностей. Конечно, можно встряхнуться, как собачка, вылезшая из конуры, но не находите ли вы это неудобным?

- Увы! Ваш багаж утерян!

- Ах да, багаж, и не говорите! Его было слишком много! И все же, о чем я всего больше жалею, так это не о шелковых чулках, не о туфлях, платьях и прочем! Я даже забыла, что ботинки из лощеного шевро вот-вот развалятся и я рискую остаться босой…

- Так что же это за драгоценность, мисс Нелли, отсутствие которых вы оплакиваете?

- Гребень и зубная щетка, мистер Тотор!

- By God! - воскликнул Меринос. - Проще королевство завоевать… А может быть, взять на абордаж “Морган”, где остались наши несессеры?

- Почему бы и нет? - решительно проговорил Тотор.

ГЛАВА 5

Погоня. - Пагубная неосторожность. - Тепловой удар. - Потерянное время. - Как продолжить путь. - Замысел Тотора. - Phormium tenax. - Бамбук. - Как построить плот. - Все на борт! - Отдать швартовы! - Вниз по течению.

На экваторе вращение светил таково, что они каждый день описывают перпендикулярные горизонту крути с общим центром на оси север-юг.

Вследствие этого все они остаются равное время над и под горизонтом. Значит, на экваторе дни строго равны ночам и в течение всего года длятся ровно двенадцать часов.

Это вызывает немалое удивление европейцев, у которых понятие жары неизменно связывается с летом, то есть в наших широтах с очень длинными днями; к тому же в это время года утренние и вечерние зори так

долги, что темноты почти не бывает.

А в тропиках людям трудно привыкнуть к долгой темноте, которая наступает так скоро, что дни с их обжигающей жарой и ослепляющим светом кажутся короткими.

Вот почему по вечерам, в шесть часов, слышатся удивленные восклицания: “Как! Уже ночь!” А утром, в тот же час, - нетерпеливые вздохи: “Что, все еще не светает?”

На эту забавную и упорную аномалию* можно не обращать внимания в городе, где есть искусственное освещение, но она становится серьезной помехой для путешественника в необжитой стране, если он на долгие часы застревает на равнине, на реке или в лесу под деревьями.

____

* Аномалия - отклонение от обычной нормы.

А что делать, когда ужин уже съеден? Не будешь же спать двенадцать часов. Вздремнув сначала, вскоре просыпаешься, куришь, предаешься мечтаниям, слушаешь симфонию звериных голосов, без конца ворочаешься в гамаке или на голой земле… Лихорадочное ожидание утра, нетерпение доходят до такой степени, что появление солнца становится подлинным избавлением.

Эти впечатления полностью овладели маленькой армией генерала Тотора во время ночевки. Они были тем сильнее, что беглецы сознавали грозящую им огромную опасность. Тем не менее бедняги нашли в себе силы смеяться над отсутствием гребня и зубной щетки - беззаботность и веселый задор свидетельствовали о замечательном состоянии духа.

Слегка приведя себя в порядок и проглотив скудный завтрак, состоящий из пяти бананов, который, как и вчерашний ужин, не занял и пяти минут,

друзья готовы были выступить.

Конечно, армия не жаловалась. Солдаты страдали безропотно, молча. В этом смысле они превосходили старых гвардейцев-“ворчунов”, которые оправдывали прозвище, брюзжа по любому поводу.

Так что главнокомандующий, у которого, как и у простых бойцов, живот подвело от голода, счел нужным объяснить скаредность интендантства.

- Пять бананов! Хм! Прекрасно знаю, что это голодный рацион, но на вечер осталось всего двадцать пять. Чертова гроздь! Эти ветви как свинец, в них столько же веса, сколько в самих фруктах! А нам придется поголодать, если не найдем чего-нибудь съестного.

- Но, генерал, - насмешливо прервала его Нелли, - раз эта гроздь - бесполезный груз, нужно немедленно избавиться от нее.

- И я того хотел бы, мисс Нелли, но как быть с бананами?

- Давайте засунем их в карманы, и у Дженни освободятся руки.

- О, Боже! Какой же я дурак! Мисс Нелли, в вас вселилась душа великого военачальника!

Шагая с оружием на плече мимо больших, с широко раскинувшимися кронами деревьев, они смеялись и шутили, словно компания школьников на каникулах.

Время от времени вдали слышались выстрелы - приглушенные, но достаточно отчетливые, чтобы понять, что они исходят из широкого полукруга, который отсекает огромный кусок леса так, чтобы исключить любую попытку прорваться назад.

- Все ясно, - сказал Тотор, - нас преследуют люди, хорошо знающие эти места. Как тогда, в Австралии, когда мы залезали на дерево с дорогим Бо, только сейчас наши дела еще хуже!

- Да, - отозвался Меринос, - мы снова стали дичью! Нас хотят загнать в угол, спокойно, не спеша, но наверняка.

- Так что же, господа, - вмешалась в разговор Нелли, - пойдемте вперед без остановок, опередим погоню. По-моему, это единственный способ ускользнуть!

- Но вы не боитесь устать, мисс Нелли? - тревожился Тотор. - Ужасная жара отнимет у нас много сил.

- Пойдемте же! - потребовала девушка с бесстрашной улыбкой. - Я никогда еще не чувствовала себя так хорошо! Сами увидите!

Подчинившись возбуждению, которое поначалу охватывает белых, недавно прибывших в жаркие края, она встала впереди колонны рядом с Тотором и потребовала:

- Быстрей, генерал, быстрей, шире шаг!

Тотор, который с компасом в руке вел войско через подлесок, едва поспевал за ней. К несчастью, он не знал, как губительно такое легкомыслие.

Неразумно ускоренное движение вызывает в молодом, еще хрупком организме резкий скачок температуры, который не уравновешивается испарением, несмотря на ручьи пота.

Дыхание становится недостаточным для кровообращения; и венозная кровь полностью не превращается в артериальную. Наступает тепловой удар, асфиксия*.

---

* Асфиксия - удушье от кислородного голодания.

Прошел всего лишь час, и Нелли, у которой вдруг потемнело в глазах, остановилась, подняла руку к лицу, пошатнулась и еле слышно

вскрикнула:

- О, Боже!

Она покраснела, затем побледнела, и ее начала бить дрожь. Заметив, что девушка падает, Тотор бросился к ней; поддерживая, спросил испуганно:

- Мисс Нелли, что случилось? Что с вами?

Подбежали Гарри, Мэри и негритянка, шедшие следом.

- Нелли, сестренка! О, Боже, смилуйся над нами! - воскликнул испуганный Гарри.

Тотор осторожно положил больную на толстый травяной ковер и устроил ей подушку из своей сложенной вчетверо куртки.

Она посмотрела на растерянную группу потухшим взглядом прекрасных больших глаз и прошептала:

- Все обойдется… Гарри, Тотор, добрая моя Мэри… друзья, брат мой любимый! Я… я не вижу вас больше, я засыпаю!

- Она же умирает! - всхлипнул Гарри, а Тотор, бледней самой Нелли, смотрел на нее безумным взглядом.

Бедные друзья, такие храбрые перед лицом опасности, как молнией были поражены неожиданной бедой. Бесстрашие готовых к бою мужчин, хладнокровие невозмутимых бойцов, находчивость искателей приключений - все это испарилось перед лицом внезапной напасти, поразившей сестру, подругу.

Только рассудительная и энергичная Мэри сохранила завидное спокойствие.

- Господа, - властно распорядилась она, - принесите воды. Вы, Дженни, останьтесь. Пожалуйста, поскорей, прошу вас. Я отвечаю за все.

Воды! Она тут совсем недалеко! На карте, которую непрестанно изучал Тотор, была обозначена река. Юноши ушли и, пройдя лесом около пятисот

метров, нашли по правую руку поток, несущий свои воды на север. Быстро наполнив каски, они бегом - не прошло и десяти минут - возвратились. За это время Мэри расстегнула одежду больной и с помощью Дженни принялась растирать ей руки и грудь; затем, видя, что Нелли лежит недвижно, сжав губы, закатив глаза, стала умело делать ей искусственное дыхание.

Когда вновь появились задыхавшиеся, бледные друзья, Нелли глубоко вздохнула и открыла глаза. Она увидела их, попыталась улыбнуться, хотела что-то сказать, но не смогла. Тем не менее эти первые движения успокоили путешественников.

- Что с ней, мисс Мэри? - спросил Тотор срывающимся голосом.

- Вы видите, ей лучше, гораздо лучше, - ответила девушка.

- Наверно, тепловой удар, мисс Мэри?

- Да, месье, тепловой удар. Он мог быть смертельным. Но потребуется всего лишь день отдыха.

В глазах друзей мелькнуло отчаяние. Меринос прошептал:

- Через двенадцать часов, а может быть, и раньше, появятся бандиты, преследующие нас по пятам, как свора собак. Верно, Тотор?

Парижанин кивнул и после минутного раздумья сказал:

- Это уж точно, как пить дать! И все же мисс Нелли необходимо отдохнуть, и не двенадцать, а все двадцать четыре часа. А нам нужно ускользнуть от проклятого Дика…

- Но это невозможно!

- Попробуем! Мне кое-что пришло в голову.

- О, Тотор, у тебя наверняка есть план, какая-то гениальная идея, из тех, что так часто выручали нас в самых отчаянных ситуациях!

Тем временем Мэри взяла одну из наполненных водой касок и щедро

облила лицо больной, которая понемногу возвращалась к жизни.

Гарри опустился на колени рядом с сестрой и поцеловал ее в лоб:

- Надейся, дорогая моя сестренка! Надейся. Лежи спокойно и, главное, ничего не бойся. Вот увидишь, наш Тотор еще раз спасет нас.

Девушка вяло протянула руку парижанину, пытаясь изобразить шаловливую улыбку, придававшую ей невыразимое очарование, и прошептала:

- Спасибо, генерал!

Тотор, восторженно глядя на сестру Гарри, пожимал ее слабую кисть.

- Вы так напутали нас, мисс Нелли! Мы совсем потеряли голову. Если б не мисс Мэри, еще неизвестно, чем бы это кончилось! Но хватит болтать, у нас всего десять минут, чтобы устроить носилки…

- Носилки! Не хочешь ли ты нести на них Нелли через…

- Вот именно! До реки.

- А потом?

- Потом - увидишь! А сейчас нужно хорошенько поработать.

Они работали так хорошо, что менее чем через полчаса, без толчков и сотрясений, с бесконечными предосторожностями донесли девушку до реки.

Носильщики бережно положили ее на второпях устроенное ложе из папоротника, а затем Тотор скомандовал:

- Теперь все за работу! Мисс Нелли, вы будете наблюдать за нами, если только не захотите поспать. Начнем! Сначала дамы… Мисс Мэри, вы, конечно, видите на берегу красивые листья великолепного темно-зеленого цвета, похожие на камышовые. Должно быть, это и есть phormium tenax…

- Тотор, - прервал его Меринос, - ты просто кладезь премудрости!

- Скажем даже - пропасть, и не будем больше об этом. Я продолжаю. Мисс Мэри, пожалуйста, вместе с Дженни срезайте самые длинные, не меньше двух метров, и связывайте концы. Они толстые, волокнистые и послужат нам прочными канатами. А мы, Мериносик, пойдем валить эти огромные, как в Австралии, шесты, у которых такие красивые тонкие листья, посеребренные снизу.

- Да, генерал, но какие они твердые! Похожи на солому, но толще ноги и высотой метров под двадцать.

- Ну да! И ты не знаешь, что это такое?

- Нет.

- Это просто бамбук. Здесь - его излюбленные места, и он растет вольготно, во всю мощь. Пустой внутри, как печные трубы, сухой, как рог, будет плавать как пробка, и из него получится самый шикарный в мире плот!

- Браво, браво, Тотор! Да, на плоту мы быстро спустимся вниз по течению!

Болтая, они рубили изо всех сил. Косо срезанные стволы бамбука наклонялись и тяжело падали. Вот на земле оказалось уже штук двадцать. Тотор разрубал их на равные десятиметровые части и с помощью Мериноса укладывал вдоль берега, даже не тратя времени на очистку от ветвей.

Он связывал их на обоих концах канатами из формиума, которыми обильно снабжали его две женщины, получившие точные инструкции.

Через два часа тяжелой работы остов плота длиной в десять и шириной в семь метров был готов.

Общими усилиями беглецы столкнули в воду примитивное судно и крепко привязали его к деревьям.

- Надо рубить еще! - воскликнул Тотор, отирая лоб рукой.

И друзья с новой силой принялись рубить бамбук, пока обе женщины без

передышки резали, скручивали и связывали листья формиума.

Новые стволы также были разрублены на десятиметровые куски, принесены на берег и положены напротив начатого плота.

Гордый Тотор забрался на остов плота и радостно сообщил:

- Он уже выдержит нас. Только ноги будут в воде по щиколотку. Передай мне еще один ствол!

Гарри подтащил огромный бамбук к парижанину, тот подхватил его и уложил поперек первых стеблей, удерживая конец на колене.

- Хорошо, теперь немного бечевки!

Француз быстро привязал с двух сторон и в центре первую поперечную балку к продольным, это заняло около десяти минут.

- Давай, давай, пошевеливайся! Бегом! Еще один ствол! Еще бечевки! Мисс Мэри, уже довольно, благодарю вас, можете отдохнуть. А как вы, мисс Нелли? Получше стало? Тс-с! Не галдеть! Наша больная уснула, пусть отдохнет. Хороший сон - лучшее лекарство!

Болтая без умолку, плескаясь в воде, подгоняя стволы и связывая их, приглядываясь ко всему, одержимый парень с проворными движениями и отточенным языком работал так споро, что за два часа трудная задача оказалась выполненной.

Сооруженный в спешке плот способен был выдержать любое испытание на прочность. Собранный из соединенных поперечинами стволов, он оказался тем более прочным, что вода стянула все узлы импровизированных канатов. Словом, плот вел себя на воде как единый блок, который ничто не может ни разметать, ни поколебать.

- Такой и двадцать человек выдержит! - гордо выпятил грудь Тотор.

Великолепный результат всего четырех часов работы - дело рук двух женщин и двух юношей, которым не больше семнадцати лет! Американца Гарри удивить трудно, но он был поражен до глубины души.

- Знаешь, - обратился он к другу, - не могу прийти в себя от изумления, я просто рот разинул! Еще немного - и зареву от восторга, запрыгаю, глупости буду во весь голос кричать, вот только боюсь разбудить нашу Нелли.

- Тс-с! Придержи язык! Ну и хорошо, что уже кончили. Теперь нужно нарезать побольше папоротника, чтобы заткнуть щели и превратить плот в хороший матрац. Жаль, мало времени! Мне бы хотелось поставить хижину, как на сампанах*, установить руль, запастись продовольствием. Но удовлетворимся тем, что есть!

____

* Сампан - легкая лодка, управляемая одним веслом, удобная для морского прибрежного и речного плавания.

- Да, друг мой! Не стоит искать лучшего, которое часто враг хорошему!

Достаточно оказалось получаса, чтобы заполнить все промежутки папоротником. Теперь плот представлял собой ровную, абсолютно устойчивую площадку. В завершение Тотор срезал две прочные жерди и, очистив их от листьев, сказал:

- А это будут отличные шесты! С их помощью мы без резких толчков поведем наше великолепное судно к морю.

- Замечательно! Я горжусь им больше, чем “Морганом”!

- Ну, хватит болтовни, не вгоняй меня в краску. Сейчас, наверное, уже полдень, пора отплывать! О, Боже, сколько времени потеряли!

- Ничего, наши преследователи тоже нуждаются в отдыхе.

- К счастью! Все готово? Все на борт!

Полюбуйтесь Тотором - настоящий адмирал! Ну точно так же, как когда строил и спускал на воду “Нарвал”, а затем командовал импровизированным судном!

Плот, прочно привязанный с двух концов канатами из формиума, стоял у берега. Меринос, единственный матрос, держал наготове шест. Он посмотрел на больную, все еще спящую в тени на своем ложе:

- Мисс Мэри, разбудите, пожалуйста, мисс Нелли.

Девушка всего лишь дремала. Она открыла глаза, увидела плот и прошептала:

- Господа, я все вижу. Вы - настоящие волшебники!

Нелли попыталась подняться, но слабость заставила ее опереться на Мэри и папуаску.

Шатаясь, она сделала несколько шагов, отделяющих ее от плота. Тотор поднял девушку, как ребенка, и бережно положил на пахучий слой листвы.

Обе женщины тоже сошли на плот, и возбужденный Тотор скомандовал:

- Отдать швартовы!

Американец обрубил оба каната, и плот медленно поплыл вниз по течению.

ГЛАВА 6

Восторги. - Полезно и приятно. - Набег. - Фруктовое пиршество. - В темноте. - Подозрительный сон. - Терзания Тотора. - Все недвижимы. - Тотор предпочитает умереть! - Знакомые звуки. - Паровой катер. - В плену.

Река спокойно текла в высоких берегах. Ширина ее была невелика -

двадцать - двадцать пять метров, глубина два-три метра. Вода чуть солоноватая, спокойная.

Вершины высоких деревьев, смыкаясь, образовали нечто вроде туннеля, скрывая реку от безжалостных огненных лучей. Это предвещало беглецам безопасность и легкость передвижения, тем более что размеры и прочность плота были идеальны.

Если бы не погоня, вынудившая наших героев отступать, плавание можно было бы счесть прогулкой подростков - любителей приключений, которые отправились в поход, чтобы насладиться природой.

- Как вы себя чувствуете, мисс Нелли? - спросил Тотор, правивший при помощи шеста.

- Как под балдахином, генерал.

- Теперь можешь называть его адмиралом, - смеясь, уточнил Меринос.

- Прекрасно! Тем более что вы отлично выносите тяжесть совместительства, адмирал Тотор. Мне кажется, что я лежу под балдахином и плавно двигаюсь посреди сказочного пейзажа!

- Правда, это смахивает на движущиеся тротуары.

- Лежа с полузакрытыми глазами на удобной папоротниковой постели, убаюканная медленным и плавным движением, я с восторгом наблюдаю парад деревьев, цветов, трав, прелестных красок… меня опьяняет яркий свет, который умеряется зеленым сводом и мягко ложится на все вокруг… Я не могу отвести глаз от волшебной, почти сверхъестественной картины!

Мэри и Дженни, сидевшие рядом с девушкой, внимательно слушали ее, а Меринос легкими движениями шеста направлял плот, такой устойчивый, что даже не качался. Можно было подумать, что это ковер, прилипший к поверхности реки, или колоссальный лист виктории-регии* - гигантского водного растения жарких стран.

---

* Виктория-регия - буквально (с лат.): Виктория-королева. Тропическое растение семейства кувшинковых, названное в честь английской королевы Виктории. Круглые плавающие листья с загнутыми вверх краями имеют в диаметре до 2 м и выдерживают груз до 50 кг; красивые большие цветы в диаметре до 35 см.

Время от времени они проплывали мимо огромных зарослей канн* с длинными атласными листьями, из которых поднимались величественные пурпурные цветы. Взлетали вспугнутые неуклюжие, шумные, толстые утки, проворные и быстрые мандаринки, несколько одиноких цапель, стаи комичных голенастых жакана**, которые, казалось, вот-вот потеряют свои несоразмерно большие лапы.

---

* Канна - многолетнее растение семейства канновых (около 50 видов) с крупными цветками.

** Жакана (якана) - тропическая птица отряда ржанкообразных с необычайно длинными пальцами, которые позволяют птице ходить по листьям плавающих растений.

Иногда реку пересекала пара фазанов. С золотом и изумрудом на крыльях, блеском эбенового дерева на манишке, лазурью* и пурпуром** на мантии, они пролетали с пронзительным криком, а тем временем стая опьяненных солнцем райских птиц, неумолчно щебеча, резвилась в вышине.

---

* Лазурь - нежно-голубой цвет.

** Пурпур - здесь: темно-красный цвет.

Сияющая, восхищенная Нелли воскликнула с некоторым возбуждением, вызванным повышенной температурой:

- Мы действительно в стране чудес, и я готова забыть все ради этого великолепия. Прежде мне такое могло лишь присниться. Никогда не предполагала, что природа может быть столь щедрой!

- Да, мисс Нелли, - ответил Тотор, - мы тоже, можно сказать, зачарованы!

- Однако, - вступил Меринос, - это не мешает нам думать о сложившейся ситуации.

- Не слишком-то она весела, эта мадам Ситуация, - покачал головой Тотор, - и может разрешиться совсем просто и однозначно. Представьте себе, некий человек падает с площадки Эйфелевой башни или просто с собора Парижской Богоматери. Пока он между небом и землей, - ничего, сносно… он не чувствует ни толчков, ни неудобств и вправе сказать себе: “Сейчас мне очень хорошо!” Но, подумав, добавит: “Да, но что же произойдет, когда долечу до земли?”

- Адмирал, у тебя похоронное настроение!

- Пусть так! Главное, я не питаю иллюзий.

- Я тоже! И не настолько далек от реальности, чтобы не испытывать голод, настоящий голод матроса, которому вчетверо урезали паек.

Нелли, которая сидела к юношам спиной и, следовательно, смотрела вперед, прервала их, хлопая в ладоши:

- В самом деле, одно наслаждение быть беглецами в таких условиях, можно поверить, что нас хранит добрая фея! Смотрите же, адмирал Тотор, смотри, Гарри! Такой сад и миллионер не мог бы насадить!

Обернувшись, плотогоны увидели настоящий земной рай, где теснились апельсиновые, цитроновые, манговые, хлебные деревья. Бананы, банкули, драцена* соседствовали с арековыми** и саговыми пальмами.

____

* Драцена - род древовидных растений семейства агавовых.

** Арековая пальма - дерево из рода арека, включающего около 50 видов.

И ни живой души вокруг!

- Причаливаем, причаливаем! - закричал Тотор. - О, радость для глаз и пиршество для зубов!

- И восторг желудка! Фрукты, которые можно есть и в то же время пить!

- Которые можно пить и в то же время есть!

- Я сойду на берег! Адмирал, ты позволишь?

- Конечно!

- Хочу заготовить целую гору, чтобы мы могли наесться до несварения желудка.

- Иди. Но прихвати револьвер. И, знаешь, будь осторожен, вдруг появится хозяин или сторож. А я буду начеку и винчестер положу рядом.

Дженни угадала намерение Мериноса и, пока Тотор привязывал плот к

прибрежным кустам, ловко спрыгнула на берег вслед за Гарри.

Американец и папуаска кинулись опустошать сад. Но он оказался так велик, деревья так гнулись под тяжестью фруктов, что этот налет был ему совершенно не страшен.

Тут могли целый месяц кормиться сто человек!

Так как корзин не было, Мериное снял куртку, набил ее всем, что попадалось под руку, и быстро отнес груз на плот.

Дженни наполнила свой саронг, вслед за Мериносом сгрузила добычу и быстро вернулась.

Ловкие и старательные мародеры работали с таким усердием, что менее чем за двадцать минут на бамбуковой площадке возникла живописная груда замечательных, совершенно спелых фруктов, аромат которых щекотал ноздри изголодавшихся путешественников.

- Черт возьми, - проговорил Тотор, забрав целую охапку, - трем зеленщикам хватило бы нагрузить свои тележки! Да это затмит самые шикарные витрины месье Шеве! Начали, дети мои! Навались!

Надо ли говорить, что после стольких лишений каждый постарался отпраздновать удачу.

Матрос Гарри предоставил плоту дрейфовать по течению, адмирал Тотор забыл, что должен отдавать команды. Выздоравливающая пассажирка Нелли и не вспоминала о своем недуге, сиделка Мэри снабдила едой хозяйку, не забыв и о себе, добрая дикарка Дженни прямо-таки из кожи лезла, стараясь объяснить, как туземцы чистят, обдирают, лущат, обрезают и делят прекрасные плоды.

Каждый ел в три горла, а за плотом рыбы по-свойски хватали шелуху, кожуру, семечки, зернышки и прочие мелкие остатки пиршества.

На время были забыты опасности, погоня, Дик Сеймур, его бандиты и их помощники, загонщики-дикари, которые прочесывали лес.

Впрочем, плот по-прежнему спускался по течению. Значит, время не

терялось даром. Прямо на борту они хорошо поели, утолили жажду.

Пассажиркам осталось лишь отдохнуть после обеда, а адмирал и его матрос снова взялись за шесты. Тотор и Меринос считали, что плот движется со скоростью двух узлов, то есть около четырех километров в час.

Если плыть всю ночь, можно надеяться, что к утру они достигнут моря.

А это означало свободу, безопасность, надежду на скорое возвращение домой!

Парижанин снова всматривался в карту и тщательно изучал реку.

- Все в порядке! Поток неуклонно скатывается к заливу Геельвинк… ничего подозрительного, ни плотин, ни водопадов, ни перекатов, ни порогов… только две красные полосы на половине расстояния между ними и морем да непонятная надпись от руки.

- Покажи-ка, - попросил американец. - Ну и ну! Я ничего не понимаю! На каком же языке это написано?

- Вероятно, на малайском.

- Жаль! Тут наверняка ценные сведения.

- Нечего делать, придется плыть и пробиваться дальше во что бы то ни стало.

Восторгам путешественников не было конца.

Адмирал и матрос стали энергично отталкиваться шестами, и движение ускорилось.

Так продолжалось до заката. С последними лучами солнца путешественники скромно поужинали, и пассажирки принялись устраиваться поудобней, чтобы хорошо выспаться.

Наступила ночь. Тотор предложил Мериносу заступать на вахту по очереди.

- Как на корабле! Идет! - ответил американец. - Кто первый?

- Я, потому что вечерняя вахта после целого рабочего дня самая трудная. Я не хочу спать, а ты зеваешь так, что вот-вот челюсть свернешь. Давай, старина, вздремни, я тебя разбужу около полуночи.

- Договорились! Спокойной ночи, Тотор! Спокойной ночи и спокойной вахты!

- Спасибо! А тебе приятных снов!

Как всегда в этих местах, резкое исчезновение солнца погрузило всю природу в непобедимую сонливость. Один Тотор, человек со стальными нервами, противостоял ей.

Вскоре глубокая тьма поглотила плот. Тотор ничего не видел и правил наугад, радуясь, когда луч какой-нибудь звезды проникал сквозь свод листвы, тихонько падал вниз и исчезал, отражаясь и дрожа в воде.

- Наверняка они вынуждены прервать погоню, у них же нет судна, - говорил себе бравый Тотор. - А завтра мы оставим их в дураках. Будь благословенна ночь, которая покровительствует нашему бегству.

Однако часы бежали. Тотор уже прикидывал, много ли осталось до полуночи и не пора ли будить Мериноса.

Растительность на берегах внезапно исчезла - не было больше гигантских деревьев, высоченных трав; река будто вошла в коридор, образованный невысокими скалами. При свете звезд, уже не скрытых листьями, Тотор увидел мрачный пейзаж, охваченный мертвенной тишиной.

”Должно быть, это то самое подозрительное ущелье, обозначенное на карте двумя красными чертами, - подумал он. - Нужно держать ухо востро, придется маневрировать вдвоем! Наверняка здесь подстерегает опасность!”

- Эй, Меринос! Вставай, на вахту! Вставай! - принялся он тормошить друга.

Никакого ответа, ни малейшего движения, даже вздоха!

Не только юноша - не шевелилась Нелли, ее верная Мэри и добрая негритянка тоже оставались недвижны.

Тотор повысил голос:

- Меринос! Эй, Меринос, проснись! Мисс Нелли! Мисс Нелли, проснитесь, ответьте мне! Скажите хоть слово! Эй, Меринос!

Четверо спящих по-прежнему хранили странную, тревожную неподвижность поверженных статуй. Несмотря на свою бесспорную храбрость, Тотор испугался, сердце его тревожно забилось. Его бросило в жар, по телу пробежала дрожь, волосы стали мокрыми от пота. Предчувствуя несчастье, парижанин застыл в растерянности, вцепившись в шест руками. Вдруг в окружающей глухой тишине он различил идущий от воды смутный шумок, что-то вроде звука лопающихся пузырьков, шипения пенящегося шампанского, закипающей жидкости.

Опустив шест, он принялся трясти американца за плечо, взывая:

- Меринос, дружище, ответь же!

Но юноша остался неподвижен, руки его вялы, как у человека в коматозном состоянии*. Тотор бросился к Нелли, взял ее за руку и проговорил прерывающимся голосом:

---

* Коматозное состояние - бессознательное, близкое к смерти.

- Мисс Нелли! И вы меня не слышите? Мисс Нелли!

Как и брат, девушка была недвижна, безмолвна и бездыханна. Ужасная мысль как раскаленным железом пронзила мозг Тотора, он пробормотал в отчаянии:

- О, Боже, неужто они мертвы? Но это же невероятно - так погибнуть! Может быть, отравлены? Значит, эти фрукты… Но нет! Ведь я жив и здоров. Тогда что же? Смертельный газ, исходящий из реки, это бульканье со всех сторон… Запаха нет. Что за газ? Может быть, углекислый? Он легче воды и поэтому проходит через слой жидкости… Он тяжелей воздуха, поэтому скапливается на поверхности реки… Да, это он!

Говоря с самим собой, Тотор по-прежнему держал девушку за руку, склонившись над ней. Вдруг он почувствовал в горле и в носу легкое покалывание; воздух вокруг был какой-то тяжелый, со странным кисловатым запахом.

Внезапно закружилась голова, помрачилось сознание, юноша пошатнулся. Голова стала тяжелеть, тупеть, наливаться кровью, в ушах зазвенело, в глазах потемнело. Ничего сделать Тотор не успел.

Он медленно наклонился, упал на колени, помутневшим взглядом смотря на тела, от которых, похоже, уже отлетела душа. Всхлипывания перешли в хрип, юноша рухнул на бок, последней мыслью было: “Я тоже умираю, как они… я с ними. Пусть. Я не смогу их пережить…”

Однако зрение и слух еще не отключились. Сначала парижанину показалось, что плот останавливается. Какое-то препятствие преградило путь - вероятно, скала. Резкий удар сотряс судно…

И тогда сквозь шум, который раскалывал виски, головокружение и звон, раздиравший уши, сквозь сердцебиение, готовое разорвать грудную клетку, возник странный, знакомый звук.

Тюх… тюх… тюх… тюх! Прерывистое дыхание, что-то вроде металлического кашля, ритмичное пыхтение, сопровождаемое стуком колес и зубчатых передач. Его опытный слух механика не ошибался относительно происхождения этих звуков, усиливающихся под аркадой деревьев.

Тюх… тюх… тюх… тюх…

”Паровой катер… погоня… враг… лучше умереть!”

Грохот усиливался, убыстрялся, вызывающе громко прозвучал свисток.

Команде катера незачем было скрываться. К тому же установленный впереди электрический прожектор широким лучом ослепительно освещал реку и ее берега.

- Спокойно! - послышался повелительный голос, перекрывший шум мотора. - Не торопиться!

- Капитан, - прокричал другой, голос низкий и хриплый, - я вижу этот проклятый плот!

- Далеко?

- Нет, в пятидесяти ярдах!

- Стоп!

Катер продолжал движение по инерции и медленно приблизился к плоту, упершемуся в выступ скалы.

- Багры! - послышался снова первый голос.

Два длинных шеста протянулись слева и справа от прожектора, как усы чудовищного зверя из кошмарного сна. Нос катера уткнулся в плот.

- Зацепляйте быстро и надежно! Готово?

- Да, хозяин! А их тут много!

- Держи хорошенько! Осади назад!

Таща за собой плот на железных крюках, катер задним ходом вышел из ущелья, наполненного смертельными испарениями. Снова лес, высокие деревья над водами, которые уже не пузырились так странно и беспокойно. Катер подошел к берегу и пришвартовался. Два человека спрыгнули на землю и привязали плот. Затем осторожно подняли по-прежнему недвижные тела беглецов и по одному передали через борт матросам.

- Эй, они не мертвые?

- Вряд ли!

- Вот пошла бы работа коту под хвост!

- Они и двух минут не дышали газом.

- Это уже много! Слишком много!

- Подумаешь! Бывает, что возвращают даже из более далеких путешествий в иные миры, а уж этих постараются вернуть к жизни.

- Готово? Все на борт!

Нелли, Мэри, папуаска и двое юношей лежали на большом брезенте, расстеленном на палубе. Катер развернулся и отошел от плота. Вскоре он уже мчался на предельной скорости вверх по течению, следовательно, в направлении, противоположном заливу Геельвинк, и возвращался к Норт-Пойнту.

…К Норт-Пойнту, где их ждал Дик Сеймур, смертельный враг!

ГЛАВА 7

Об углекислом газе. - Грот Собаки. - Пробуждение. - Бандит Дик Сеймур. - Признания. - Выкуп. - В закладе голова! - Двухнедельная отсрочка. - Убийца. - Бедная Дженни! - За оскорбления отдельная плата. - Тотор приговорен к смерти.

Углекислый газ повсеместно распространен в природе, источники его бесконечны. Назовем некоторые из них.

Прежде всего, он получается при горении угля и органических веществ, содержащих углерод. Значит, нет открытого огня без углекислого газа. На земле он встречается повсюду, начиная с вулкана и кончая спичкой.

Еще он выделяется при обжиге известняков или их окислении. Именно

так изготавливаются газированные воды, в частности, сельтерская вода*.

____

* Сельтерская вода (зельтерская вода) - минеральная вода из источника Нидерзельтерс в Германии, содержащая большое количество углекислоты, сильно газированная.

Углекислый газ является еще продуктом дыхания людей и животных, а также алкогольного или гнилостного брожения. Вулканы освобождают огромные его количества, а в некоторых странах он спонтанно выделяется из земли* через известняковые участки и покрывающие их воды. Жертвой именно такого выделения газа стали на плоту юные герои этой драматической истории.

____

* “…спонтанно выделяется из земли” - то есть выделяется свободно, ничем не регулируется.

Добавим, что атмосфера на четыре десятитысячных состоит из углекислого газа. Плотность его равна 1,529, он в полтора раза тяжелей воздуха, в чем и заключается одно из самых любопытных свойств этой субстанции. Он может как жидкость переливаться из одного сосуда в другой. Именно благодаря своей плотности он собирается в низких частях тех мест, где выделяется: в колодцах, шахтах, пещерах, ложбинах, трубах, подвалах, бочках для вина и так далее. Газ не ядовит, но дышать им нельзя. Живые существа, вдыхая его, погибают из-за отсутствия вытесненного им

кислорода. И удушение происходит довольно быстро, даже если углекислый газ перемешан с атмосферным воздухом.

Все слышали, хотя бы краем уха, о знаменитом гроте в Поццуоли, недалеко от озера Аньяно в Италии, который называют гротом Собаки. Его покрывает слой углекислоты толщиной в шестьдесят пять - семьдесят сантиметров, возникший, кажется, от термального источника*, газ которого выделяется из почвы.

____

* Термальный источник - горячий минеральный источник.

У сторожа есть собака, которая сопровождает хозяина, когда тот показывает грот туристам. Через две-три минуты собака, поневоле дышащая углекислым газом, падает от удушья, а посетители не испытывают никаких неудобств и дышат чистым воздухом, так как слой углекислого газа доходит им только до колен.

Теперь понятно, почему наши юные друзья, лежавшие на плоту, задохнулись во сне. Объясняется и то, почему Тотор был неуязвим, пока стоял на ногах, и тоже потерял сознание, когда, наклонившись, погрузился в слой углекислого газа, выделявшийся из миллионов пузырьков в русле реки.

Все это было наверняка известно Дику Сеймуру, который руководил яростной погоней за беглецами.

Прошло двадцать четыре часа. Нелли, Мэри, папуаска, Тотор и Меринос вернулись к жизни.

Перенесенные в темноте в закрытые помещения, еще без сознания, друзья проснулись совершенно разбитыми и не понимали, что происходит. Они оказались запертыми поодиночке, в темных комнатах и считали себя

во власти страшного кошмара. Понаблюдаем за пробуждением начальника экспедиции.

Генерал Тотор был не в лучшей форме. В голове тяжесть, ни единой мысли, ломят ноги. Он хотел было сладостно потянуться, но это ему не удалось.

”Что со мной? - удивился юноша про себя. - У меня все одеревенело! Ей-богу, я еле двигаюсь. Тьфу, черт! Руки и ноги связаны! И бечевка отнюдь не тонкая, едва позволяет шевелить конечностями. Все ясно! Я в плену. Или у меня котелок не варит, как после солнечного удара…”

- Эй, Меринос! Мисс Нелли! Ну-ка, вспомним! Плот, река… о, я припоминаю… жуткая картина, головокружение… А потом что? Катер, шум винта, электрический прожектор, вот-вот… меня… нас схватили! А теперь я один, разлучен со своим войском. Ему нечего бояться, моему войску, есть кому заплатить выкуп. А вот со мной… что же со мной будет? А то будет, что я прежде всего поем, потому что в жизни всегда нужно позаботиться о желудке, пока можешь. Вот галеты, ветчина, фрукты и кувшинчик, значит, перекусим, промочим горло, а потом… Ну да ладно, будь что будет!

Прошли долгие часы. Наконец Тотор услышал глухой скрип, потом скрежет засова. Дверь его клетушки отворилась, и на пороге появился человек в матросской одежде, с револьвером.

- Come here!* - приказал неизвестный.

---

* Иди сюда! (англ.)

Тотор ответил, не тратя лишних слов:

- Хорошо!

Неизвестный бесцеремонно схватил его за лацкан куртки, сунул дуло револьвера в ухо и повел за собой. Связанный Тотор мог передвигаться только мелкими шажками.

Оба шли по длинному, обитому толстыми досками коридору, в конце которого видны были дверь и охраняющий ее матрос с винчестером.

”Черт возьми, военное положение!” - заметил Тотор.

Ничему не удивляющегося парижанина ввели в обширный, уже знакомый ему зал. Именно здесь произошла первая встреча с чудесно обретенными вновь Нелли и Мэри.

Радостные крики приветствовали его:

- Тотор, дружище! Генерал! Мистер Тотор!

Он ответил, поднимая связанные руки:

- Какое счастье! Мисс Нелли, мисс Мэри, старина Меринос и храбрая Дженни, которая не говорит, но зато думает… Что вам известно?

- А тебе? Какое ужасное пробуждение!

Вдруг с противоположной стороны распахнулась двухстворчатая дверь, выходящая на эспланаду над морем. В проеме появилась мощная фигура человека, которого они только мельком видели после захвата “Моргана”. Это был мистер Дик, или, вернее, Ричард Сеймур, знаменитый бандит!

Глубокая тишина наступила при его появлении. Пришедший буравил пленников острым взглядом черных глаз.

Он был прилично одет, костюм элегантен, движения раскованны. Поприветствовав всех высокомерным кивком головы, вошедший небрежно бросил:

- Поговорим!

Мистер Дик сел за стол, перед которым то ли случайно, то ли намеренно выстроились беглецы и испуганная, дрожащая туземка. Нелли, Мэри, Тотор и Меринос разглядывали бандита с великолепным хладнокровием, к которому примешивалось любопытство.

Безупречно вежливо, с мягкой интонацией он обратился к Нелли:

- Прошу вас, мисс Нелли, принять мои извинения за все неприятности. Но они происходят отнюдь не по моей вине, ибо я приказал, чтобы с вами обращались со всем уважением, которого вы заслуживаете. И вы, мистер Гарри, также простите мне, если я невольно стал виновником перенесенных вами страданий.

Вступление было столь неожиданным, что оба юноши и девушки, не смея верить собственным ушам, в изумлении переглянулись.

Какую новую ловушку, какую жестокую иронию скрывают медоточивые речи, подчеркнутая вежливость негодяя, для которого человеческая жизнь не дороже жизни насекомого и который похваляется, что никогда не знал милосердия!

”Точно, он насмехается над нами! - решил Тотор. - Ну погоди же, страшилище! Я тебе отплачу той же монетой!..”

- А как же я, мистер Дик? Почему вы у меня не просите прощения за свинство по отношению ко мне? Это, знаете ли, невежливо!

Бандит хладнокровно ответил:

- Уж слишком вы остроумны, мистер Тотор, это погубит вас во цвете лет! Но позвольте закончить разговор с мисс Нелли и ее братом, а потом буду к вашим услугам… Мисс Нелли, я должен был принести извинения как вам, так и мистеру Гарри, и я рад это сделать. До сих пор я не совершил по отношению к вам никакой жестокости, позорящей джентльмена.

- Но тогда, - прервал его Меринос, - зачем же вы уничтожили мой экипаж и украли мой корабль? Зачем, наконец, держите нас в плену?

- Потому что я веду крупное дело, которое будет самым знаменитым в

этом веке, а вы - неотъемлемая часть хорошо разработанного, подготовленного и проведенного мною со всей подобающей тщательностью плана. Что касается лиц, которых я счел необходимым устранить, то лучше об этом помолчать. Торговля, бизнес, предпринимательство невозможны без жертв, как и война. Или вы считаете, что на миллиарде вашего отца нет крови? Но хватит об этом. Я хочу сказать вам, что не испытываю ни ненависти, ни злобы… вы мне, пожалуй, даже симпатичны, ведь с тех пор, как мы расстались, вы проявили поистине замечательные качества - инициативу, выдержку, смекалку…

- Мистер Дик, позвольте одно слово.

- Да хоть десять, сто, тысячу, мистер Гарри! Я в полном вашем распоряжении.

- Вы умертвили капитана Гаррисона и приказали сбросить в море капитана Роуленда.

- Дурным тоном было бы отрицать это, мистер Гарри, я даже добавлю, что доктора, механика, двенадцать человек экипажа, восемь машинистов и поваров тоже пришлось выкинуть за борт.

- Какой ужас! - испуганно вскричала Нелли. - Вы их подло убили, наших бедных моряков, наших друзей.

- Что поделаешь, мисс Нелли, не разбив яиц, не сделаешь омлета… Но я им прежде кое-чего подсыпал, они не мучились и утонули тихо.

- Но ведь, - снова начал Гарри, - некоторых вы пощадили.

- Мистер Гарри, я никогда и никого не щажу. Те, кто выжил на борту “Моргана”, - все мои люди, сообщники, преданные до гроба, повязанные кровью! Как и подобранные на Буби-Айленд жертвы кораблекрушения, оказавшиеся там по моему приказу.

Тут у Мэри, которая смертельно побледнела, слушая откровения бандита, вырвался душераздирающий крик:

- Алекс, мой жених! Они его убили! Бедный Алекс!

Мистер Дик посмотрел на нее, улыбнулся и с пугающим безразличием сказал:

- Мисс Мэри, вы можете успокоиться! Боцман жив, он хороший моряк и пригодился мне. Я ему предложил камень на шею или службу у меня с некоторой денежной выгодой. Он парень умный и предпочел службу. Теперь это один из самых ревностных моих помощников.

- Алекс - бандит! О, я предпочла бы увидеть его мертвым!

Бедная девушка, несмотря на всю свою волю и решительность, разразилась рыданиями.

А мистер Дик по-прежнему бесстрастно продолжал, лишь слегка пожав плечами:

- Довольно, оставим сантименты*. Давайте говорить серьезно. Итак…

____

* Сантименты - неуместное проявление излишней чувствительности.

Гарри резко перебил его:

- В конце концов, что вам от нас нужно? К чему вы клоните?

- Благодарю, мистер Гарри, вы избавляете меня от поиска перехода к деликатной теме. Вы спрашиваете - я отвечаю. Пожалуйста! Ваш отец, король шерсти, располагает самое меньшее двумястами миллионами долларов!

- Вы знаете больше меня, мистер Дик.

- Знать большие состояния во всем мире - обязанность при нашем ремесле. Итак, раз ваш отец располагает двумястами миллионами

долларов, я хочу, чтобы он уступил мне половину. Добровольно или, если угодно, поневоле.

- Вот в чем дело! Спекулируя на родительских чувствах, вы держите нас заложниками, чтобы вырвать огромный выкуп.

- Логика этого умозаключения делает честь вашей проницательности.

- Вам легко глумиться, но я не буду обращать на это внимания. Продолжайте, прошу вас.

- Вы облегчаете мою задачу тем, что избавляете от разговора на щекотливые темы. Спасибо, мистер Гарри! Итак, я требую от вашего отца выплаты скромной суммы в сто миллионов долларов*, после чего высажу мисс Нелли и вас в добром здравии на причале Фарм-Коув.

____

* Пятьсот миллионов франков. (Примеч. авт.)

- А если нет?

- Возможно, моя откровенность обеспокоит вас, но, раз вы требуете… И кроме того, дела есть дела, не так ли? Так вот: если через две недели я не получу указанную сумму либо наличными, либо векселями, либо кредитными билетами, я отрежу вам оба уха и отошлю отцу с такой запиской: “Мистеру Сиднею Стоуну предоставляется новый двухнедельный срок, по истечении отсрочки он, в случае неуплаты, получит голову своего сына Гарри, которую я лично и весьма чисто сниму с его плеч. Подпись: Дик Сеймур”.

- Не могу этого слышать! - вскрикнула Нелли, побледнев. - Гарри, брат мой! О, Боже!

- Успокойтесь, мисс Нелли, это всего лишь предположение, на тот случай, если ваш отец заартачится.

- Но вы же знаете, - возразил побледневший Меринос, - невозможно высвободить огромную сумму в такое короткое время!

- Или ваш отец выкрутится, или вы лишитесь головы, мистер Гарри! А потом, если этого будет недостаточно, я пошлю ему голову его любимой дочери.

- Вы способны убить мою сестру!

- Как невинную голубку!

- Вы негодяй!

- Ну зачем такие слова! Я все сказал, а свои решения я никогда не меняю. Конечно, мне не по душе бесполезная жестокость, но я умею считать. Я бандит современный и придерживаюсь определенных правил, но никогда не отменяю своих решений! Итак, ни слова больше. Жизнь или кошелек! А теперь, когда вы уже все знаете, позвольте мне заплатить должок одному, как бы это сказать, случайному, да, пожалуй, так, случайному участнику ваших приключений. Это Маона, туземка, которая предала меня и прячется за ваши спины, догадываясь, что ее ждет! Маона, ко мне! Быстро!

При звуке резкого, повелительного голоса бедная Дженни задрожала всем телом. У нее стучали зубы, золотистое лицо стало серым, а из прекрасных больших глаз потекли ручьи слез.

Она смотрела на палача взглядом, который смягчил бы и тигра, а ее немой рот открывался и закрывался, как бы взывая о милосердии.

- Эй, бездельница, мне что, идти за тобой? - вновь резко скомандовал мистер Дик. - Это ведь ты открыла белым потайную дверь и дала им таким образом ускользнуть отсюда… Ты их сторожила и головой отвечала за них. Твой брат и муж уже заплатили жизнью за предательство…

- Мистер Дик, - с достоинством вмешалась Нелли, - прошу вас пощадить эту женщину… В благодарность за одну услугу она нас полюбила и помогала нам. Позвольте ей жить при нас!

- Мисс Нелли, - снова проговорил бандит с ироничной вежливостью, - я в отчаянии! Это единственное, чего я не могу сделать для вас. У меня твердые принципы: она предала и должна умереть. В моем положении, несколько в стороне от приличного общества, можно простить все, кроме измены.

- Мистер Дик, умоляю вас, подарите жизнь моей бедной Дженни, или Маоне, как вы ее называете. Я заплачу такой выкуп, какой вы скажете!

- Довольно! Не раздавайте милостыню некстати, вам нужно учиться экономить, ибо вашему отцу будет нелегко заплатить пятьсот миллионов франков, которые он мне должен! Кроме того, я уже сказал: нет! Ибо, повторяю, я никогда не прощаю и никогда не меняю своих решений. Лучше смотрите и постарайтесь не забыть.

Уже некоторое время тому назад Сеймур незаметно опустил руку в карман куртки. Теперь его рука сжимала заряженный револьвер.

Испуганный крик вырвался у Нелли, Мериноса и Тотора.

Бандит молниеносно, даже не целясь, выстрелил в папуаску, которая инстинктивно жалась к Нелли.

Миг - и направленная с дьявольской точностью пуля попала несчастной в межбровье.

Онемев от ужаса, молодые люди и девушка зажмурились.

Бедная Дженни испустила ужасный хрип, судорожно вскинула руки, полуобернулась, и ее мертвое тело с глухим стуком упало к ногам Нелли.

При виде этой зверской казни, перед недвижным телом, в котором жила любящая душа скромной и преданной подруги, Нелли почувствовала, что умирает. Возмущенные Гарри и Тотор в ярости выкрикивали палачу:

- Убийца! Трус! Бандит! Подлец!

Мистер Дик убрал револьвер в карман и сказал еще спокойнее:

- Тихо, голубчики мои, тихо! Мистер Гарри, предупреждаю вас, отныне

за оскорбления - отдельная плата. Так что укоротите язык, не то разорите отца. А что до вас, мэтр Тотор, можете делать что хотите. Приговоренным к смерти все прощается, а вас я приговорил!

ГЛАВА 8

Благородные сердца. - Напрасные усилия. - Тотор дерзит и не облегчает своей судьбы. - Сражаться до конца. - Прощание. - Воспоминание о Мальбруке. - Дорога. - Тотору нелегко. - Пещера. - Единственный выход. - Стена. - Припасы. - Лицом к лицу. - Взрыв.

Несмотря на многократно доказанную храбрость, у генерала Тотора побежали по спине мурашки. Черт возьми! Приговорен к смерти! Да еще неумолимо жестоким типом, который только что на их глазах убил бедную Дженни!

”Тысяча чертей! - думал про себя Тотор. - Моя жизнь висит на волоске, а за шкуру не дадут и одного су! Но надо держаться!”

Он гордо выпрямился в своих путах, бросил на друзей взгляд, в который вложил всю душу, перевел взгляд на бандита и с вызовом посмотрел ему в лицо.

Мистер Дик отвернулся от света, и тут Тотор заметил, что его губы вздулись и покрыты струпьями, а от обширного кровоподтека посинели нос, щека и подбородок.

В те несколько мгновений, когда острые взгляды искали друг друга и столкнулись, как шпаги, парижанин сказал себе:

”Это я разукрасил ему физиономию! Неудивительно, что он так взбесился!”

Нелли и ее брат содрогнулись до глубины души, услышав ужасные

слова: “Я приговорил вас к смерти!”

Неужто Тотору придется разделить судьбу бедной Дженни? Неужто бывший стюард у них на глазах убьет их друга?

Эта страшная мысль глубоко потрясла Нелли и Гарри. Нет, во что бы то ни стало Тотор должен жить! Они постараются воспользоваться алчностью Дика Сеймура и будут умолять родителей, которые не смогут отказать им. Заложат все, что оставит им этот разбойник. Если понадобится, пожертвуют всем, до последнего доллара… превратятся в горемык, вынужденных суровым трудом зарабатывать на хлеб насущный. Но Тотор будет жив!

Тотор больше чем друг. Разве он не брат Мериносу, которого столько раз спасал? Нелли испытывала к парижанину такие же чувства, как к самому Гарри, более того - не ощущала ли она бессознательно еще более нежную привязанность, как Виргиния, дивно плененная преданным, бесстрашным и веселым Полем?*

____

* “Поль и Виргиния” пасторальный роман (1788) французского писателя Бернардена де Сен-Пьера (1737-1814).

- Нет, мистер Дик, вы не сделаете этого, - вырвалось у нее. - Вы соедините судьбу нашего друга с судьбой моего брата и моей. Видите ли, Тотор - член нашей семьи. Считайте, что у наших родителей трое детей, и вы можете требовать тройной выкуп. Они его выплатят, каким бы огромным он ни был.

- Всей душой присоединяюсь к словам сестры, - горячо добавил Меринос, и призываю вас к ясному пониманию своих собственных интересов. Мы еще богаты, отнимите у нас все, доведите до нищеты, но пощадите нашего друга, нашего любимого брата!

Дьявольская улыбка заиграла на опухших губах бандита. С жестокой насмешкой он поспешил ответить:

- Мисс Нелли, мистер Гарри, с сожалением вынужден констатировать, что вы повторяетесь: вы уже пели мне эту старую песню в пользу Маоны-Дженни, но не помогло. Я тоже вынужден повторить вам, что не забываю и не прощаю.

- Мистер Дик, сжальтесь!

- Главное, не твердите о выкупе. Я беру у вас все, что возможно вырвать без риска вызвать крах, который стал бы разорением и для меня… а королю шерсти придется еще крепко поработать, чтобы за две недели найти сто миллионов долларов.

- Нет, это не может быть вашим последним словом! - воскликнул Гарри. Нелли разразилась рыданиями.

- Но разве вы не видите, что эти бесконечные мольбы вызывают у меня только желание прикончить его на ваших глазах, как только что Маону? Я бы уже сделал это, если б не находил такую смерть слишком легкой для мерзкого недоноска, который…

До сих пор Тотор молчал, наблюдая за происходящим как зритель: до него еще не дошло, что спор идет о его жизни. Но он был потрясен до глубины души безграничной преданностью друзей и молча смотрел на них любящим взглядом больших серых глаз. Однако слова бандита вызвали у него приступ неподдельной ярости. Он продолжил:

- …который подбил вам глаз, дал взбучку, сломал челюсть и чуть не удушил! - И, неожиданно перейдя на “ты”, пылко добавил: - Унижая противника, ты унижаешь самого себя! У тебя же в голове пусто! Я тебя считал преступником высокого класса, джентльменом с большой дороги, но все же джентльменом! А ты просто вульгарный жулик, и притом подлый, оскорбляющий беззащитных людей! Да у тебя передо мной, семнадцатилетним мальчишкой, коленки дрожат!

Лицо мистера Дика налилось желчью, в синеве свежевыбритых щек появился зеленоватый оттенок, разбитые губы задергались.

Бандит содрогнулся от злости и выхватил из кармана револьвер, хрипло крича:

- Rascal, я тебя убью!

- Попробуй! Духу не хватит выстрелить! Ты трусливый мерин, подлый бахвал!

Усилием воли мистер Дик умерил свою ярость. Он глубоко вдохнул, стиснул зубы и четыре раза нажал на звонок. Дребезжащий звук разнесся по комнате.

Тотчас отворилась дверь, вошли четыре гиганта. Нелли и ее брат, смертельно бледные, смотрели на своего друга с удивлением и безграничным восхищением.

- Вы знаете, что нужно делать, - холодно бросил успокоившийся мистер Дик, - уведите.

Вошедшие, не произнеся ни слова, набросились на юношу с неслыханной грубостью.

О, если бы у бедного генерала не были связаны руки и ноги!

Он позволил им подойти, потом вдруг присел и отчаянно бросился головой вперед. Несмотря на то, что удар в таких условиях не может быть особенно сильным, голова как ядро врезалась в живот одного из бандитов.

Гигант только охнул и повалился на спину.

- Гром и молния! - вопил Тотор. - Если б не путы, я бы вас всех расколошматил!

Он упал под молотящие его три пары ног, но не сдался. Его таскали по земле, били. Но он сотрясал груду навалившихся тел, колотил ногами, руками, коленями, локтями, брыкался, кусался, отбивался, выкрикивая:

- Отец говорил… никогда не уступать… надо бить и бить, покуда жив!

Нелли душераздирающе кричала, Меринос обрушивал на негодяев все

свое презрение, но он был связан и не мог броситься на помощь другу.

Наконец Тотора схватили и потащили, а он продолжал вопить, извиваться, лупить трех бандитов, которые чертыхались и ворчали:

- Hell damit! Ну и прыть!

Тотора волокли к двери, а он глядел на своих друзей, которых, быть может, видел в последний раз, и, отбиваясь, кричал им:

- До свидания, мисс Нелли! До свидания, Меринос!

- Тотор, дорогой наш Тотор! - всхлипывала девушка.

- Мисс Мэри, и вам… всем - до свидания! - снова прокричал храбрый парижанин. - Мы еще увидимся, потому что я так хочу! Всегда и отовсюду можно возвратиться!

Человек, отброшенный ударом головы, поднялся и, ругаясь на чем свет стоит, присоединился к своим товарищам, уносившим бедного юношу. Дверь за ними захлопнулась. Тотор еще пытался сопротивляться, но отчаянная борьба превратилась в настоящее избиение, после чего пленника накрепко связали и потащили словно мешок. В руки врезались веревки, избитый, он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, но дух его не был сломлен. Язык невозможно привязать, и наш легендарный Гаврош* с помощью этого хорошо отточенного оружия показал, что он крепкий орешек. Лишенный возможности высказать мистеру Дику все, что он о нем думает, Тотор, к глубокому удивлению бандитов, которые волокли его незнамо куда, принялся петь. Ему вспомнились другие носильщики, из песни о победителе битвы при Мальплаке, знаменитом Мальбруке**, и он запел высоким голосом:

---

* “…наш легендарный Гаврош” - персонаж романа В.Гюго “Отверженные”, парижский подросток, смелый, решительный и острый на

язык.

** Мальбрук, победитель при Мальплаке. - Имеется в виду английский полководец Джон Черчилл Мальборо (Marlborough; 1650 - 1722), победоносный командующий английскими войсками во время так называемой войны за испанское наследство; битва при Мальплаке произошла в 1709 году.

Несли его в могилу,

Миронтон, миронтон, миронтене,

Четыре офицера…

Вдохновившись началом и насмехаясь над бандитами, над всем на свете, он продолжал петь, пока его не бросили, как куль, в темную дыру и не закрыли за ним тяжелую дверь.

Прошли долгие часы. Тотору хотелось есть и пить. Лежа на спине, без света, почти без воздуха, он претерпевал моральные пытки, физические страдания без единой жалобы, как человек, которого ничто не сокрушит. Он сохранял надежду и, думая о родителях, говорил себе:

- Отец был бы доволен мной!

Наконец дверь отворилась. Грубые руки вновь схватили Тотора, подняли и понесли. Снаружи царила кромешная тьма. Облака закрывали звезды и делали мрак еще более глубоким. Группа пересекла ровную площадку, поднялась по крутой лестнице, затем - снова вниз. А вот и берег с прибоем и бурунами.

Люди вступили в воду с Тотором на плечах и направились к огоньку, который плясал далеко от берега.

- Ну и ну, - произнес Тотор, - паровой катер!

- Молчать! - прохрипел повелительный голос.

- Если мне того захочется! - ответил одержимый парижанин.

Голос мистера Дика скомандовал снова:

- Заткните глотку этому горлопану! Быстро!.. Все на борт! Готово? Все здесь?

- Все на борту!

- Хорошо, go ahead!

Заскрипела цепь, засвистел пар. Быстрый рывок, сопровождаемый шумом винта. Катер помчался со скоростью морской птицы.

Бешеная гонка через мрак длилась всю ночь. Утром во время недолгой остановки на борт были приняты предметы непонятного для Тотора назначения - и снова в путь.

Наступил день с его ослепительным светом и удушающей жарой. Но температура благодаря навесу над катером оставалась терпимой.

Спокойное ночное плавание сменилось килевой качкой. Судно так подпрыгивало, что желудок наизнанку выворачивало. Тотор понял, что катер в открытом море.

На борту находилось восемь человек, считая рулевого и хозяина, мистера Дика. Весь экипаж обильно ел и пил. Огромные стаканы следовали за огромными блюдами, и никто, похоже, не обращал ни малейшего внимания на парижанина, брошенного как скотина на палубу поближе к корме, примерно в метре от мистера Дика, который иногда украдкой окидывал его тяжелым взглядом.

Юноша едва дышал, повязка на рту не давала даже пошевелить губами, они запеклись от жажды, руки и ноги затекли, Тотор призывал всю свою гордость, чтобы не застонать. В голове все время вертелось: “Куда же, черт возьми, меня везут? Какую пытку краснокожих, какую утонченную жестокость придумал для меня изобретательный мучитель? Ладно, надо терпеть и не портить себе кровь”.

Плавание через неизвестность длилось до ночи. Солнце уже давно зашло, когда катер остановился и пришвартовался к берегу.

В руках матросов появились фонари. Крепкие руки подхватили Тотора и положили на песок. Одновременно сгрузили какие-то объемистые предметы, о назначении которых юноша так и не догадался. Его подняли и снова понесли.

Воздух вдруг изменился. Он уже был не такой теплый и сухой, как прежде, стал влажным, с тяжелым запахом.

”Похоже, это пещера Али-Бабы и его сорока разбойников”, - подумалось Тотору.

Подземелье оказалось длинным, широким, с высоким сводом, с сухим и твердым грунтом, который скрипел под грубыми башмаками носильщиков. Они прошли метров двести, затем положили Тотора на землю, рядом поставили фонарь.

Мистер Дик подошел к своей жертве, носильщики молча отошли.

Негодяй, не говоря ни слова, снял повязку, под которой задыхался Тотор, разрезал веревки, которые опутывали его словно мумию.

Мистер Дик холодно поглядел на пленника.

”Что у него в голове, у этого чудовища, изверга? Какой страшной пытке хочет он меня подвергнуть?” - подумал Тотор.

Блеск ножа навел его на мысль о новых зверствах, но нет. Мистер Дик оставил на Тоторе довольно длинные веревки, дававшие некоторую свободу действий.

Матросы возвратились под тяжким грузом странных предметов, снятых с катера. Один из них нес объемистый бурдюк литров на двадцать.

Мистер Дик вынул из него пробку, поднес отверстие к губам Тотора и нажал слегка на стенки бурдюка; из тонкого горлышка забила струйка в пересохший рот несчастного юноши.

Удивленный парижанин, едва веря такому великодушию, стал пить с жадностью, естественной после столь долгой муки.

Напившись, Тотор, как человек вежливый, поблагодарил.

Но мистер Дик расхохотался и сказал:

- Вот-вот, мой мальчик, вот так, благодари меня, я ведь ангельски добр и достоин награды за добродетель! Поблагодари-ка еще раз! Вот тебе провизия - галеты, ветчина, консервированное мясо и овощи, вот еще вода, вот масло, чтобы тебе было светло долго-долго! Разве не благородно я поступаю с тобой? Ведь ты выколачивал из меня пыль ногами как из ковра и так элегантно выбил мне пяткой четыре зуба.

Хриплый голос прервал монолог мистера Дика.

- Хозяин, все готово. Камни подобраны, известковый раствор замешан, цемент замочен, динамитные шашки заложены, запалы вставлены.

- Хорошо, начинайте кладку, только оставьте проход для меня. Быстро и прочно!

- Кладку?.. - удивился Тотор. - Кладку чего?

- Стены, - ответил мистер Дик, - несокрушимой каменной стены, которая при помощи гашеной извести и цемента скроет пещеру навсегда!

- Вы собираетесь замуровать меня заживо? - вскричал Тотор изменившимся голосом.

- Ты правильно понял, мой мальчик! А чтобы могила, в которую ты сойдешь полный жизни, была скрыта навечно, я уничтожу вход в пещеру, где ты будешь медленно умирать в течение долгих часов и дней.

- Вы хуже дикого зверя!

- Ты прав, в сто раз хуже! Хищный зверь не готовит, не копит по капле свою месть, чтобы смаковать на досуге ее жуткие радости! О, я все предусмотрел! Стены пещеры - сплошной массив, никто не услышит твоих криков! Отсюда не будет выхода, ибо другой ее конец теряется в

головокружительных глубинах, среди волн и рифов!

Пока бандит сухо цедил слова, глядя на пленника ненавидящим взглядом, шум за их спинами усиливался.

Слышались удары по граниту, скрежет лома, шорох мастерков в деревянных лотках, шлепки раствора; кладка шла с лихорадочной быстротой. Все выше становилась стена, которая должна замуровать в могиле несчастного Тотора.

Мистер Дик прервался на минуту, чтобы проследить за ходом зловещей стройки, с довольным видом покачал головой и продолжал:

- А чтобы ты подольше мучился напрасным ожиданием, чтобы узнал яростное отчаяние, чтобы испытал весь ужас небытия, в которое будешь погружаться, я оставляю тебе провиант. Еды и питья хватит недели на две. С моей стороны это утонченность, высокий смысл которой ты еще оценишь. Так вот, ты, конечно, захочешь продлить свое жалкое существование, будешь экономить каждую крошку и каждую каплю, пересчитаешь с отвратительной жадностью умирающего капли и крошки, которые продлят жизнь, но наступят ужасные минуты, отравленные устрашающей мыслью о неумолимо наступающей смерти. Она заберет тебя молодым, в расцвете сил. Я уже кое-кого наказал таким образом. Нет ничего страшней! Не буду рассказывать леденящие душу подробности, ты сам скоро узнаешь их. Я уйду, и оборвется тонкая ниточка, которая еще связывает тебя с внешним миром.

Разглагольствуя, негодяй приблизился к Тотору, склонился над ним, пожирая глазами и ища в его лице, таком выразительном и подвижном, печать страха, намек на боязнь, следы волнения.

Против всех ожиданий Тотор был бесстрастен.

Он вперил свои серые глаза в бандита, которого хорошо видел в свете фонаря, и на удивление спокойно сказал:

- Мистер Дик, вы хотите поразить меня… Впрочем, это не важно. А важно то, что плевал я на вас с высокой колокольни. И вообще вы мне противны! А вот… доказательство!

Собрав во рту всю слюну, Тотор плюнул прямо ему в лицо, добавив:

- Вот вам прощальный привет, вы его не скоро забудете.

Бандит выпрямился, побледнел от оскорбления, но сдержался. По его сценарию смертельная драма должна была развиваться без вспышек и гнева. Он холодно произнес:

- Мэтр Тотор, вы отъявленный весельчак, и ваше упорство заслуживает такой казни. Да, конечно, я вас не забуду.

- Хозяин, - снова перебил его хриплый голос. - Стена готова, оставили только дыру, чтобы вам протиснуться наружу.

- Хорошо! Прощайте, мэтр Тотор!

- До свидания, мистер Дик!

- Нет, прощайте, ибо из таких мест никогда не возвращаются. Никогда!

Бандит проскользнул через отверстие, оставленное в неприступной стене из цемента, извести, камней, и скомандовал:

- Заделайте хорошенько дыру.

Остатки строительных материалов в спешке были свалены в кучу, стальной лом чиркнул в последний раз по граниту. Один из рабочих принялся насвистывать старую народную мелодию - песню канадских французов “Светлый ручей”, хорошо знакомую Тотору.

В тот момент, когда до бедного юноши донеслись последние ее звуки, послышался стук - будто тяжелый предмет ударился о землю. Затем краткая команда и шаги убегающих людей.

- В убежище! В убежище!

Прошло две минуты, и раздался сильный взрыв. Подорвана вся галерея. Динамит на протяжении двадцати метров завалил вход в пещеру и навеки скрыл могилу Тотора.

ГЛАВА 9

Зловещие угрозы. - Письмо. - Никакой передышки. - Серьезный просчет. - Бесполезные поиски. - Страхи. - Далекие сигналы. - Виден корабль. - Посадка. - У вещей и у людей своя судьба. - Во что превратился “Морган”. - Пьяница. - Бедная Мэри!

- Что вы сделали с Тотором?

- Мисс Нелли, позвольте мне не отвечать.

- Мистер Дик, но вы же не убили его! Нет, это невозможно! Скажите же, что он жив! Умоляю вас!

Бывший стюард только что вернулся в Норт-Пойнт. Закончив ужасную экспедицию, он первым делом посетил юных пленников. Бандит холодно смотрел на бледную, заплаканную девушку. Лицо ее выражало неподдельное горе, сердце колотилось.

Он наклонился над нею с наигранной подчеркнутой учтивостью.

- Забудьте о нем, и оставим эту тему.

Бедная девушка испустила пронзительный вопль и, пораженная нервным шоком, упала на тростниковую циновку. Мэри бросилась к ней. Гарри, все еще опутанный веревками, не мог прийти сестре на помощь.

Во власти яростного гнева, охваченный отчаянием, он закричал, скрипя зубами:

- Подлец, если ты его убил, мы отомстим! О, жестоко отомстим!

Мистер Дик снова взглянул на Нелли, пожал плечами и спокойно буркнул:

- Пустяки, детские капризы! Это пройдет.

И, повернувшись к Мериносу, добавил:

- А вы, молодой человек, поберегитесь, ваши дела плохи. Мистер Стоун, король шерсти, плачется, что он нищий, что я его обдираю как липку и ему никогда не собрать денег на выкуп. Так что ваши уши держатся на волоске, а голова опасно шатается на плечах.

- Отец сделает все необходимое. А я вас не боюсь и готов ко всему, даже к смерти… Прежде всего к смерти!

- А я прежде всего готов оприходовать сто миллионов долларов! Это выдающаяся финансовая операция. В случае осложнения она посодействует получению королем шерсти двух ваших ушей, а при необходимости, и вашей головы, мистер Гарри!

- Вы повторяетесь, мистер Дик!

- А вы бравируете, мистер Гарри. Осторожно! Я принадлежу к породе людей-тигров, которых не принято дергать за усы!

- Опять угрозы?

- Да, не уподобляйтесь Тотору! И знайте - ваша жизнь в моих руках. Я могу вас убить без разговоров, если мне того захочется. У меня останется мисс Нелли, которая по-прежнему стоит моих ста миллионов долларов!

Несчастный юноша, бледный и подавленный, опустил голову, сжав кулаки. Хриплый стон вырвался из горла, слезы ярости жгли глаза.

- Вот теперь вы благоразумны, и это очень хорошо, - спокойно проговорил бандит. - Видите, мисс Нелли уже лучше, она сделала вывод из кончины вашего спутника… Теперь вы оба подготовлены к сообщению, которое вас заинтересует.

- Кроме родителей и друга, нас ничто интересовать не может! - с достоинством ответила девушка, пытаясь говорить уверенно.

- Вот записка вашей матери, которую я любезно согласился передать

вам… Попробуйте сказать теперь, что я не достоин благодарности.

Брат и сестра обменялись долгим взглядом, в котором сквозило сомнение.

Мистер Дик пожал плечами и вынул из кармана элегантный черепаховый бумажник, инкрустированный золотом. Достал из него бумагу, подал Мериносу и добавил:

- Ах да, понимаю, вы, вероятно, считаете письмо поддельным. Какой же смысл подделывать? К тому же я, джентльмен высокого полета, никогда не опущусь до фальсификации*.

---

* Фальсификация - подделка, подмена настоящего ложным, подлинного мнимым.

Нелли подошла, склонила голову к голове брата. Его связанные руки дрожали.

- Да, - сказала она вполголоса, - это мамин почерк. Бедная мама!

И оба жадно стали читать строчки, в которые мать вложила всю душу.

”Дорогие мои, любимые, крепитесь! Мы делаем все мыслимое и немыслимое, чтобы возвратить вас. О, вы знаете, мы ничего не пожалеем… От всей души целую вас, тебя, моя Нелли, тебя, мой Гарри, вас, мой Тотор.

Нас заверили, что с вами хорошо обращаются, и это нас немного утешает. Крепитесь, и тысяча поцелуев, дорогие, любимые!

Ваша мать Маргарет С.Стоун”.

Нелли вытирала глаза и тихо шептала:

- Должно быть, они очень страдают, Гарри, я это чувствую между строк.

- Да, - серьезно ответил молодой человек, - они страдают даже больше нас! Ах, если б с нами был наш бедный Тотор! Я уверен, что они сделают невозможное, но столько денег трудно получить так быстро.

- Вы совершенно правы, мистер Гарри, тем более что ваши родители по своей вине потеряли драгоценное время! И если с их сыном, а также с мисс Нелли случится несчастье, которое я первый буду оплакивать, они окажутся единственными виновниками.

- О чем это вы? - спросил Меринос, встревоженный вкрадчивым многословием бандита.

- Как американец и миллиардер, ваш отец не знает никаких ограничений. Это неистовый, импульсивный человек*, перед которым все должно склониться. Представьте себе, вместо того чтобы подчиниться, он приказал схватить и передать судебным властям посланного мною к нему доверенного человека за шантаж и похищение людей. Эта оплошность обошлась мне в сто тысяч долларов, которыми пришлось подмазать судью.

---

* Импульсивный человек - человек, бурно и не раздумывая реагирующий на события.

- Подмазать? - не понял Гарри.

- Да, подкупить его, если вам так больше нравится, и добиться освобождения моего полномочного посла… я никогда не оставляю в беде

своих! Вот вам и первая потеря времени и денег! Кроме того, мистер Гарри, вы помните знаменитую шутку, брошенную вашим отцом в Атенеум-Клубе? Пересказанная в прессе, она порадовала снобов* обоих полушарий.

---

* Сноб - человек, следующий вкусам и манерам высшего света и пренебрегающий всем, что выходит за эти пределы.

- Не знаю, о чем вы говорите.

- Я был там и помню, как сейчас, это оригинальное изречение. Король шерсти сказал: “Удивительно, как мал наш мир. Земля - всего лишь место для прогулок, где все знакомы друг другу, встречаются и толкутся! Невозможно уединиться, узнать радости инкогнито*, каждый заметный человек - мученик интервью, жертва газет и добыча фотокамер. Вызываю любого на пари, что ему не удастся даже на неделю скрыться от всевидящего ока, который зовется Господин По-секрету-всему-свету”. Хорошо сказано, но в корне неверно, потому что я вот уже пять недель удерживаю одну из лучших яхт Соединенных Штатов и детей одного из финансовых магнатов, и никто в целом свете не может догадаться, где вы спрятаны. Известно одно: Дик Сеймур похитил вас, все за вас боятся, и правильно делают. Но это все!

---

* Инкогнито - тайно, скрывая свое подлинное имя.

Речь Сеймура, похоже, не произвела особенного впечатления на молодых людей. Негодяй продолжал:

- Исходя из весьма иллюзорной идеи, ваш отец счел, что легко сможет вас найти. Он человек решительный и действует с размахом. Тотчас были отправлены телеграммы во все страны мира. В них привлекалось внимание правительств, дипломатических представителей, портовых властей к "Моргану", он был поставлен вне закона, ему запрещалась стоянка в цивилизованных странах. Это отняло ровно два часа! Затем были отправлены депеши с приказом зафрахтовать по любой цене все свободные суда в Австралии и соседних государствах. Пакетботы, грузовые суда, яхты, лоцманские суда, привлеченные колоссальной премией, обещанной тому, кто найдет "Морган", незамедлительно наполнили трюмы углем, загрузили продовольствие и вышли в море. Правительство предложило Стоуну военные корабли, и огромный флот стал прочесывать во всех направлениях моря, где, как предполагалось, укрывается "Морган". Суда прибыли из Мельбурна, Сиднея, Аделаиды, из голландских колоний, отовсюду… они обыскали берега, бухты, острова, островки и даже рифы!

Все это было чистым убытком! Ибо то, что Дик Сеймур решил спрятать, найти невозможно! У меня есть свои запасы продовольствия, свои угольные склады, свои экипажи, свой флот, есть и сообщники среди тех, кто меня искал! А я в это время сделал самую простую вещь: перекрасил "Морган", который стал неузнаваем, и дал ему другое имя, другой номер, другие документы, другое гражданство и… присоединил ради забавы к другим судам, чтобы участвовать в собственных поисках! В таких обстоятельствах ваш отец неизбежно должен был совершить самую плачевную ошибку, и он ее совершил! Он потерял на этом много времени, еще больше денег. Мистер Стоун мог убедиться, что я неизмеримо сильней, и поставил под угрозу вашу жизнь, мистер Гарри.

- Угрозу? Что вы такое говорите? - удивился Меринос.

- Да ведь установленный мною срок неуклонно сокращался, и с завтрашнего утра составит всего лишь тринадцать дней. Ваш отец жалуется на финансовые трудности, сообщает, что фонды поступают медленно… Тем хуже для него и для вас! Я не соглашусь ни на час отсрочки, мистер Гарри! Если через тринадцать дней выкуп не будет полностью доставлен, вы сначала лишитесь ушей, а потом и головы…

- Как же вы жестоки!

- Вовсе нет! Просто умею считать и выдерживаю срок платежа.

- Но мы далеко от Сиднея, может случиться непредвиденное событие, которое парализует самые лучшие намерения отца.

- Это невозможно, мистер Гарри! Я принял меры и полностью владею ситуацией. Буби-Айленд всего в четырехстах милях отсюда. Телеграф был восстановлен и отремонтирован благодаря частной инициативе… моей! Так что есть постоянная связь с вашим отцом. С другой стороны, у меня тысяча двести людей и двадцать судов, которые находятся в постоянном движении, крейсируют и предотвращают неожиданности… О, вас очень хорошо охраняют! Кроме того, все знают, что при малейшем подозрении в предательстве вы оба будете безжалостно уничтожены!

Бандит выложил все эти ужасные подробности с хладнокровием промышленника, излагающего ход деловой операции.

Нелли и ее брат были перепуганы до смерти, а Мэри, безмолвная свидетельница ужасной сцены, как ребенок, забилась в угол, не в силах сдержать слез, которые тихо струились по ее щекам. При последних словах изверга, произнесенных со спокойной наглостью, Нелли испустила жуткий крик. Она бросилась на шею брату, шепча срывающимся голосом:

- Гарри! Я не могу больше, я вся дрожу, кровь стынет в жилах. Схожу с ума от страха. Хочу быть твердой, но не могу. У меня сердце сжимается! О, эта ужасная мысль о постоянно грозящей нам смерти. Она отравляет каждое прожитое мгновение! Гарри, брат мой, страх убьет меня раньше, чем это чудовище!

Испуганный возбуждением сестры, которое последовало за нервным припадком при известии о гибели Тотора, Меринос не знал, что делать, какими словами утешить ее.

Гарри сам очень нуждался в мужской поддержке, но Тотора, храброй и пламенной души их маленького войска, не было больше с ними! Тотора, который одним неожиданным словом снимал усталость, прибавлял бодрости и сил!

Связанными руками Гарри прижимал сестру к груди и ласково шептал ей на ухо:

- Умоляю, будь твердой, не показывай подлецу слабость. Такое зрелище его восхищает, наши страдания - его радость!

- Ну-ну, мисс Нелли, - вмешался мистер Дик, - не считайте ваше положение хуже, чем оно есть. Другого выхода, кроме уплаты денег, нет, но ваши родители, без сомнения, сделают что надо. У вас еще тринадцать дней впереди. Тринадцать дней, роковое число, которое одним приносит счастье, а другим несчастье…

Напуганная Нелли слушала эти слова банального ободрения и одновременно ужасного ультиматума, срок которого истекал через тринадцать дней, и, несмотря на ужас положения, внезапно припомнила, как Тотор в день отплытия “Моргана” из Сиднея произнес слова, вызвавшие веселые протесты: “Но мы отплываем тринадцатого! Это мне не нравится!”

Бедный Тотор! Как у многих сильных духом, у него был странный и нелепый предрассудок насчет несчастливого тринадцатого числа. Но зато как же все посмеялись, и он первый!

А Нелли еще говорила ему об изобилии числа тринадцать на славных эмблемах Американской республики!

Ах, как весело было на причалах и огромном рейде при отплытии “Моргана”! Из грубых глоток матросов вырывались крики “виват”, ревели сирены, флаги словно горели под ярким солнцем, их учтиво приспускали, чтобы обменяться приветствиями…

Да, число тринадцать… “Тринадцать дней” - только что змеиным шипом прозвучало из беззубого рта мистера Дика.

- Это рок! - сказала себе Нелли. - Неужто в самом деле числа влияют на наши судьбы?

Она вспоминала, обдумывала, рассуждала, а в ушах звучали последние угрозы бандита. Все еще обнимая брата, девушка начала всхлипывать.

Довольный произведенным впечатлением, уверившись, что пленники будут послушны и не попытаются снова сбежать, мистер Дик встал, чтобы уйти.

Вдруг три взрыва прогрохотали вдали, в открытом море. Три раскатистых, звучных, с равными промежутками выстрела. Их вибрирующий звук словно ударялся о волны и эхом отдавался в высоких деревьях.

Наверняка палили из пушки, да еще полным зарядом. Гарри и Нелли вздрогнули и тревожно переглянулись. Мистер Дик побледнел, сжал кулаки и в ярости вскрикнул. Он выбежал навстречу людям, которые мчались со всех сторон, выспрашивая друг у друга, что случилось.

- Присмотрите за пленниками, - приказал бандит, - подзорную трубу, быстро!

Ему принесли трубу, он навел ее на горизонт, целых пять минут всматривался в далекие сигналы, невидимые для его товарищей, и наконец произнес:

- Ну да, да! Отвечайте так же!

Три пронзительных свистка разорвали воздух, и почти сразу из невидимой амбразуры, пробитой в вертикальной скале, трижды выстрелила пушка. Затем четверть часа прошло в абсолютной тишине. Понемногу над четкой линией, отделяющей воды от небесного свода, возникли стройные мачты. Затем вдоль горизонта потянулся огромный чернильно-черный султан дыма.

Казалось, что корабль поднимался из бесконечных таинственных глубин. Он возникал на глазах, рос, вот прорисовалась корма, стало видно, что корабль отважно движется сквозь пенные буруны.

Он отсалютовал флагом, просигналил, что на борту все в порядке, и бросил якорь в двенадцати кабельтовых*.

---

* Кабельтов - единица длины, применяемая в морском деле. 1 кабельтов равен 185,2 м.

После появления корабля мистер Дик казался все еще крайне обеспокоенным. По-прежнему бледный, он топал ногами и восклицал:

- Наконец-то!

Затем кинулся в большую комнату, где находились пленники, и бросил им:

- Будьте готовы к отплытию.

От судна, покачивавшегося посреди бурунов, уже отошел вельбот*. Матросы дружно гребли и остановились лишь тогда, когда киль коснулся песка. Нелли, Меринос и Мэри спустились по лестнице с обрыва. Мистер Дик замыкал шествие. Моряки перенесли несчастных на суденышко, бандит уселся рядом с пленниками и скомандовал:

---

* Вельбот (от англ. whale-boat - китобойная шлюпка) - быстроходная четырех-, восьми весельная шлюпка с острыми образованиями носа и кормы.

- Вперед!

Хмурые, молчаливые, снедаемые беспокойством, Гарри и Нелли ежеминутно задавались вопросом, что с ними будет. Однако, как ни тревожно было, Меринос не переставал вглядываться в судно. Вдруг у него

вырвался стон. Несмотря на толстый слой черной краски, покрывающей бывшую когда-то бело-золотой корму, несмотря на то, что мачты, реи и снасти обмазаны грязью и сажей, а надстройки на палубе снесены, он узнал законченность линий, слияние изящества и силы, элегантные формы, которые не поддались грязи и повреждениям; он узнал свою яхту, дорогого “Моргана”!

Бедный корабль, какая несчастная судьба и у него!

Но юноше некогда было философствовать по поводу их общей горькой участи. Матросы уже подгребли к яхте. Трапы остались на месте. Вельбот, подвешенный на талях*; поднялся вместе с экипажем и пассажирами до уровня борта.

---

* Таль (гол. talie) - подвесное грузоподъемное устройство с ручным и моторным приводом.

На отвратительно грязной палубе сновали около пятнадцати матросов, большей частью пьяные, на вид - отъявленные головорезы.

Мистер Дик первым ловко спрыгнул на спардек, бросился к мостику и оживленно заговорил с капитаном.

Тем временем несколько матросов подошли к пленникам, чтобы помочь им спуститься. Вдруг крик испуга и отвращения вырвался у Мэри. Среди пошатывавшихся людей она узнала Алекса, своего жениха, с поглупевшим лицом, красными глазами, в грязной одежде. Он едва стоял на ногах.

Как, это опустившееся существо с измазанными руками, торчащей клочьями бородой, от которого исходил отвратительный запах алкоголя, - тот самый гордый матрос, ее суженый, с которым она мечтала соединить свою жизнь!

Он подошел, выписывая кренделя, подал Мэри руку и хриплым голосом, по американскому выражению, “чудовищно смазанным виски”, произнес:

- Да это Мэри! Добрый день, дорогая! Как дела? Я очень счастлив… счастлив в-вас в-видеть!

Слезы затмили глаза девушки, она не смогла удержаться от брезгливого жеста.

- Чего там? - снова проговорил пьяница. - Манеры не по душе? А я просто немного взволнован! А чего, жизнь такая! Еще не то увидите, когда станете мне женой, потому… потому что мы ведь обручены… Правильно?

- Пустите меня! Вы мне отвратительны!

Раздался громкий хохот матросов, посыпались круто посоленные шутки.

Алекс сжал кулаки и упрямо повторил:

- Ишь недотрога! Только я тебя приструню! Просмоленным концом вместо хлыста!

- Вы мерзавец! Трус!

- Пустяки! Милые бранятся - только тешатся!

Пронзительный свист прервал пьяную болтовню. Затем еще один, сопровождаемый трелями. Пьяницы отошли и подчинились хорошо знакомому им сигналу. Он означал: “Все по местам!”

Мистер Дик с озабоченным видом возвратился к пленникам и со словами: “Следуйте за мной!” - отвел их в каюты на корме, которые должны были заменить им прежние апартаменты.

- Вы пока останетесь здесь. Не скрою, положение серьезное. Поговорим завтра.

Тем временем корабль потихоньку пошел вперед. Ведомый отличным лоцманом, он двигался среди подводных камней, потом развернулся. Похоже, препятствия были ему нипочем. Так продолжалось до темноты.

На следующее утро яхта возобновила движение среди бурунов и через восемь часов плавания, которое казалось вызовом здравому смыслу, встала на якорь.

Корабль стоял метрах в пятистах от отвесной скалы, которая вздымалась над морем футов на триста. Мистер Дик возвратился к пленникам и произнес:

- Никакая сила, кроме моей, не сможет вызволить вас отсюда! Сто миллионов долларов, и вы свободны… а нет, так море станет вашей могилой.

Конец второй части

Часть третья

“MORGAN” FOR EVER

ГЛАВА 1

Временный упадок сил. - Можно поплакать. - Всплеск энергии. - Внимательный осмотр. - Замечательная находка. - За работу! - Стена пробита. - Тотор прокладывает галерею. - Упорный труд. - Девять дней и девять ночей. - Скала. - Обвал. - Катастрофа.

Сотрясения от взрыва динамита кончились. Со свода сыпались мелкие камни и пыль. Легкий шум их падения усиливался в гулкой пещере и отзывался в потаенных, мрачных глубинах.

Молчание смерти обволокло могилу, в которой был заживо замурован Тотор.

В первый момент бедного юношу объял ужас.

Он сидел на корточках у коптящего фонаря, глядя на колеблемые во все стороны подвижные тени, не в силах двигаться, действовать и даже думать.

Пока негодяй был здесь, Тотор еще мог вести себя вызывающе, быть решительным, мужественным, презирать смерть, чем поразил всех бандитов. Но теперь он сдал. Тело и душа его были разбиты. Все в юноше будто налилось свинцом - мускулы, мозг и сами мысли.

Парижанину вдруг привиделось, будто он малыш, потрясенный отчаянным детским горем, а мать смотрит на него большими бездонными глазами, в которых отражаются все его невзгоды.

Зачем ему сверхчеловеческая сила, дьявольское упорство, неукротимое мужество и изобретательность, которые до сих пор всегда побеждали?

Будто завороженный пламенем фонаря, он неподвижно смотрел перед собой, ничего не видя; едва дышал, будто грудь его сжало тисками.

Он вспоминал необычайные схватки, из которых всегда выходил победителем; друзей, таких дорогих, неразрывно связанных с его жизнью… Мериноса, названого брата, прелестную Нелли, при мысли о которой его сердце забилось чаще… вспоминал отца, никогда не знавшего поражений, мать, которой ему больше не увидеть…

В то время, как Тотор вызывал в памяти дорогие образы, наполнявшие воображением ужасную пещеру, под ресницами его возникло легкое покалывание, глаза заволокло туманом, и душераздирающие рыдания, которые он даже не пытался сдержать, сотрясли юношу. Хлынули слезы, отчаянный крик замер на губах:

- Мама, о, мама, бедная мама!

Он долго плакал навзрыд, не стыдясь и не сдерживаясь. Плакал, вопреки своей насмешливой мужественной натуре, всегда восстававшей против слез и сантиментов.

Этот совершенно естественный кризис, оправданный ужасными обстоятельствами, наконец миновал и даже пошел Тотору на пользу. Юноша будто пробудился от кошмара, вздрогнул и тут же взял себя в руки. В гробовой тишине подземелья, как посвист скворца или иволги, гулко разнесся его насмешливый голос:

- Это еще что такое, мэтр Тотор! Уж не потоп ли начался? Право, с меня течет, как с морского бога в фонтане на площади Согласия! Тьфу, сколько воды, мой дорогой, сколько воды! Довольно! Закроем шлюзы. Ну вот и все! А теперь будем серьезны!

В мгновение ока парижанин стал самим собой, то есть отважным мальчуганом, привычным к смелым поступкам и, как всегда, готовым совершить даже невозможное.

Тотор быстро поднялся, но пошатнулся и чуть не упал. Это напомнило ему, что ноги и руки все еще связаны.

Тонкие, прочные веревки мешали двигаться, оставляя, однако, рукам и ногам относительную свободу.

- Ах да! Бечевки мистера Дика! Нужно от них избавиться!

Молодой человек наклонился над фонарем, открыл его и подставил огню веревку, охватывавшую запястья. Пенька тотчас почернела, покраснела и задымилась, распространяя сильный запах паленого.

Нетерпеливый Тотор стал дергать руками. Крак! Руки свободны. Теперь ноги. Минута - и готово.

Он посмотрел на обожженные руки и покачал головой:

- Браслеты, от которых мне долго не избавиться! Но на войне как на войне!..

Тотор потянулся, похрустывая суставами.

- Стоит посмотреть склады продовольствия и убедиться, что жулик Дик не наврал.

Тотор разговаривал сам с собой во весь голос, но слова звучали приглушенно, и пленник содрогнулся. Гулкое эхо, красноватый свет, в нескольких шагах переходивший в кромешную тьму, пахнущий затхлостью воздух - все жестоко напоминало об отчаянном положении.

Но парижанин всеми силами души противостоял боязни и эмоциям, стараясь не думать об этом ужасе.

Он решительно встряхнулся:

- Конечно, местечко не из приятных… Но привыкнуть можно ко всему. У меня уже бывали в жизни приключения, так что, пожалуй, я готов и к этому испытанию.

Тотор поводил фонарем над разбросанными запасами, оставленными мистером Диком. Негодяй сказал правду. Экономя с самого начала, Тотор сможет продлить жалкое существование на две недели.

- А потом? Тьфу, пора перестать об этом, не будет никаких “потом”! Значит, нужно так поступить, чтобы жизнь длилась долго… до бесконечности, черт возьми! Но, прежде чем зариться на вечность, следует сохранить свет, не дать погаснуть его переносному источнику, называемому фонарем. Можно сказать - полночному солнцу или солнцу ночей моих! Без него не обойтись!

Обшаривая все вокруг, юноша нашел толстую оплетенную бутыль с промасленной пробкой. Осторожно вытащил пробку и, засунув в горлышко палец, убедился, что бутыль полна.

- Ура, масло! Не оливковое, конечно, но для освещения годится! Нет ничего проще, чем подкармливать огонек. Фонарь похож на корабельный и должен гореть все двадцать четыре часа. Раз нет часов, будет отмечать мне дни. Я же сказал, что это солнце! А это что еще такое?

Он наткнулся на длинный, твердый, тяжелый предмет, который не заметил раньше под камнями и песком, покрывавшими дно пещеры. Тотор наклонился и удивленно вскрикнул. Это был толстый металлический прут, заостренный с одной стороны и расплющенный с другой так, чтобы получился скошенный край.

- Это же инструмент, которым дробят камни! Великолепный лом, метр двадцать пять в длину, очень прочный. Откуда он взялся? Наверняка не подарок мистера Дика. Тогда чей же?

Парижанину вспомнился стук от падения какого-то предмета перед самым взрывом динамита, когда Тотора замуровали. Тогда еще послышалась милая канадская песенка - ее насвистывал один из матросов, смутно различимый в полумраке.

Случай это или хорошо обдуманный поступок? Может быть, кто-то из людей Дика хотел помочь несчастному пленнику? Если стальным ломом орудовать умело и энергично, можно пробить камни и обломки, загромоздившие вход в пещеру.

Юноша совсем было поверил в чей-то благородный поступок, как вдруг острое подозрение пронзило его сердце.

А может быть, это новая дьявольская выдумка мистера Дика - внушить пленнику ложную надежду, увеличить его страдания и истощить побыстрей сверхчеловечески трудной работой?

- Надо попробовать, - сказал себе Тотор. Его рыцарская душа предпочла допустить, что это благородный порыв. - Начали!

Он поднял лом и, подойдя к стене, попытался на ощупь отыскать щель, хотя бы трещину, чтобы вставить его. Но ничего не нашлось.

- Темно, как в печи!

Юноша взял фонарь и тщательно осмотрел наглухо зацементированную горловину пещеры.

- Вот, - весело сказал он, - тут можно поработать.

Между двумя неровными камнями проходила глубокая щель. Вставив в нее плоский конец лома, юноша попытался выломать один из камней. Огромная масса вздрогнула и немного подалась.

Стиснув зубы, натужившись, напрягая все мускулы, Тотор пыхтел, стонал, ворчал, выкрикивал:

- Пошла, черт возьми, пошла! Эх! Дернем как следует! Загнешься от такой работы! Скрипит, крошится! Давай, Тотор! Не жалей ни крови, ни пота! Еще раз! Готово!

Объемистый камень, величиной с тыкву, внезапно выпал и покатился к фонарю, едва не раздавив его. Отважный юноша так напрягся, что не смог удержаться на ногах и растянулся на земле. Моментально вскочил и, посветив фонарем, увидел дыру сантиметров сорок в диаметре.

- Главное - начать, теперь само пойдет! - радостно воскликнул он. - Сегодня же снесу порядочный кусок стены, а первый результат прибавит сил. Однако какая замечательная идея - оставить мне лом! Благословен тот друг, которому я буду обязан жизнью! Конечно же, это друг! Догадываюсь, нюхом чую, уверен, что это не проделки канальи Дика. А теперь за следующий камешек!

Главное, когда ломаешь стену, - вынуть первый камень. Самое тяжелое уже было сделано. Благословляя неизвестного доброхота, Тотор азартно продолжал трудиться.

Однако дело шло не так споро, как казалось поначалу. Большие, свинцово тяжелые и, главное, неровные камни были накрепко схвачены цементом. Юноше почти вслепую в темноте приходилось откалывать кусок за куском от стены толщиной в добрых два метра.

Он провел за работой долгие часы, чтобы только наметить проход. Длинный… такой длинный, что оторопь берет.

О, если бы у Тотора было время, как у заключенных, которые могли по крохам, постепенно делать подкопы в самых страшных застенках и недоступных темницах! Но у нашего героя не было и двух недель, а ему требовались месяцы!

Довольный первым результатом, он сжевал галету, глотнул из бурдюка и сказал себе:

- Я проглотил бы в десять раз больше, но придется экономить крошки и капли! Сил больше нет, хорошо бы вздремнуть! Эй, стоп! Не забыть масло в фонарь: если он погаснет, я пропал!

Приняв эту меру предосторожности, юноша заснул, унесшись в страну мечтаний. Ему снились дирижабли, скафандры, замечательно удобные дрели; деревья и цветы, птицы и бабочки под ярким солнцем. Ему виделась юная Нелли: улыбаясь и опираясь на его руку, она уводила его в роскошные луга, сверкающие лазурью и пурпуром.

Проспав десять часов, отважный парижанин внезапно проснулся во мраке могилы, куда палач бросил его живым.

Не давая себе послабления, бравый Тотор потянулся, встал и, снова взяв в руки тяжелый стальной лом, сказал себе:

- За работу!

Наконец ему удалось пробить циклопическую стену*. Прекрасный результат превосходил даже самые смелые ожидания… Казалось, свобода уже близко: Тотор дошел до породы, обрушенной взрывом динамита, и поверил в возможность пробить себе дорогу.

---

* Циклопическая стена - сложенная из огромных камней (циклопы - персонажи греческого эпоса, одноглазые великаны-людоеды).

А почему бы и нет?

С тех пор, как его замуровали, прошло около тридцати часов.

Тотор лихорадочно принялся рыть породу, к счастью, легкую и рыхлую, в которой, увы, встречались крупные глыбы известняка. Лишь время от времени он прерывал работу для еды и сна. Какая-то лихорадка овладела им и удесятерила силы.

Он рыл неустанно. Но как убрать обрушенную породу? Лом не годился,

а другого инструмента не было.

Голь на выдумки хитра. Тотор расплющил консервную банку и сделал из нее подобие совка. Потом вынул бутыль с маслом из ивовой оплетки, превратив ее в корзину.

Совком он насыпал в корзину разрушенную породу, чтобы освободить проход, который понемногу удлинялся.

Его ногти были содраны, пальцы в крови. Не обращая внимания на боль, недостаток сна, лишения, он все дальше продвигался вперед. Уже образовался туннель длиной метров в десять! Неслыханный подвиг занял неделю.

Выбрасывая завалы породы, наш землекоп нашел штук пятнадцать динамитных шашек, которые по неизвестной причине не взорвались. Они сохранились заряженными, с куском погасшего фитиля.

Тотор осторожно вытащил их и отложил в сторону:

- Могут пригодиться! Грубое орудие, но действенное! Хорошая находка!

Потом он снова копал без отдыха. По его оценке, каторжная работа длилась уже дней девять. Быть может, немного больше, но наверняка не меньше. Девять дней и почти столько же ночей, потому что спал наш бедный Тотор мало. А ел еще меньше. Несмотря на жесткую экономию, запасы уменьшались с пугающей скоростью. А он бодро говорил себе, ежедневно заправляя фонарь:

- Еще восемь, еще шесть, еще четыре дня!

Ведь количество затраченного масла приблизительно показывало ему количество истекших часов.

Был, наверное, девятый день, а может быть, даже десятый, когда, согнувшись, скрючившись в глубине огромной норы, он наткнулся окровавленной рукой на твердую поверхность.

- Черт возьми, - ужаснулся он, - целая скала! Этого можно было ожидать.

Он сходил за ломом, тотчас вернулся и стал бить по камню, который отзывался приглушенно, слегка резонируя, что указывало на значительный его объем. Встревоженный пленник подземелья простукивал сверху вниз и справа налево, обливаясь холодным потом.

Скала закупорила туннель. Продолжать подкоп было невозможно.

Тотор попытался расшатать ее ломом, но лишь истощил силы в бесплодных стараниях.

- Эта штука весит тысячи килограммов! Не повезло мне, - проворчал он.

Вернувшись в пещеру совершенно измотанный, ожесточенный сражением, он решил:

- Отдохнем, поспим, а потом подумаем. Попробую подорвать скалу динамитом.

Он устроился на разбросанной по пещере земле, которую вытащил из подкопа.

Прошло четверть часа. Он уже начал засыпать, когда послышался глухой шум. Тотор вскочил, подобрал фонарь и бросился к туннелю.

- Гром и молния! Я пропал!

Прохода не стало! Внезапный обвал свода завалил его совершенно!

И следа не осталось от огромного проделанного труда! Девятидневную работу придется начать сначала.

Но еды у Тотора было едва ли на три дня, а воды и того меньше.

ГЛАВА 2

Тотор не теряет мужества. - Экскурсия. - Таинственные звуки. - Под ногами пемза. - Соленая вода. - Подводный вулкан. - Трудное

возвращение. - Тотор хочет воспользоваться вулканом. - Динамит. - Зарядная камера. - Взрыв. - Землетрясение.

Человек, менее закаленный, чем наш герой, сошел бы с ума, потерял бы голову и предался бы самому ужасному отчаянию. Но Тотор хладнокровно взирал на картину бедствия и с удивительным спокойствием произнес:

- Да, это удар ниже пояса! И все-таки даже в беде я счастливчик! Меня могло раздавить, как крысу. Положение не из веселых. Правда, три-четыре дня еще будет чем прокормиться, хотя бы и впроголодь, и, кто знает, если с толком потратить оставшееся время, все может измениться. Самое главное, пока жив, не терять надежды! Худшее, что может случиться - протяну ноги. И это не будет неожиданностью. Я ко всему готов, - решил он.

Отважный юноша понял: бесполезно, да и невозможно снова приняться за подкоп.

Так что же делать?

Уже примерно двое суток с противоположного конца пещеры до Тотора доносился подземный гул, все более отчетливый и сильный, похожий на далекие раскаты грома. Иногда он также ощущал слабый запах сернистой кислоты.

Занятый земляными работами, юноша не обращал на это особого внимания. Но теперь его любопытство росло с каждым часом.

- Что-то там необыкновенное происходит, - сказал он себе, - но что? Раз проклятый обвал прервал мою карьеру сапера, самое простое - пойти посмотреть.

Не откладывая, Тотор наполнил маслом фонарь, взял галету, чтобы пожевать на ходу, и решительно тронулся в путь.

Как человек опытный, он предусмотрительно стал считать шаги: эта мудрая предосторожность поможет ему определить пройденное расстояние.

Он двигался довольно быстро. Пещера была просторна, пол несколько шероховат, но ровный и прочный. К тому же фонарь светил достаточно ярко, чтобы видеть препятствия и избегать их. Отсчитав тысячу двести шагов, Тотор заключил, что он в километре от нужной точки. До сих пор уклон в пещере был невелик, но тут стал очень заметным и даже крутым, а подземный путь начал заметно изгибаться кольцами, радиус которых понемногу становился все меньше. Тотор понял: он спускается словно по винтовой лестнице. Парижанин все шагал и удивлялся:

- Странно. Ей-богу, это напоминает раковину улитки, колоссальную раковину, конечно! Что бы это значило? А какая пальба! Бах! Ба-бах! Бум! Скверная музыка в аду!

Уклон становился все круче, и Тотор, быстро спускаясь, подумал:

- Придется попотеть, чтобы вернуться назад!

Он все еще считал шаги и, чтобы не сбиться в счете, после каждой сотни клал в карман камешек.

- Две тысячи двести… раз, два, три четыре, пять… две тысячи триста. Ого! Уже почти два километра, а я все спускаюсь! Пальба все громче, а серный запах сильней. Что там варится в этой адской кухне, и в какой дьявольский котел сунут меня головой вниз? Две тысячи четыреста…

Юноша уже заметил, что почва быстро меняется. Сначала неровная, каменистая, но зато твердая, она стала рыхлой, сухой и скрипела под ногами.

Тотор подобрал комок и принялся внимательно изучать его при свете фонаря. Неровно обломанное легкое, серебристо-серое вещество было пористым и жестким, как терка или наждачная бумага. При ходьбе от этих комков поднималась тонкая пыль, оседавшая в горле. Парижанин воскликнул, удивляясь все больше и больше:

- Но это же пемза!* - Наш герой остановился, вытер вспотевшее от духоты лицо рукавом и добавил: - Нелишне бы немного отдохнуть.

---

* Пемза - пористая, легкая (плавает в воде) вулканическая горная порода.

Тотор уселся прямо на слой вулканического шлака и продолжил свой монолог:

- Значит, я иду по потоку пемзы. А в природе это вещество не образуется само по себе, его происхождение связывается с вулканами. Следовательно, где-то рядом - вулкан. В этой части океана вулканов много. Расположенные здесь тысячи коралловых островков и островов на самом деле - потухшие кратеры. Миллиарды бесконечно малых частиц - молекулы построили на них рифы, барьерные рифы и атоллы. Среди подводных вулканов есть еще действующие. Шум, что я слышу, наверняка исходит от вулкана. Вулкан! Да еще подводный! Посмотрим, что можно извлечь из этого! Я рвусь к вольному воздуху, к свободе, работаю как каторжный, чтобы увидеть Мериноса и Нелли, и вдруг оказываюсь нос к носу с вулканом! Черт возьми, на Монмартре такого и представить невозможно!

Он раздумывал с минуту, потом провел языком по ссохшимся губам и прошептал:

- Надо было захватить с собой воды, умираю от жажды, а источников в этих местах не видно. Что же делать? Черт возьми, идти вперед во что бы то ни стало и вглядываться во все дыры и щели. Чтобы найти, я должен рисковать. А потом, кто знает?..

Бедный Тотор, какая безумная надежда заставляла биться его смелое сердце? Что думал он найти в глубинных пропастях, где все вещества расплавлены? Он сам этого не знал и тем не менее шел вперед без страха, не поддаваясь усталости, не обращая внимания на жажду и удушающую адскую жару.

Он шел и шел навстречу таинственной неизвестности по огромной спирали, которая все дальше и дальше проникала в недра земли. Должно

быть, Тотор спустился уже на большую глубину.

Он все чаще останавливался. Но не потому, что ослабевало его железное упорство. О нет! Он дойдет, иначе не был бы Тотором. Но дышать становилось все труднее. Глаза слезились, во рту пересохло, сердце бешено колотилось. Тотор снова остановился, боясь потерять сознание, сел и тотчас ощутил неожиданную в таком месте сырость.

- Подо мной вода! - проговорил он. - Странное место и время для приема сидячей ванны! Но зато вода! Умираю от жажды. Вот если бы она оказалась пресной!

Тотор осмотрел стенку и увидел струйку воды толщиной в палец. Он опустился на колени, приложился к ней губами, но тотчас с отвращением сплюнул.

- Фу! Так и знал, жутко соленая. Значит, я ниже уровня моря и это инфильтрация* под огромным давлением. Полезные сведения!

---

* Инфильтрация - проникновение атмосферных и поверхностных вод в почву, горную породу по капиллярным парам и другим пустотам.

Юноша вымыл лицо и руки, поплескался, смочил одежду и почувствовал себя лучше, затем спустился еще ниже, отметив, что струек становится все больше. Вода сочилась отовсюду.

- Странный вулкан, - удивился Тотор, - его огонь питается водой!

Наконец парижанин ступил на что-то вроде лестничной площадки, ниже которой зияла пустота. Насколько мог проникнуть взгляд - головокружительная пропасть в ярких огнях, над которыми вихрились клубы пара.

Все это пылало, скрывалось на время и снова возникало в разрывах облаков непрекращающейся, постоянно громыхающей грозы. Ниже площадки острыми пиками громоздились затвердевшие конусы из лавы и пемзы. А выше, в остатках старых извержений, фантастически отражались огненные сполохи.

Сама площадка состояла из одной плиты лавы, по которой, в глубоком желобе, проторенном непрестанным течением вод, бежал ручей.

- Потрясающе! Сногсшибательно! А главное, какая феерия! - воскликнул Тотор, снова присаживаясь. - И какая жалость, что видит все это несчастный бедняга, которому и жить-то осталось дня два!

Он смотрел долго, завороженный волнующим зрелищем, но мозг его неустанно работал.

- Итак, мы под водой, - рассуждал он вполголоса, - и на довольно значительной глубине. “Мы” - потому что нас двое: я и вулкан. Сейчас он кажется спокойным, хотя и ворчит, как дог на привязи, но и он когда-то яростно рычал и брызгал лавой. У вулканов прескверный характер! Так вот у моего, а я могу называть его своим по праву первооткрывателя, так вот мой, трясясь с обычной для его собратьев яростью, приподнял морское дно… Эта поднятая часть вздулась довольно высоко… Газы, выделявшиеся от чудовищного жара, прошли через плавящуюся массу и вырвались наружу… Все проще простого, и я заключаю только, что вершина и стенки укрывающего меня приподнятого свода очень тонки. Как раз эта приподнятая часть земной коры уравновешивает давление окружающей воды, поэтому она и просачивается отовсюду. Вывод: достаточно небольшого усилия, чтобы нарушить равновесие. Скажем, щели, дыры шириной всего в два метра, проделанной мгновенно в этой ермолке, прикрывающей вулкан… Какой возникнет водяной смерч, какой серо-зеленый поток хлынет в огромный пожар! Под страшным давлением воды отверстие увеличится и настоящая Ниагара обрушится в раскаленное добела пекло. Затем проявится непримиримая вражда между водой и огнем… Внезапное испарение миллионов литров… Освобождение неисчислимых сил… Взрыв свода, который лопнет под неудержимым напором скопившегося пара… А потом? Наверное, пещера будет обрезана поперек в тысяче или тысяче двухстах метрах отсюда, а остальное разлетится на куски в океане… Тут в разрыве может появиться уголок

синего неба, если только вулкан, которому наверняка не понравится душ, не рассердится по-настоящему и не разнесет все в клочья! Вот так! Хватит рассуждать! Я уже не могу больше, умираю от жажды, поджариваюсь как на сковороде. Пора сматываться отсюда!

Неисправимый балагур встал, забрал фонарь и начал трудный подъем.

- Главное, не забыть переносное солнце, - говорил он себе. - Оно же - глаз пехотинца и принадлежность Диогена*. Нужно ко всему относиться философски, ни о чем не жалеть, вооружиться мужеством, самому разобраться в жизни, минуты которой у меня отныне скупо отмерены.

---

* Диоген - древнегреческий философ Диоген Синопский (ок. 400 - ок. 325 гг. до н.э.), проповедовал отказ от житейских благ, жил в бочке и, как утверждает одна из многочисленных легенд о нем, ходил днем с зажженным фонарем, “ища человека”.

Бедный Тотор! Он действительно переоценил свои силы. Уставший от изнурительной работы последних дней, с иссушенной адской жарой гортанью, он шел с большим трудом, спотыкаясь на каждом шагу крутого подъема.

Он затратил едва ли три четверти часа на спуск к вулкану, но, возвращаясь к своему убогому лагерю, прошагал более четырех часов.

Задыхаясь, шатаясь, Тотор едва дотащился до завала, куда уже не надеялся дойти, и повалился среди своих скудных припасов.

О, с каким исступлением набросился он на бурдюк, где булькало еще несколько глотков застоявшейся воды, показавшейся ему восхитительным напитком! Но он не выпил все сразу с жадностью обезумевшего зверя, и это был настоящий героизм.

Поев немного, совершенно разбитый, он заснул у фонаря, который только что заправил.

*

Неизвестно, сколько он спал. Вероятно, очень долго: фонарь был почти пуст. Юноша потянулся, размялся, протер глаза и сказал:

- Черт побери! Неплохо же я поспал! Еще немного - и остался бы без света, а значит, пропал бы! Но зато чувствую себя лучше, чем когда бы то ни было! Очень кстати, потому что все, что осталось от сил, вскоре пригодится. А ты, мой светильник, послужи еще раз! Проглоти последнюю порцию масла, а я съем последнюю галету и выпью последний глоток воды! Все у нас кончается, и сегодня предстоит трудное дело. Да, через несколько часов все будет поставлено на карту: жизнь или смерть! А теперь - назад к вулкану, который освободит или уничтожит нас.

Наш герой подобрал динамитные шашки, рассовал по карманам, а те, что не поместились, засунул за пазуху; повесил на шею галстук из нескольких колец фитиля и водрузил на плечо лом, под который подложил вместо подушки опустевший бурдюк и сказал:

- Теперь сыграем ва-банк!

Сгибаясь под тяжестью груза, он снова направился к вулкану.

Что же задумал Тотор? Какой шаг он предпримет, чтобы вступить в игру, ставка в которой - жизнь и которая, увы, заранее кажется проигранной?

С фонарем в левой руке, придерживая лом на правом плече, он бодро отправился в путь, как человек, принявший решение и счастливый тем, что так или иначе все кончится.

Чтобы сберечь силы, парижанин шел в глубину пещеры все тем же размеренным шагом и часто отдыхал. Вскоре до него донеслись сернистые

испарения и все более усиливающийся шум.

- Вперед, - приказал себе Тотор, - все в порядке. Я совсем проснулся и нахожусь в прескверном настроении, а уж под душем так взбрыкну!

Спуск становился все круче. Тяжело нагруженный Тотор замедлил шаг и сказал:

- Как-никак я начинен динамитом, чего доброго, упаду и взорвусь до времени!

Он шел еще долго и наконец нашел то место, где морская вода сочилась из каменных стен. Остановился, подумал, пошарил в темноте и решил:

- Здесь-то и нужно действовать.

Тотор вынул заряды и отложил их подальше, потом подошел к стене и с помощью лома и фонаря тщательно изучил ее. У самой земли он заметил длинную щель, похожую на подпечье. Парижанин пролез туда на животе и определил, что она более чем на три метра уходит в толщу скальной стены. В восторге от находки, он выполз обратно, шепча:

- Удача! Прямо-таки нарочно сделано. Настоящая взрывная скважина. Это избавит меня от тяжелой работы. Осталось только начинить ее и заткнуть.

Как умелый взрывник, юноша осторожно заложил динамитные шашки в глубину выемки на расстоянии двадцати пяти сантиметров друг от друга и засыпал шлаком. Так были размещены четырнадцать шашек, пятнадцатую Тотор оставил для фитиля: ее взрыв вызовет детонацию всех остальных.

Работа, выполненная с удивительным хладнокровием, заняла три четверти часа. Когда шашки были хорошо завалены обломками и шлаком, Тотор приладил фитиль и вывел его наружу.

Подготовка закончена. Но чтобы быть уверенным, что взрыв пойдет в нужном направлении, он отколол ломом большие куски камня, собрал обломки и плотно заложил ими взрывную камеру.

Вулкан тем временем ворчал и оглушительно громыхал. Парижанин

закричал ему:

- Ну, погоди немного, зверюга! Ты, наверное, хочешь пить. Подожди, я тебя напою!

Камера плотно заложена, фитиль на месте. Наступил торжественный миг.

Тотор вытер лицо и посмотрел на жалкий огонек в фонаре, который вызовет ужасную катастрофу.

Несмотря на бесспорную храбрость, он не мог сдержать биения сердца, которое прямо-таки выскакивало из груди. Его одолевали сомнения:

- Пятнадцать шашек. Хватит ли их, чтобы пробить стену и обрушить море в огненную пропасть? Приходится надеяться! Но не время мямлить и заниматься пустяками. Вперед, Тотор!

Смельчак открыл фонарь, поднес пламя к фитилю и воскликнул:

- Готово! Он будет гореть десять минут, пора удирать, да побыстрей!

Закрыв фонарь, Тотор кинулся прочь во всю прыть, повторяя:

- Десять минут, я успею!

Истекло едва ли четыре минуты, когда ужасный взрыв потряс стены пещеры и заглушил голос вулкана…

Через несколько мгновений судорога землетрясения, сопровождаемая следующими один за другим взрывами, рвала землю в клочья, обрушивала своды и постепенно откатывалась вдаль грозовыми раскатами и грохотом извержения.

ГЛАВА 3

Горечь плена. - Неожиданный визит. - План Алекса. - Счастливые обрученные. - Герой! - Освободиться! - Сюрприз. - Расправа. - Наконец хозяева распоряжаются на борту. - Удачная пулеметная очередь. - Отомщены! - Новые враги. - Волны из глубин. - Извержение. - Тот, кого не ждали.

На “Моргане”, по-прежнему стоявшем на якоре среди рифов, жизнь была ужасна. Нет, Меринос, Нелли и преданная Мэри ни в чем не испытывали нужды. Их обильно снабжали всем необходимым для существования. Но дни, которые отделяли друзей от роковой даты платежа, бежали неслыханно быстро, и несчастные дети короля шерсти со страхом считали, сколько остается до назначенного бандитом срока. Их мучил вопрос, смогут ли родители собрать нужную сумму для ненасытного Дика Сеймура.

О Тоторе никаких известий.

Сперва еще теплилась надежда, что мистер Дик пощадит их друга. Но время шло, и понемногу братом и сестрой овладела ужасная уверенность, что они не увидят больше славного малого.

Эта мысль отравляла им жизнь. Гарри был неутешен, сердце Нелли обливалось кровью.

Перед нею постоянно возникал храбрый, неизменно веселый Тотор, обволакивал ее добрым, ясным взглядом с немой, нежной лаской. Иногда очертания словно размывались, большие светлые глаза со стальным отблеском тускнели и пропадали, и девушка безудержно плакала, уверенная в потере дорогого друга, в котором уже видела неразлучного спутника жизни.

А Мэри не находила себе места с того часа, когда увидела своего жениха Алекса пьяным, опустившимся, спевшимся с бандитами, сообщником которых он стал.

Верная канадка, видя, что надежды ее погибли, любовь поругана, а будущее разбито, плакала вместе с юной хозяйкой, и столь же безутешно.

О да, такая жизнь ужасна для всех троих!

К тому же все напоминало им о плене: “Морган” стал настоящей тюрьмой. Друзья не только не могли подняться на палубу, им даже запрещено было покидать каюты.

В определенное время узникам приносили еду. Но человек каждый раз был новый, а ни один не проронил ни слова: говорить с пленниками прислуге было строго запрещено. Конечно, они дышали свежим морским воздухом через широко открытые иллюминаторы, но не могли выйти даже в коридор.

Совершенно как в тюрьме.

Судовой колокол только что пробил шесть утра. Моряки заступили на вахту.

- Ну вот, сегодня двенадцатый день! - с содроганием сказал себе Меринос. - Завтра - конец.

В эту минуту на корабле началась суматоха. Палубу сотрясали беготня, тяжелый топот, скрипели шкивы, перекликались голоса. Затем послышалась короткая команда и дружный всплеск весел: отчалила и удалялась тяжело груженная шлюпка.

Прошло несколько минут, и в дверь каюты на корме, где были заключены подростки, трижды постучали.

Мэри, которая находилась в первой комнате, служащей одновременно прихожей и столовой, громко ответила:

- Войдите!

Дверь открылась, и пораженная канадка отступила на шаг, увидев перед собой Алекса.

Боцман нес под мышкой длинный сверток в парусине, кажется, очень тяжелый. Мэри, не видевшая его с тех пор, когда бывший жених так недостойно повел себя на палубе, вытаращила глаза от изумления.

Алекс твердо держался на ногах и, глядя прямо в лицо Мэри, улыбался ей во весь рот. К тому же он был аккуратно одет, подбородок чисто выбрит, крепкие руки ухожены, короче, это был тот самый безупречный матрос, которого она любила в счастливые дни их обручения.

- Здравствуйте, Мэри, - вежливо приветствовал он девушку. - Все в порядке?

Мэри не могла прийти в себя. Помня подлое предательство этого сообщника бандитов, оскорбления, которыми он ее осыпал, девушка воскликнула с гневом и презрением:

- Вы! Это вы, негодяй, трус, пьяница, предавший любовь и честь!

Алекс рассмеялся.

- Браво, дорогая моя Мэри, браво! Продолжайте в том же духе, не щадите меня!

- Разбойник, пират!

- Вот-вот, великолепно! Кричите громче, главное - чтобы вас хорошо услышали!

- Что все это значит?

- Ваш голос далеко слышен. Важно, чтобы негодяи из экипажа знали, как хорошо вы думаете обо мне.

- Трус! Вы еще смеетесь надо мной!

- Да ни в коем случае!

- Что же вам надо?

Он закрыл за собой дверь и положил на стол сверток, в котором звякнуло что-то металлическое.

- Ничего особенного, я хочу, чтобы вы позволили мне встретиться с мисс Нелли и мистером Гарри.

- Уходите! Убирайтесь отсюда! Вы им так же отвратительны, как мне!

- Это не важно… вот увидите. Повторяю: мне необходимо поговорить с нашими молодыми господами.

- Как вы сказали “нашими молодыми господами”?

- Да, попросите их безотлагательно принять меня, потому что время бежит, а у меня всего десять минут. Слышите - десять минут! Но они стоят ста миллионов долларов и от них зависит жизнь мисс Нелли, мистера Гарри, ваша и моя тоже, в конце концов! Скорей, скорее же!

Привлеченные криками, брат и сестра выбежали из своих комнат и тоже застыли в недоумении.

Алекс почтительно приветствовал их:

- Здравствуйте, мисс Нелли, здравствуйте, мистер Гарри! Прошу вас ничему не удивляться, главное - не терять времени на объяснения, потом все поймете. Дело в высшей степени срочное, как я уже сказал Мэри, речь идет о жизни и смерти всех нас.

- Говорите, Алекс, мы вас слушаем.

- Вот, мистер Гарри, в этом свертке три карабина винчестер, три револьвера “смит-и-вессон” и сто патронов. Вы раздадите оружие, когда я выйду, зарядите его и…

- Но зачем эти карабины и револьверы? - спросил удивленный Меринос.

- Чтобы захватить, точнее, вернуть себе “Морган”, мистер Гарри!

- Как, втроем?

- God bless! Вчетвером, мистер Гарри! Сейчас на борту всего десять человек, считая меня, остальные только что отправились на берег.

- А Дик Сеймур, главарь?

- Его ждут только завтра.

- Ах да, завтра, - вздрогнул Гарри.

- Значит, сегодня настал час, тот самый, которого я так терпеливо ждал! Вчетвером мы устроим большую уборку на корабле и уничтожим негодяев. Они ничего такого не ждут, это будет легко, вот увидите! О, если б мистер Тотор был с нами!

- Вы ничего не знаете о нем, Алекс?

- Нет, мистер Гарри. Мы еще поговорим об этом позже, когда завладеем кораблем.

- Но у вас есть надежда? - прервала его Нелли трепещущим голосом. - Скажите же мне, Алекс, умоляю, скажите!

- Да, мисс Нелли, возможно… Я знаю, куда его заточили. Но позвольте мне уйти! И ждите вскоре сигнала, это будет выстрел из карабина и команда: “К оружию!” Тогда выходите все вместе и стреляйте в эту свору. Главное, никакой жалости!

- О нет, никакой жалости! - свирепо повторил Гарри и добавил:

- Алекс, еще слово. Мы всерьез поверили, что вы против нас с негодяем Диком. Простите. Вашу руку, дорогой Алекс!

- Good by. Так нужно было, мистер Гарри! И это значит, что я хорошо сыграл роль разбойника и пьяницы, это я-то, который никогда не пил ничего крепче чая!

- Алекс, дорогой мой Алекс, - Мэри со слезами на глазах протянула ему руки, - вы герой!

- Дорогая Мэри, это слишком сильно сказано. Я просто честный малый, верный своему долгу и хозяину, любящий свою невесту… До свидания, я убегаю!

Бравый моряк бросился к двери и пересек коридор, чтобы взбежать по ступеням, ведущим на палубу, но натолкнулся плечом на человека, который подслушивал, а теперь кричал, чертыхаясь:

- Негодяй! Ты разговаривал с пленниками, я слышал! Дик запретил это под страхом смерти, и тебя это касается больше, чем других. Я прикажу заковать тебя в кандалы. Пусть Дик решает твою судьбу!

Этот человек был душой и телом предан Дику Сеймуру. Зная его силу и решительность, Алекс испугался, однако попытался заговорить бандиту зубы, чтобы выиграть время и дать пленникам возможность приготовить оружие.

- Но, - лгал он, не краснея, - я пошел к мистеру Гарри и его сестре по приказу самого Дика…

- Наглая ложь! А потом, что это за сверток ты отнес туда?

- Подарок Мэри, моей бывшей невесте.

- Не похоже. Но мы еще проверим. Марш вперед, иди передо мной и без фокусов!

Видя, что все потеряно, Алекс побледнел, но его голубые глаза сверкнули. Покорно повернувшись, он незаметно сунул руку в карман куртки, куда положил на всякий случай револьвер.

Противник заметил это движение, отскочил назад, поднес к губам свисток и оглушительно засвистел. Поздно! Быстрый, как мысль, Алекс выхватил револьвер, взвел курок и молниеносно разрядил обойму в бандита. Алекс целил под ложечку, как все американцы, - промахнуться невозможно. Человек взмахнул рукой, пошатнулся и упал ничком.

- К оружию! - громовым голосом закричал Алекс. - Уничтожим всех!

Встревоженные свистком, грохотом выстрела и криками боцмана, пираты сбежались на палубу. Восемь человек появились из носового трюма и центрального люка, стараясь понять, откуда шум. Все эти разбойники были крепко скроенные кровожадные гиганты, но при них не было никакого оружия, кроме ножей, к тому же полупьяные, они не могли сообразить, что происходит.

Открылась дверь каюты пленников, и появился Меринос с карабином на изготовку. Нелли и Мэри храбро шли за ним, всматриваясь в грязную орду

матросов, которые выли и метались в двадцати шагах.

Алекс вновь поднял револьвер и разрядил его в толпу, крича:

- Огонь! Пли!

Грянули четыре выстрела, засвистели пули, палуба огласилась отчаянными воплями и предсмертным хрипом. Стрельба продолжалась.

За тридцать секунд все бандиты были уложены, палуба окрасилась кровью. Некоторые еще дергались в последних конвульсиях и просили пощады.

- Алекс, Гарри! Пощадите их! - вскричала Нелли, которой овладела жалость. - Их уже можно не бояться, они могли бы вылечиться и раскаяться… Да… пощадите их!

Меринос зловеще ухмыльнулся.

- Оказать милость негодяям, которые убили капитана Гаррисона и капитана Роуленда, и доктора, и механика, и весь экипаж, и, может быть, моего бедного друга Тотора! Разве щадят раненого тигра или волка? Нелли, Мэри, идите к себе, прошу вас, теперь это наша забота! Вы поняли, Алекс?

- Да, мистер Гарри! В море их, никаких полумер!

Чувствуя, что произойдет нечто ужасное и неизбежное, девушки скрылись в столовой. Как только они ушли, мужчины, не сговариваясь, бросились к пиратам. Подхватили за голову и ноги первого попавшегося и бросили в море.

Бледные, стиснув зубы, дрожащими руками они выполнили свой ужасный долг, беспощадно выкидывая за борт и мертвых и живых. В десять минут страшная, но необходимая работа была закончена. Море сомкнулось над трупами хищников.

Гарри, взволнованный, окровавленный, воскликнул, крепко пожимая руку боцмана:

- Наконец-то мы стали хозяевами на борту, как когда-то, и все это благодаря вам, Алекс! Теперь мы друзья до гробовой доски!

- Не будем об этом, мистер Гарри, тем более что самое трудное еще впереди. И время не ждет.

- Да, конечно, дорогой Алекс. Но мой долг - выразить вам свою признательность, что я и делаю с удовольствием.

- Вы слишком добры, мистер Гарри! Видите ли, я совершенно счастлив, что пока все идет хорошо. Я ужасно боялся, видя, что дни проходят, а случая восстать и завладеть кораблем все никак не представляется. А теперь, повторяю, время не ждет!

- Да, есть куча важных дел, одно срочней другого… вытащить корабль отсюда, а нас всего двое, чтобы работать у топки, с парусами и у штурвала… Это первая непреодолимая трудность… Или же нам придется покинуть “Морган” на шлюпке и немедля приняться искать Тотора…

- Вы забыли еще более срочную вещь, мистер Гарри.

- Нет ничего более святого, чем попытаться спасти моего друга.

- Более святого - нет, а вот более срочное - есть!

- Что же это такое?

- Защищаться от негодяев, которые спешат к нам на шлюпке! Они услышали выстрелы и, едва достигнув берега, повернули назад к “Моргану”, вон они, среди рифов… шлюпка вертится, танцует… они вооружены… минутку!

- Куда вы, Алекс?

Боцману было не до объяснений. Одним прыжком он добрался до пулемета, укрепленного чуть впереди мостика, сорвал с него просмоленный кожух, склонился, прицелился, снова выпрямился и, не глядя уже в прицел, положил руку на спусковую гашетку.

Он медленно повернул ствол, и сухие хлопки выстрелов защелкали по

освещенным солнцем волнам: тра-та-та-та!

Летящие одна за другой пули градом сыпались в лодку, превращая ее в решето, пробивали борта, дно, обшивку, уничтожали перепуганный экипаж.

- Вот что я делаю, мистер Гарри, - спокойно ответил боцман, - как из шланга поливаю!

Расстрелянная шлюпка, продырявленная во многих местах, остановилась, покачалась с кормы на нос, с борта на борт и пошла ко дну вместе с мертвыми и живыми. Лишь слабые крики долетели до корабля.

Вся операция длилась не более минуты.

- Браво, Алекс, браво, дорогой! - кричал Меринос, счастливый тем, что удалось избежать новой смертельной опасности.

- Гром и молния! Вот это возмездие! Пойдем успокоим Нелли и Мэри.

- Чуть позже, мистер Гарри! Хотя я вовсе не хочу командовать вами.

- Что там еще, Алекс?

- Взгляните сами и увидите, что из нас двоих никто лишним не будет.

Вдали, за высоким мысом, появился султан дыма, а под ним - нечто темное, движущееся с огромной скоростью.

Это нечто, напоминающее акулу, Гарри узнал по белому навесу, который сливался с пеной волн. Юноша яростно закричал:

- Паровой катер! Чертова посудина! И набит людьми! Откуда они взялись?

- Это резерв, мистер Гарри, и он наделает нам хлопот! Потребуется пушка, а она поднимет тревогу далеко вокруг.

- Ну и пусть! Топить их, Алекс, топить!

Боцман сорвал с пушки просмоленный чехол:

- Орудие готово, я сам зарядил его ночью, чтобы смести всех с палубы в случае неудачи. Я буду стрелять с близкого расстояния, шрапнель разобьет машину и всю корму.

- Вы уверены, что попадете, Алекс?

- На таком расстоянии промахнуться невозможно. Да вы сами увидите.

Моряк склонился над орудием, навел его так же, как пулемет, и выпрямился, готовый обрушить на врага ураган огня.

Но катер двигался в рифах зигзагом, попасть в такую мишень было нелегко. Алекс напряженно выжидал со шнуром в руке, готовый резко натянуть его, чтобы выстрелить, но тут ужасный удар сбил его с ног.

С невероятным хладнокровием он отпустил шнур и крепко выругался:

- Hell damit! Неужели торпедная атака?

Тот же удар опрокинул и Гарри. Спотыкаясь, он пытался встать. “Морган” взбрыкивал кормой, натягивал якорный канат, дергался от страшного давления внезапно возникшей донной волны.

В этот момент растерянные Нелли и Мэри, стараясь удержаться на ногах, вышли из каюты и подбежали крича:

- Что такое? Мы тонем?

- Держитесь хорошенько! Еще не кончилось!

Девушки вцепились в планшир* мостика в ожидании нового удара. И вовремя! Вторая волна поднялась из глубин, пенилась, росла, встряхнула корабль и рассыпалась в водовороте. Все море казалось огромным кипящим котлом, а из глубин морских шли ужасные звуки, похожие на раскаты грома.

---

* Планшир - деревянный брус с округленными кромками, ограничивающий фальшборт в верхней части.

Алекс обвился вокруг лафета орудия. Гарри железной хваткой вцепился в бакштаг* фок-мачты. Предвидя новый натиск волн, они кричали девушкам:

____

* Бакштаг - снасть для крепления судовых мачт.

- Держитесь!

Неподалеку от катера, который крутился, потеряв управление, возник огромный столб пара, за которым вырвался длинный язык пламени и тут же погас. Раздался мощный взрыв, сопровождаемый выбросом осколков, они сыпались, как при извержении вулкана.

И тут же третья волна, еще более высокая и быстрая, поднялась из обезумевшего моря. Она встряхнула яхту, как буек, обрушилась на палубу, прокатилась по ней от края до края, сметая все, и стекла в море…

Удивительное дело, эта волна катила тело недвижного, оглушенного человека. Из носа его и рта текла кровь, а оцепеневшая рука сжимала ручку корабельного фонаря.

Выброшенное на палубу тело оказалось у ног Нелли, державшейся за люк большого трапа. Пораженная девушка всмотрелась и испустила крик, который потряс Гарри:

- Тотор! О, Боже, Тотор!

ГЛАВА 4

Внезапный выход, неожиданное прибытие. - Как действовал Тотор. - Радость и горе. - Надежда и печаль. - Жив! - Серия чудес. - Сели на мель. - После возвращения к жизни. - Благодарность. - Что делать? - Завтра! - Неосуществимый план. - “Морган” обречен.

Обнаружив подводный вулкан, Тотор задумал необыкновенный, потрясающий и, надо сказать, отчаянный план: дать морским водам одним броском достичь раскаленного пекла.

Не без оснований парижанин считал, что пар, возникший от соприкосновения воды и огня, создаст неодолимое давление, которое взорвет всю погруженную в воду часть подземелья и обрежет в месте выхода в море пещеру, в которой он был заточен.

Просочившаяся влага подсказала ему, что естественный купол, под которым на невероятной глубине содрогался вулкан, был небольшой толщины, и у Тотора возникла гениальная идея взорвать этот купол. Вот для чего он решил использовать найденные во время раскопок невзорвавшиеся динамитные шашки и проделать в подводном куполе брешь.

Юноша заминировал ту часть, которая показалась ему потоньше, и поджег фитиль.

Тотор полагал, что фитиль будет гореть целых десять минут, прежде чем воспламенится заряд, - за это время он рассчитывал добежать до той части пещеры, которая не находилась под водой.

К несчастью, расчет оказался неверным - фитиль горел всего четыре минуты.

Освещая путь неразлучным фонарем, парижанин, согнувшись, быстро взбирался по кускам пемзы, которые скрипели и рассыпались под его подошвами.

- Вперед, рысью, старина Тотор, - подгонял он себя. - Рысью! А то будет жарко!

Земля задрожала, и взрыв потряс все, что находилось под водой. Резкий порыв воздуха толкнул юношу в спину, страшный грохот прокатился по подземелью.

Шум водопадов, гудение пламени, непрекращающиеся взрывы газа, треск терзаемой земли, вой вырывающегося из глубин и ищущего выход пара - все слилось в оглушительный грохот, сопровождающий великие катаклизмы.

Тотор оцепенел. Сила и воля были парализованы. Он уже ни на что не реагировал. В ушах звенело, глаза замутились, дыхание стало прерывистым, кулаки конвульсивно сжались, благодаря чему фонарь, который стал светить ярче, остался в руке.

Юноша испытывал тягостное ощущение человека, оказавшегося в слишком тесном помещении, где его толкают, мнут, сжимают до потери сознания.

Уже изнемогая, теряя последние силы, он хрипел:

- Пары и газы… давят снизу. О, этот сжатый воздух рвет меня на куски! Все удалось, вулкан затоплен, он взорвется, но слишком рано… Ты пропал, бедняга Тотор!

Ему казалось, что прошли часы, а на самом деле буря разразилась всего минуту тому назад.

Давление паров все возрастало, грохот усиливался. Земля дрожала и трещала в глубинах, верхние слои рассыпались, а взрывы звучали страшными раскатами.

Наконец давление снизу на купол вулкана стало сильнее давления моря сверху. Корка, образованная продуктами прежних извержений, разом

обрушилась и, поднятая паром, взлетела, опрокинулась, но сжатый воздух, находившийся под нею, освободился и устремился вверх из глубины растревоженных вод.

Заключенный в этой воздушной подушке, как насекомое или микроорганизм, Тотор взлетел, пересек огромную донную волну, которая еще более ускорила подъем. Она яростно встряхнула его, ворвалась на палубу стоящего на якоре судна, и с шумом откатилась.

Судно это - “Морган”, черт возьми! Как мы уже говорили, Тотор растянулся у ног своей подруги Нелли, вцепившейся в планшир у капитанского мостика. Девушка испустила крик, в котором смешались испуг и радость.

Да, посрамив все опасения и превзойдя надежды, именно Тотор явился вдруг из морских глубин.

И это не удивило Нелли, настолько ее мысли были упорно связаны с Тотором, а ее горячие мольбы взывали о чуде.

Чудо произошло, только и всего! Даже не вспомнив, что судно в опасности, а новая волна может снести ее в море, Нелли бросилась к юноше, опустилась на колени, подняла его голову и ужаснулась, чувствуя, как болтается голова в ее дрожащих руках. Сердце девушки сжималось от страха, когда она всматривалась в закрытые глаза, бледные щеки, сжатые губы.

- Тотор, друг мой, посмотрите на меня! Услышьте меня! - всхлипывала Нелли.

Бедный юноша по-прежнему не смотрел, не дышал, не шевелился. Гарри и Алекс осторожно ощупывали Тотора, неловко, но преданно пытаясь оказать ему помощь.

Тревога сжала сердце Гарри перед этим по-прежнему недвижным телом. Ужасная мысль о непоправимом пронзила его, крупные слезы выползли из-под ресниц.

- Неужели он действительно мертв? - со страхом проговорил он. - Нет, это невозможно! Тотор не может умереть вот так!

- Бедный мистер Тотор, - в голосе боцмана слышалось сострадание, - ему так худо! Однако кровь течет. Это хороший знак, если течет кровь!

- Да, верно! Ведь так, Алекс? - с надеждой отозвался Гарри.

Нелли все еще всхлипывала и взывала надломленным голосом:

- О Боже, ты совершил чудо. Соверши же еще одно - воскреси его! О Боже, умоляю тебя!

Она судорожно обнимала бедную голову, ища в застывших чертах хоть малейший признак жизни, и ощущала в душе ужасную пустоту, в которой тонула радость былых времен, краткое счастье и нежно вынашивавшаяся мечта о светлом будущем.

Гарри совсем потерял голову. Алекс и Мэри переворачивали все в каютах в поисках лекарств и ничего не находили. Да и к чему лекарства? Без медицинских знаний они могли стать опаснее, чем сама болезнь!

Короче, души этих смелых и преданных людей поглотило смятение и отчаяние перед лицом неожиданных горьких испытаний.

Но это длилось недолго. Мучительный кризис миновал.

Если сверхчеловеческая воля иногда способна совершать чудеса, то какую почти беспредельную мощь могут обрести соединенные усилия энергий двух существ, действующих ради одной и той же цели!

У Тотора, терявшего сознание и чувствовавшего, что умирает, последняя мысль была о подруге, милое лицо которой явилось ему в ту минуту, когда все вокруг гибло. Одно желание завладело его душой: “Освободиться, выжить и найти Нелли… уже навсегда!”

А Нелли, чудом обретя вновь своего друга, сосредоточилась на единственной цели: оживить его.

- Это необходимо. Я хочу, чтобы он пришел в себя. Я хочу, чтобы он слышал меня, видел, говорил со мной.

И эти две энергии, таинственно соединенные вместе, сказались на

физическом состоянии умирающего: чуть порозовели бледные щеки, едва уловимый вздох всколыхнул его грудь, и легкая дрожь пробежала по коже.

- Он жив, - воскликнула преобразившаяся девушка, - жив! Смотрите, Мэри! Смотрите, Алекс, смотри, Гарри, он жив! Я знала, чувствовала! Тотор, дорогой мой Тотор, вы снова с нами!

Веки Тотора медленно приподнялись, и его голос, тихий, бесконечно нежный, как у ребенка, ответил:

- Мисс Нелли! Да, к вам я взывал из глубин. О, дорогая Нелли, я вас слышу, вижу… и счастлив, как никто в этом мире! Наверное, это сон, прекрасный сон, в который хорошо бы погрузиться навсегда! О, умереть вот так, рядом с вами. Не просыпаться в пещере без воздуха, света, надежды, в ужасной могиле, в аду! А здесь, рядом с вами, под солнцем, которое я уже не надеялся увидеть…

Девушка долго смотрела на него не отвечая, угадывая ужасные муки, через которые прошел ее друг, боясь слишком резкого возвращения его к чудесной реальности.

Она склонилась над Тотором и осторожно пыталась остановить платком кровь, которая текла из ран на лице и ссадин на губах, а Меринос, Алекс и Мэри сгрудились возле них в порыве безумной радости.

- Он бредит, - воскликнул Гарри, - но он жив, и мы его спасем! Алекс, перенесем его на мою кровать…

Резкий толчок не дал юноше договорить. Все четверо чуть не упали. Судно, болтавшееся на якорной цепи, внезапно остановилось и дважды вздрогнуло.

Боцман в тревоге закричал:

- Беда! Мы сели на мель!

- Не может быть!

- Но это так, мистер Гарри! Слышите, киль скребет по твердому дну, а совсем недавно до дна здесь было далеко.

- Да, извержение подняло его. Тут мы бессильны. Но сейчас не до этого. Меня интересует лишь Тотор, остальное не имеет значения!

- Да, вы правы, мистер Гарри. Прежде всего - ваш друг, не так ли? А я пойду взгляну, что можно сделать. Прямо не знаешь, над чем прежде голову ломать.

Действительно, извержение вулкана, буйство морской стихии, фантастическое появление парижанина - все было так неожиданно и необычайно, что осмыслить сразу было невозможно.

От толчка судна Тотор вздрогнул и услышал слова, произнесенные незнакомым грубоватым голосом: “Мы сели на мель!” Юноша начал приходить в себя. Конечно, он был разбит, истерзан, но боль понемногу возвращала его к жизни. Рассеянный мутный взгляд заметался, оживился, остановился на Нелли.

Он увидел улыбающуюся, счастливую, преобразившуюся девушку и воскликнул крепнущим голосом:

- Мисс Нелли, значит, это правда! Я жив, и вы рядом со мной!

- Да, дорогой Тотор, это просто чудо, что-то неслыханное, невероятное! Вы явились к нам из глубин морских!

- Все так! Прыжок в воду, только наоборот, вверх и через вулкан.

Нелли нервно рассмеялась и повторила, счастливая:

- Через вулкан! Вы и на такое способны! А что вы делали в вулкане?

Он ответил с великолепным апломбом*, который мало-помалу возвращался к нему:

____

* Апломб - самонадеянность, чрезмерная самоуверенность (в обращении, разговоре).

- Я искал вас с фонарем. Вот и доказательство, держите. Вот он - сувенир, тотем*, оберег, амулет, который я захватил с собой из преисподней. О, Боже, как это далеко и глубоко! Меринос, старина, как дела? Вот мы и снова встретились! Что скажешь?

____

* Тотем - какой-либо предмет, животное, растение, явление природы, которому поклоняются как родоначальнику племени.

- Тотор, друг мой, я счастлив, даже не знаю, что и сказать. Прямо с ума схожу! Но как ты здесь очутился?

- А вы сами как оказались на “Моргане”? А где те, что им распоряжались?

- Сразу не расскажешь.

- Мне тоже трудно… Слишком долго…

- Нужно попить и поесть! Ты, должно быть, очень ослаб.

- Не слишком! Прежде всего мне требуется другое.

- Что же?

- Вода и мыло, чтобы хорошенько помыться, одежда и белье, чтобы сменить свои обноски.

- Сейчас мы с Алексом отнесем тебя.

- Ни в коем случае! Я сам побегу вприпрыжку, как зайчонок! Вот так!

Тотор вскочил на ноги, но слишком понадеялся на свои силы. Едва выпрямившись, он пошатнулся и чуть не упал - Нелли с братом очень вовремя подхватили его под руки и удержали в вертикальном положении.

Через две минуты он уже плескался в ванне под внимательным присмотром Гарри, который, как брат, не оставлял его ни на минуту.

Закончив туалет, Тотор бодро принялся за еду. В охотку уплетая припасы, парижанин позволил себе полстакана вина и принялся вдохновенно рассказывать о своих необычайных приключениях.

От усталости и недомоганий не осталось и следа - уверенный в себе француз, похоже, был скроен из стали.

Гарри, его сестра и Мэри, вздрагивая от волнения, слушали, а боцман тем временем внимательно осматривал трюм, чтобы проверить состояние обшивки.

- Чем же это кончилось? - спросил Гарри, когда рассказ стал подходить к завершению.

- Тем, что все мы встретились, - уже неплохо. Я бы добавил только, что есть в моей истории одна загадка.

- Какая?

- Стальной лом. Своим спасением я обязан этому инструменту и отдал бы жизнь, новенькую мою жизнь, которой так дорожу, чтобы увидеть того, кто сознательно кинул его в мою сторону.

В этот момент Алекс поднялся из трюма. Несомненно, осмотр обшивки был удовлетворительным, ибо бравый боцман весело насвистывал свой любимый мотив: “Светлый ручей”.

Заслышав знакомые звуки, Тотор вскочил с криком:

- Алекс, дорогой мой Алекс, только один вопрос!

- Да хоть сто, если угодно, мистер Тотор.

- Вы были там, в пещере, когда муровали стену?

- Да, мистер Тотор.

- И это вы оставили мне лом?

- Конечно. Жаль только, что не мог сделать больше, но я думал, что такой удалец, как вы, сможет воспользоваться подарком и выкрутиться. Ведь так и случилось.

Тотор встал, схватил обе руки канадца, сжал их и, с увлажнившимися глазами, дрожащим голосом сказал:

- Алекс, вы спасли мне жизнь! Теперь мы друзья до гроба!

- Я то же самое сказал ему несколько часов назад, и тоже от всего сердца. Он спас нас всех, - прервал Меринос.

- Да, друг мой, Алекс - наш общий благодетель, - продолжал юноша, а Мэри послала долгий, восхищенный, нежный взгляд бравому, простому и такому замечательному моряку.

Смущенный Алекс что-то бормотал, не зная, как избежать уверений в бесконечной признательности. Храбрец из храбрецов хотел бы скрыться, провалиться под палубу, предпочел бы подставить вздымающуюся от волнения грудь урагану или ружейному залпу. Лицо его светилось доброй, застенчивой улыбкой.

- Господа, вы меня хвалите… вы меня простите, если… не умею выразить радость… счастье, которое сейчас испытываю… Ваша драгоценная дружба - лучшая награда для меня. Вот что я хочу сказать: не буду по-настоящему счастлив, пока вы не окажетесь свободны, целы, невредимы и ничто не будет вам угрожать. К сожалению, до этого еще далеко.

- Совершенно справедливо, - сказал Меринос, - события сменяют друг друга с такой быстротой и неожиданностью, что нам до сих пор физически не хватает времени, чтобы обсудить, что мы делаем или должны делать.

Мы не смогли ни поговорить, ни сговориться, ни выработать план и даже не знаем, где находимся!

- Около мыса Каффура, недалеко от точки, где сто тридцать третий от Гринвича меридиан пересекает четвертую южную параллель. Как видите, мы среди рифов, а земля совсем близко. Пещера, в которой был замурован мистер Тотор, выходит наружу с другой стороны. Я и не знал, что она продолжается под водой.

- Каков же был ваш план, дорогой Алекс?

- Войти в доверие к экипажу и Дику Сеймуру, при первой же возможности завладеть судном и с вашей помощью постараться выручить господина Тотора. Сделав это, мы могли бы вернуться на “Морган”, оставленный на волю волн. Помаленьку развели бы пары, выбрались бы кое-как отсюда и высадились на голландском острове Серам, лежащем на запад от нас, не дальше ста пятидесяти миль. К несчастью, случай, которого я так ждал, все не представлялся, а дни шли…

- Ох, даже в дрожь бросает. Только подумайте, завтра последний срок, назначенный негодяем Диком! Ей-богу, мои уши висят на волоске!

- Но где он, этот подонок? - прервал его Тотор. - Я бы хотел свести с ним кое-какие счеты.

- Не знаю, мистер Тотор. Да и кто может похвалиться, что знает про отъезды и приезды этого чудовища? Хоть бы догадаться, где его убежище!

- Вы его давно не видели?

- Порядочно, но его отсутствие ничего не меняет, все работают и без него. Будьте уверены, мы увидим мистера Дика раньше, чем хотели бы, кто знает, может быть, через час, может, через десять, но завтра он наверняка появится!

- О каких бы счетах ни говорил Тотор, не хотелось бы встретиться с ним здесь, - решительно произнес Гарри. - Скажите, Алекс, вы сможете провести судно через тысячи рифов?

- Нет ничего проще! У меня есть карта, а с нею я готов пройти где

угодно.

- В таком случае, все в порядке. Врагов не видно, катер пропал, потонул в водовороте вместе с экипажем, море спокойно. Что нам мешает отплыть?

- Господа, и я бы того хотел, но это невозможно.

- Как это - “невозможно”?

- Вы забыли, что мы сели на мель! “Морган” встал на киль… Это целая гора железа и дерева. Потребуются мощные буксиры, много людей, чтобы разгрузить судно и сняться.

- А иначе?

- А иначе - здесь, в море, посреди рифов, и будет его могила. Ничто другое не вырвет яхту отсюда!

ГЛАВА 5

Дикие животные очень любопытны. - Неожиданное появление мадам Жонас. - Она тоже любопытна. - Доброжелательный осмотр. - Загадочная попытка мэтра Тотора. - Канат, малый якорь и ялик. - Обед и сон кита. - Необыкновенная ловля на удочку.

Все дикие животные невероятно любопытны. Когда они оказываются рядом с непривычными предметами, их охватывает неукротимая любознательность, зачастую доводящая до беды.

А те, которые притерпелись уже к цивилизации, гораздо менее впечатлительны. Они с презрением или просто равнодушно проходят мимо необычного, как будто своими примитивными мозгами думают примерно так: “Тьфу, мы и не такое видали!” Ничто их не возмущает и не привлекает, тогда как самые подозрительные и самые нелюдимые порой

забывают всякое благоразумие и страх.

Так, стадо из пяти жирафов собралось, чтобы посреди огромной равнины полюбоваться вблизи доктором Ливингстоном в красной фланелевой рубашке, который брился перед зеркалом, укрепленным на повозке.

Знаменитый охотник Болдуин видел, как к сушившемуся на кусте английскому флагу подошел носорог. Конечно, толстокожее животное ничего не знало ни о Старой Англии, ни о ее славной эмблеме. Лагерь был совсем близко, но носорог долго стоял, словно завороженный, а потом не торопясь удалился. Болдуин не тронул его.

Английский майор Левесон, друг Бомбоннеля*, охотился в Индостане**. Он любил удобства и возил с собой большую свиту, в том числе повара со всем необходимым снаряжением и припасами. Однажды повар устроился в лесу, повесил кухонную посуду на протянутые между деревьями веревки и затопил походную печь.

---

* Бомбоннель - известный французский охотник на крупных хищников.

** Индустан (Индостан) - полуостров между Аравийским морем и Бенгальским заливом Индийского океана.

Неожиданное зрелище - белый человек, хлопочущий среди блестящих предметов, - привлекло стадо слонов.

Оторопелые, будто загипнотизированные, они подошли с поднятыми вверх хоботами, хлопая ушами, почти касаясь кулинарного капища*, а его служитель, ни жив ни мертв, не решался даже пошевельнуться. Слоны неспешно исследовали странные предметы, а затем, когда их любопытство было удовлетворено, удалились, не причинив вреда.

---

* Кулинарное капище. - Капище - место жертвоприношений у язычников. Буссенар употребляет выражение иронически, обозначая таким образом место, где готовят еду, то есть “приносят жертвы” желудку.

Примеры можно множить до бесконечности, их немало в рассказах самых правдивых авторов.

У обитателей морей любопытства не меньше, чем у сухопутных животных, если не больше. Никто не избавлен от него, все - большие и маленькие, от сардинки до кита - отдают дань.

…Вблизи “Моргана”, недвижно стоящего среди бурунов, вдруг образовался водоворот. Под ярким солнцем экватора, обжигающим блеском плавящегося металла, море покрылось барашками и плескалось у бортов.

Три часа прошло после истребления бандитов и фантастического появления Тотора. Взаимные рассказы о приключениях были закончены, молодые люди уже все знали друг о друге. Их положение ясно, оно весьма серьезно и, несмотря на недавние успехи, почти безнадежно. Что делать дальше? Что предпринять?

- А я-то мечтал доставить вас на Серам! - вздохнул Алекс.

- Невозможно, - ответил Меринос. - “Морган” сидит прочно, как скала. Может быть, стоит высадиться на берег и снова углубиться в лес?

- Дик отправился на вельботе, спасательная лодка при нем. Шлюпку мы только что потопили. Значит, остался один ялик*, а он ненадежен.

---

* Ялик, ял - небольшая служебная судовая шлюпка на 2 - 8 весел.

Облокотившись на планшир, трое мужчин излагали свои проекты, пока девушки сидели в каютах.

- Это еще что такое? - вскричал молчавший до сих пор Тотор при виде водоворота. - Опять глубинная волна? Не может быть! Напившись до отвала, вулкан должен уже посапывать во сне.

А море между тем пузырилось, вскипая,

И вот на нем гора возникла водяная.

Шутки в сторону, это стихи, да не кого-нибудь, а Расина, дорогой мой! Ну как, все понятно вам в смелой и цветистой метафоре? Тогда продолжу описание:

На берег ринувшись, разбился пенный вал,

И перед нами зверь невиданный предстал…*

---

* Расин, “Федра”, акт V, сцена VI, перевод М.Донского. Расин (Racine) Жан (1639 - 1699) - французский драматург и поэт.

- Кит! - перебил его Меринос.

- Два кита! Ведь это же мамаша Жонас с малышом наносят нам визит! Как любезно! Нужно оказать им достойный прием и салютовать флагом.

- Ты сумасшедший, надо всем смеешься.

- Сумасшедший, yes, sir… но зато не назовешь меня неблагодарным, я не забыл, как она кормила нас молоком, как взяла на буксир и спасла.

Тотор оторвался от планшира и кинулся в каюты, крича:

- Мисс Нелли! Мисс Мэри! Взгляните на кое-что необыкновенное! Позвольте представить вам нашу мамочку Жонас, дорогую нашу кормилицу, и нашего молочного брата, ее сына.

Он возвратился на палубу в сопровождении удивленных девушек, которых развеселило это оригинальное представление.

- Меринос, давай же! Устроим им встречу! Гип-гип-ура мамаше Жонас! Гип-гип-ура малышу Жонасу! Вот видишь, ей это нравится, она подплывает и резвится, как кит, а она и есть кит. Никаких сомнений, зверюга нас узнала!

Быть может, Тотору это только показалось. Его отношения с китообразным вряд ли основывались, по крайней мере со стороны китихи, на дружеской близости, а предполагаемое узнавание было на самом деле не более, как острый приступ любопытства. Мадам Жонас наверняка никогда не видела кораблей, и внушительная глыба, возвышающаяся над ней, очевидно, сильно ее заинтересовала.

Всплыв наполовину из воды, она внимательно осмотрела маленьким глазом корму, борта, снасти, не забыв и о трубе, этом дыхале паровых чудовищ.

Удовлетворившись предварительным осмотром, и еще более заинтригованная, она для начала описала вокруг яхты большой круг.

Нежно прижавшись к материнскому плавнику, малыш двигался вместе с ней, как будто тоже увлеченный этим первым предметным уроком.

Оба нырнули, всплыли, принялись бултыхаться, пускать фонтаны, рассыпавшиеся водяной пылью и сверкавшие всеми цветами радуги.

Любопытство подталкивало китов рассмотреть металлическое чудище вблизи. Они подплыли, потерлись мордами о листовое железо - чешую левиафана - и от удивления с шумом открыли и закрыли пасти, в которых шевелился китовый ус.

Тотор долго и, можно сказать, увлеченно следил за ними, его серые глаза сверкали, губы были крепко сжаты. Он готов был закричать от радости, но сдерживался, боясь спугнуть мать и дитя, которые все более осваивались.

То ли испугавшись, то ли в силу каприза, но мадам Жонас вдруг ударила чудовищным хвостом, нырнула и исчезла вместе с малышом.

- Жаль, - сказал Тотор, - можно было бы кое-что придумать! Но она вернется.

- Придумать? Что? - спросил Меринос. - Ты опять хочешь ее приручить?

- А почему бы и нет!

- Не успеешь, Тотор. Вспомни, что завтра…

- Ну да помню, срок, когда ты должен потерять ухо, а я всего лишь голову.

- Но мы будем защищаться!

- Само собой, до последнего вздоха, и даже после, если это только возможно.

- Придется взорвать судно…

- Если только твой родитель не внесет круглую сумму…

- А за тебя, несчастного, выкуп даже не назначен! Тебя он считает

мертвым и вдруг обнаружит живым!

- Посмотрим, удастся ли ему “переубить” меня.

- Слушай, есть только один способ спастись: сесть в ялик и ночью высадиться на берег. Вспомни, деньги выкупят только Нелли и меня. Не только ты, но и Алекс с Мэри - все вы будете безжалостно убиты. Что скажете, Алекс?

- Совершенно согласен, мистер Гарри. Да, я надеюсь только на ялик. Это отчаянное средство, почти безнадежное, но другого выхода нет.

- Хорошо, согласен на ялик, вот только, чтобы убедиться в его устойчивости, неплохо было бы спустить его на воду, загрузить и прогуляться среди рифов.

- Это идея!

- Раз заговорили об идеях, у меня есть и получше.

- Какая же? Скажи.

- Ни за что! Смеяться надо мной будете.

- Что ты, мы не в таком настроении, дружище!

- И напрасно! Видишь ли, в веселости нет ничего, что могло бы накликать беды, невзгоды и неудачи. Но если тебе так нравится, можешь быть серьезней осла, пьющего из бадьи.

- Ты неисправимый болтун! Так где же твоя идея?

- Ну ладно, вот она: я хочу уложить в ялик сотню саженей хорошего троса.

- Это возможно. Не правда ли, Алекс?

- Да, мистер Гарри.

- Но зачем?

- Такая уж у меня идея - если загружать ялик, то лучше всего тросом. Прочна ли хотя бы она, ваша бечева?

- При желании хоть “Морган” сдернуть можно, если только найти точку опоры и достаточную силу.

- Прекрасно! А теперь, дорогой мой Алекс, не можете ли вы привязать к концу троса малый якорь?

- Да, конечно, мистер Тотор, якорь из питтсбургской стали*. Он даже крейсер остановит!

---

* Питтсбургская сталь - высококачественная сталь, производимая в американском городе Питтсбурге.

- Чудесно! А еще прошу вас закрепить свободный конец каната на кнехте*.

---

* Кнехт - прикрепленный болтами к палубе вертикальный металлический брус, за который крепятся буксирные или швартовы тросы.

- Нет ничего проще!

- Другой конец, с якорем, положим в ялик!

- Это все, мистер Тотор?

- Все… Вот только потребуется принайтовить трос покрепче, как если бы мы собирались буксировать “Морган”.

Подготовка заняла всего четверть часа. Чтобы спустить ялик на воду, понадобилось еще пять минут - это операция простая. Суденышко со спаренными веслами, удерживаемое весом каната, стояло у борта, касаясь якорной цепи.

- Кому же туда спускаться?

- Сейчас - никому, - покачал головой Тотор.

- Так что же нам делать?

- Ничего. Ждать.

- Чего?

- Случая, одного из десяти тысяч! Но мне повезет: я счастливчик.

Парижанин принялся внимательно разглядывать прозрачные, голубые воды. Вокруг корабля возникали завихрения от течений, приходящих из открытого моря, и Тотор заметил, что они вносят в кристальную чистоту волн оттенки сапфира*.

---

* Сапфир - драгоценный камень синего цвета.

Вскоре яхта оказалась посреди какой-то желеобразной массы, гораздо более плотной, чем вода, с которой она не смешивалась. Густая река текла, подталкиваемая неведомой силой.

- Так и есть, - произнес вполголоса Тотор, - это та самая манна водной стихии, которую мы видели в Архипелаге Чудовищ. Знаменитое пюре с гренками, пиршество обитателей океанских просторов! Подводная буря изменила течение и привела его сюда. Вот что значит повелевать стихиями! Итак, она полакомилась пюре… Она вернется!

- Кто это вернется, мистер Тотор? - прозвучал над его ухом нежный голос.

Он вздрогнул, слегка покраснел, обернулся и ответил:

- Не обращайте внимания, мисс Нелли! С тех пор, как я побывал взаперти под землей, со мной бывает - заговариваюсь.

- Однако вы кого-то ждете?

- Да, мисс Нелли, жду мадам Жонас.

- А могу я узнать, что вам от нее нужно?

- Боюсь, что, сказав, внушу вам несбыточные, сумасшедшие надежды. Да, сумасшедшие и даже абсурдные! Но раз вы настаиваете, я расскажу. Однако, если дело не выгорит, вы рискуете лишиться забавного зрелища и неслыханного сюрприза.

- Тогда ничего не говорите. Я предпочитаю сюрприз.

- Вы совершенно правы. Вот, уже начинается!

Бегство мадам Жонас было всего лишь капризом, свойственным диким животным, и Тотор имел все основания надеяться на ее возвращение.

Действительно, китиха вернулась вместе с течением планктона. Резвясь со своим малышом, она с завидным аппетитом поглощала океанскую манну.

Широко разверстая, как пещера, пасть заглатывала и заглатывала ее без передышки.

Привыкнув к яхте, тем более что она стояла неподвижно, китиха уже

почти касалась борта и, ничего не опасаясь, продолжала свой обед на глазах молодых людей и их подруг.

- Главное, не шевелиться, - предупредил Тотор, - никаких резких движений и громких возгласов, пусть она совсем успокоится, а потом будет самое интересное.

Обед океанского гиганта длился часа два! Наконец бездонные глубины желудка мадам Жонас, похоже, наполнились. Еще несколько глотков гурмана - и челюсти остановились.

Наевшаяся китиха, лениво покачиваясь на волнах, заснула в пятидесяти метрах от корабля - под экватором и людям и животным необходима сиеста.

Тотор следил за поведением китихи, не шевелясь, в полном молчании. Он подождал еще четверть часа и тихо сказал:

- Спит как убитая! Пора. Алекс, старина, за мной! Ты, Меринос, не двигайся с места. Когда я закричу: “Огонь!”, выстрелишь в воздух из пулемета. Понял?

- Ничего не понял. Куда ты собрался? Слушай, ты свихнулся?

- Да! С ума спятил, это уж точно. Быстро, рысью! Алекс, нужно спуститься в ялик! И главное, не шуметь! Мисс Нелли, скоро будет сюрприз, вот увидите!

При этих словах парижанин легко переступил через фальшборт* и схватился за канат, прикрепленный к кнехту на корабле и свисающий в ялик. Как завзятый гимнаст, Тотор ловко, без рывков, соскользнул в лодчонку, по-прежнему стоящую у борта.

---

* Фальшборт - деревянная надставка над бортом судна.

Следом бесшумно спустился Алекс и через несколько секунд занял место рядом с Тотором.

Они негромко обменялись короткими фразами, и ошеломленный боцман взялся за весла.

- Что это они там придумали? - недоумевал Гарри. Он стал у пулемета, поднял ствол на сорок пять градусов и ждал команды Тотора.

Тем временем ялик с двумя людьми и бухтой хорошо свернутого троса с якорем осторожно отвалил от борта. Алекс греб медленно, но ловко, и ялик приближался к китихе.

Неподвижное чудовище лежало на воде, головой в сторону моря, то есть отвернувшись от судна. Сон его был глубок, дыхание отчетливо слышно.

Ялик скользил легко и скоро добрался до хвоста китихи, один удар которого разбил бы лодку в щепу. Ялик поплыл вдоль тела животного, Тотор слышал глухие удары сердца, стучавшего как пневматический молот.

Вот они уже так близко от китихи, что могут ее коснуться. Мериноc, Нелли и Мэри, затаив дыхание, следили за этой безумной операцией, ничего не понимая и опасаясь за двух мужчин, которые могли погибнуть в любой момент.

К счастью, сон у мадам Жонас был глубокий - спокойный сон живущего на экваторе сытого кита, разморенного пищеварением.

Ялик был уже в тридцати сантиметрах от пасти, “усы” шелестели от мощного дыхания, напоминавшего порывы ветра. Обеими руками Тотор сильно и точно бросил малый якорь в пасть, прямо через китовый ус, так, чтобы лапы якоря зацепились за углы рта.

В тот же миг он громко закричал:

- Огонь! Меринос, огонь!

Тут же застучала пулеметная очередь. Алекс отгребал изо всех сил. Напуганная грохотом китиха нырнула и устремилась в открытое море, унося с собой якорь и трос, который быстро разматывался. Но далеко ей уплыть не удалось: мадам Жонас вскоре остановила огромная масса корабля. Естественно, ее раздражало и даже выводило из себя это сопротивление: впервые в жизни она попалась на удочку! Да еще какую! Поплавок этой удочки - целый корабль, сидящий на мели!

Она тянула, мощно тянула, изо всех сил, пока “Морган”, чиркнув в последний раз килем по дну, не выплыл на чистую воду. Меринос и обе девушки почувствовали, как палуба закачалась под их ногами и в восторге закричали:

- Браво, Тотор! Браво, Алекс! Мы спасены!

ГЛАВА 6

Как управлять кораблем. - Парус или пар. - Безветрие. - Девушки в роли кочегаров. - Настоящий ад. - У топок. - Изнурительный труд. - Героини. - Как превратить воду в пар. - Сверхчеловеческая энергия. - Семидесятиградусная жара.

Китиха резко дергалась из стороны в сторону. Возник водоворот, в котором, как пробка, крутился ялик с Алексом и Тотором. Кроме того, бухта троса, разматывавшаяся с молниеносной быстротой, могла в любую минуту перевернуть утлую посудину.

Ловкими и рискованными маневрами боцман старался избегать этой смертельной опасности. Ялик крутился, но устойчиво держался на плаву.

- Браво, Алекс, - прокричал Тотор, - браво! Это настоящая работа!

- Да вы сами, мистер Тотор, великолепно знаете дело, - отвечал моряк, налегая на весла. - Так снять корабль с мели! Просто великолепно!

Чудовищная сила морского гиганта сорвала якорь, застрявший в кораллах, и теперь освобожденный “Морган” медленно, рывками, но неуклонно продвигался на буксире в открытое море.

- Вот бы утянула она нас так в Сидней! - вздохнул Тотор.

А наверху, на палубе, Нелли, Мэри и Меринос в восторге хлопали в ладоши.

- Нам не проплыть и мили: выбросит на рифы, - заметил Алекс. - Эй, мистер Гарри, рубите! Скорей рубите канат!

Меринос подчинился с сожалением: он не понимал грозящей опасности.

Обезумевшая, задыхающаяся, взбешенная мадам Жонас ныряла прямо вперед, унося с собой малый якорь и канат.

- Счастливого пути и всего вам хорошего, мадам Жонас! - кричал Тотор. - И главное, спасибо за все! Бедняжка! Она освободится, конечно, от якоря: на его лапах нет заусениц, как у рыболовного крючка. Но все равно, как она, верно, перетрусила!

Дрейфовавшее на якоре судно тут же остановилось.

Вот тут-то и сказалось отсутствие экипажа. Меринос подал за борт канат, по которому Тотор поднялся с обезьяньей ловкостью. Алекс задержался на минуту, чтобы завести ялик под шлюп-балку и подготовить к подъему на борт: больше лодок не было.

Только после этого боцман на руках подтянулся по канату.

Но, чтобы поднять даже на талях эту скорлупку, у них едва хватило сил. Нелли и Мэри, видя, как надрываются мужчины, пришли на помощь и тянули изо всей мочи, сдирая кожу на руках. Вот так отважные жены моряков, не уступая мужьям, водят по каналам свои тяжелые баржи.

Впятером, удвоив усилия, они наконец водворили ялик на место, в походное положение, гордые первым успехом.

Но время торопило, нужно было хорошенько продумать дальнейшее, и

никому не приходило в голову смеяться или вспоминать любопытные события, которые только что произошли.

- А теперь что делать? - в один голос спросили Меринос и Тотор у Алекса, единственного профессионального моряка на судне, естественно, сразу произведенного в капитаны.

- Во что бы то ни стало уйти отсюда и добраться до голландского острова, - не задумываясь ответил он.

- Хорошо бы, но как? - снова задал вопрос Меринос.

- Сейчас штиль, ни ветра, ни легкого бриза, прямо беда! А то поставили бы большой парус, в помощь ему - кливер*, и вперед, на Серам.

---

* Кливер - косой треугольный парус, ставящийся перед фок-мачтой - передней мачтой на судне с двумя или более мачтами.

- Да, раз нет ветра, плыть на парусах невозможно.

- Тогда пар? - сообразил Тотор.

- Но кто будет заниматься машиной?

- Тотор. Не хвалясь, скажу, что я хороший механик.

- Хорошо. А кто же будет кочегарить? Мне придется остаться у руля. Если б не это, я не отошел бы от топки…

- Я буду кочегаром! - браво заявил Меринос.

- Вас недостаточно, мистер Гарри.

- Мы тоже! - не менее решительно подхватили Нелли и Мэри.

- Это ужасная работа, особенно на экваторе. Даже опытные мужчины не выдерживают!

- Гораздо хуже быть в плену у мистера Дика, да еще с такой перспективой, как вы знаете! - твердо заявила Нелли.

- Да, вы правы, - сказал Тотор, - иногда жизнь требует от нас больших испытаний.

- Неужели это так страшно - превращать воду в пар?

- О, мисс Нелли, если б вы знали! Ничего хуже быть не может!

- Так я хочу узнать, прямо сейчас!

- Мы узнаем! - задорно добавила Мэри.

- Увы, это необходимо!

Девушки никогда не бывали в машинном отделении, таинственном чреве, где бьется, дышит, ворочается, воет и рычит потрясающая машина, дающая жизнь кораблю. Тотор спустился первым, за ним последовали Нелли и Мэри. Меринос замыкал шествие.

Железо, медь, сталь, никель и сплавы, смазанные горячим маслом и неустанно протираемые умелыми, внимательными и аккуратными матросами, прежде блестели как в часовых механизмах, все сверкало и пламенело.

После захвата корабля бандитами замечательная машина, неухоженная, покрылась ржавчиной, появились пятна яримедянки, но от грязи она не стала работать хуже.

Быстрый осмотр успокоил Тотора, а девушки пока еще опасались прикасаться к чему бы то ни было, боясь испачкаться. Открыв железную дверь, Тотор зажег фонарь и проговорил:

- Кочегарка. Сейчас тут будет светло и жарко!

- Но тут уже сейчас нечем дышать среди железок и потоков горячего воздуха.

- Пустяки! Всего сорок градусов! Вот когда будет шестьдесят… К счастью, тут хорошая вентиляция, и воздуховоды работают отлично. Эй, Меринос, за уголек! Давай-ка вдвоем! Нужно сложить перед топками большую кучу. Бедные девушки не смогут поднять его из трюмов. Начали!

Огромные куски принесены и расколоты. Тотор разжег огонь. Один паровой котел… Три топки… К тому же кочегары - слабые новички. Смогут ли они справиться с работой?

О, если бы парижанин мог быть повсюду одновременно! Скоро он уже не сможет отойти, управляя переменой хода! К счастью, на этой замечательной машине все операции исполнялись автоматически, иначе Тотор не справился бы и с помощниками.

Впрочем, ни за чем не требовалось следить. Не важно, если колосники горят, огонь иногда касается труб, а та или иная деталь не получает вовремя свою порцию смазки! Требуется одно - во что бы то ни стало давать пар и двигаться вперед.

Алекс уже помог им. Теперь он раздал лопаты и кочерги. Лопатой нужно бросать уголь в пылающую топку, а кочергой хоть как-нибудь разравнивать его.

Нелли и Мэри стиснули тонкими пальцами грязные черенки лопат, пропахшие потом и углем, и Нелли спросила:

- Что нужно делать?

Пламя уже гудело, как всегда в котельных. Во всех трех топках уголь хорошо горел и температура становилась невыносимой.

Не нужно ли подбросить угля? Быстрым движением Тотор открыл верхнюю заслонку. Шумно вырвалось пламя с отсветом плавящегося металла, с темными пятнами, голубыми языками и адским жаром…

- Ах, - воскликнула девушка, - вот оно, дыхание пекла!

Тотор подобрал лопатой уголь, бросил его в середину топки и сказал:

- Вот что нужно делать!

- Теперь моя очередь! - бесстрашно проговорила Нелли. - Нужно победить или умереть… мы победим!

Лицо ее было обожжено, глаза ослеплены пламенем, грудь тяжело вздымалась, но она загребла полную лопату и опрокинула ее в адский костер.

Тотор восхищенно взглянул на девушку и прошептал с умилением:

- Вы прекрасно работаете, мисс Нелли!

- Но смотрите, Мэри делает то же самое!

- Тяжело, не правда ли?

- Да, тяжело дышать огнем, кажется, что умираешь, но в этом что-то есть… О, как мне жаль кочегаров, которые трудятся так дни напролет, месяцы, годы, всю жизнь! Бедные люди! Настоящие мученики!

Тотор смотрел, как надрывается его подруга, как пот заливает тонкое лицо, и сердце его сжималось от сочувствия. Он произнес с нежностью:

- Когда будете совсем задыхаться, подойдите подышать к вентиляционной трубе, но осторожно, потому что это опасно. Теперь я обмотаю ваши руки мокрой паклей, там есть чан с водой, держите паклю всегда мокрой, иначе она загорится. Держитесь и берегите силы!

- Да, друг мой, очень дорогой мне друг, я сделаю, как вы говорите, а еще… рассчитывайте на меня всегда… всю жизнь!

- О, как хотел бы я избавить вас от тяжкого труда! Но мне нужно немедленно занять место на площадке управления машиной и уже не покидать его.

Алекс сделал Тотору быстрый знак.

- Пора, мистер Тотор, идите на свой пост. Давление уже поднялось. Я встану у руля, как только избавлюсь от якоря… для этого достаточно убрать одно звено из цепи, и с этим я справлюсь сам. До свидания, дорогая Мэри, исполняйте свой долг.

- До свидания, друг мой! Я буду достойна вас, - просто отвечала канадка.

- А вы, мистер Гарри, остаетесь старшим на вахте, - снова проговорил боцман, - к счастью, вы немного знаете, как кочегарить. Если будет что-нибудь не так, предупредите меня, тогда застопорим.

- Да, Алекс.

- Именно у вас самая трудная задача. Мужайтесь, мистер Гарри!

- Спасибо, Алекс, крепко жму вашу руку, дорогой друг. Go ahead!

Тотор и боцман ушли. Меринос и девушки остались одни в адском пекле.

Прошло десять минут. Все трое, опершись на лопаты, переглядывались в сполохах света, брызжущего на железные стены.

Гул вырывался из открытых створок зольников, свет от языков пламени лизал их ноги и лица. Жар был такой сильный, что хотелось только одного: бежать, бежать отсюда на палубу! Организм человека неспособен выдерживать это долго.

Но отважная троица была верна своему долгу и не сдавалась, несмотря на огонь, от которого закипала кровь и пылали легкие.

Гарри открыл дверцу топки. Ему показалось, что огонь начинал опадать. Он отрывисто бросил:

- Нелли, еще лопату угля! Вы тоже, мисс Мэри! И я, в глубину топки. Теперь заглянем в следующую.

В следующей - то же самое. Пора немного подбросить. Они снова взялись за лопаты. Пот катил ручьем. Кочегары отирали его рукой или рукавом.

Нелли громко рассмеялась, что прозвучало странно в раскаленной добела железной пещере. Она увидела чумазое лицо брата с белыми округленными глазами, странно выделяющимися на маске из сажи.

- О, Гарри, какой ты перемазанный, ты на себя не похож. Ты выглядишь… ну да, негром!

- А ты сама-то, чудачка! Если б ты только могла увидеть свои золотые кудри и милую мордашку, запорошенные угольной пылью…

- Негритянке не хватает рисовой пудры!.. Вы тоже, дорогая Мэри, совсем черны, да еще такого странного оттенка! Ох уж эти лопаты, пыль, дым… Но мы хоть мило выглядим?

- Конечно, вы очаровательны!

- Ладно, тоже утешение… единственное, какое может быть.

- Есть еще одно: мы движемся!

- Верно, корабль покачивается. О, когда мы лениво растягивались в качалках и плыли, мягко укачиваемые волнами, вдыхая морской бриз, я и не подозревала, что люди надрываются здесь, в металлической клетке, где их поджаривают живьем!

- Да, за три шиллинга в день.

- Какой жестокий урок для меня! Мне стыдно, что так дешево достаются нам удовольствия, наша роскошь и наше богатство! Ведь так во всем, не правда ли?

- Да, чем больше мучений, тем меньше заработок. Но хватит философии, давайте уголька! У чудовища бешеный аппетит, нужно его подкормить!

В кочегарке наступила тишина, прерываемая гудением пламени, скрежетом лопат и громким хлопаньем массивных заслонок.

Нелли охватило лихорадочное, неукротимое желание говорить, Мэри же, напротив, задыхалась, машинально отирала пот и работала, не говоря ни слова.

- Но вы молчите, Мэри, - заметила Нелли, - вам ведь тоже нелегко, дорогая?

- Не труднее, чем вам, мисс Нелли. Ваш пример ободряет меня и зовет выполнить долг.

- Дайте вашу черную руку, я сожму ее в своей, также совершенно черной… от всего сердца… как сестра.

- О, мисс Нелли, я так счастлива и горда, так люблю вас!

- Я тоже! Боже, как мне жарко! Я вся - сплошной ожог! И пить хочется! Во мне все пересохло! Гарри, что пьют кочегары?

- Виски, целыми пинтами, до отвала. Они не чувствуют крепости алкоголя, который поддерживает их силы, пока не убьет! Я сейчас дам вам горячего чаю, это лучше всего.

- Но я задыхаюсь, - воскликнула Нелли, - у меня уже нет сил. Брат, Мэри, у меня в глазах сплошной огонь, а в голове - красные сполохи.

- Быстро подойди к вентиляционной трубе!

С помощью Мэри Гарри подвел сестру к мощному потоку воздуха, идущему с палубы.

- О, - проговорила она, дрожа от удовольствия, - мне кажется, что я вдыхаю саму жизнь!

- Довольно, сестренка, довольно!

Воздух ледяным душем падал на плечи девушки. Она сама отстранилась, шепча:

- Да, можно и погибнуть, если забыться в опьянении этого свежего бриза. Теперь - за работу!

И все трое героически возобновили едва прерванный ужасный труд. О да, ужасный и даже убийственный, особенно в этих широтах. Гарри машинально бросил взгляд на термометр и вздрогнул - он показывал

шестьдесят два градуса.

Напрягаясь, чтобы открыть топку, американец сказал себе:

- Мы не выдержим. Особенно девушки! Мы здесь всего час, а я уже теряю сознание. И неужто мы идем со скоростью всего пять узлов?

По сути дела, подростки выполняли работу, непосильную даже для многих мужчин.

Известно, что идущие на Дальний Восток корабли, оказавшись в Красном море, используют в качестве кочегаров только негров. Обычно это гиганты-сомалийцы, худощавые, мускулистые, в расцвете сил. Тем не менее, не проходит и дня без того, чтобы кто-то из них не потерял в кочегарке сознание.

Разве могли трое подростков, из них две девушки, выдержать работу, валящую с ног мужчин из жарких стран, выносливость которых вошла в поговорку?

ГЛАВА 7

В кочегарке. - Мученик. - Появляется Тотор. - Масло и керосин. - Пушечный выстрел. - Без страха и сомнений! - Капитан, боцман, рулевой и артиллерист одновременно. - Сражение. - Две героини. - “Мы прошли!” - Пожар.

Заточенные в отвратительном металлическом отсеке при ужасающей температуре, истекающие потом, измученные подростки уже не в состоянии были выполнять выматывающую работу. Сильного потока воздуха из вентиляционной трубы было недостаточно. Напрасно встали они прямо под воздушную струю: облегчения не было.

Их тела горели, кровь спекалась, обожженные легкие не могли больше

выносить этого пекла. Скорее кончать, иначе - смерть.

Вспомните, что они находились в зоне экватора, и там, наверху, на свежем воздухе, было больше тридцати пяти градусов!

Меринос шатался от усталости, но еще держался. Отяжелевшей рукой он загружал несколько кусков угля, желая взять на себя всю работу, пока его подруги плакали от отчаяния, повалившись на пол у железной двери.

- Мы погибнем, - бормотала Нелли погасшим голосом, - да, погибнем, не увидев больше неба! Мэри, я задыхаюсь!

Верная канадка побрела к ней, приподняла, положила ее голову на свои колени и тихо стала уговаривать:

- Мужайтесь, мисс Нелли, мы плывем, и наши страдания когда-нибудь кончатся. Корабль движется, значит, есть надежда!

- Дорогая Мэри, как вы добры и отважны! Мне стыдно, что я такая слабая. О, я хотела бы стать сильной, как мужчина! Однако надо снова подбросить угля.

Она встала, шатаясь, подошла к одной из топок и, обжегшись, всхлипнула:

- О, это настоящий ад!

- Мужайтесь, мы спасемся!

- Я больше не могу, не могу! Но вы и сами, Мэри…

- О да, мне тоже тяжело, невыносимо.

Гарри сокрушенно смотрел на них, чувствуя, что и сам на пределе сил. Однако он напрягся, в последний раз заполнил топки и, совсем изнемогая, шатаясь, отошел и упал на железный пол, хрипя:

- Конец! Ох, как тяжело бывает в жизни!

Еще десять минут, и топки начнут затухать, потом погаснут, и корабль

остановится!

Задыхающиеся, совершенно разбитые, неспособные шевельнуть рукой, друзья отдали бы остаток жизни за глоток свежей воды, чистого воздуха. Они молчали, тяжело дыша, не было сил, чтобы произнести хоть слово в гудении пламени, грохоте железок, шипении пара.

Внезапно наверху какой-то взрыв покрыл шум машины, потряс корабль и отдался во всех его углах.

Пушечный выстрел!

Они приподнялись и с тревогой посмотрели друг на друга. Гарри яростно закричал:

- Hell damit! Что там еще случилось? Наверное, нас атакуют, а Алекс отвечает. Но кто же стоит у руля? Кто ведет корабль? Если уж погибать, то под солнцем и голубым небом, а не запертым здесь, как таракан, заблудившийся в кухонной печи.

- Да, да, наверх! Вон из этого ада! - вторила теряющая сознание Нелли. - Ничего хуже с нами уже не случится, а если умирать, то лучше наверху!

Они собрались покинуть свой пост и, хотя бы полумертвыми, выбраться на палубу.

Но тут дверь герметического отсека, которая отделяет кочегарку от машинного отделения, распахнулась, и в расстегнутой рубашке появился Тотор, истекающий потом, задыхающийся, но вовсе не потерявший мужества и стойкости.

Он воскликнул, видя всеобщее смятение:

- В чем дело, кочегары? Забастовали в самый ответственный момент?

Нелли бросилась к нему, схватила за руку и хрипло, запинаясь, лепетала:

- Тотор, друг мой… вы видите… мы погибаем!

- Шестьдесят пять градусов, черт возьми! Тут даже у саламандр заболела

бы головка!.. Мисс Нелли, еще хотя бы пять минут! Возможно, от этого зависит наше спасение!

- Что там, Тотор? - спросил Гарри.

- Нас атакуют, и Алекс обороняется.

- В одиночку?

- Конечно, если только не упали к нам помощники с луны.

- А кто же стоит у штурвала?

- Закреплен намертво! И “Морган” мчится вперед, наудачу!

Как ты это узнал?

- По переговорной трубке.

- А как же машина?

- Пущена на полный ход. Теперь во что бы то ни стало нужен пар, и немедленно!

- А если корабль наткнется на риф?

- Это уж как повезет! От нас требуется пар. Нужно выполнить приказ, и быстро. Побольше огня в топках!

- Мы уже не можем… видишь, Нелли и Мэри совсем выбились из сил. Они отчаянно старались и показали чудеса выдержки.

- Бедняжки! Удивляюсь, как вы до сих пор терпели.

Раздался второй пушечный выстрел. Затем голос Алекса в переговорной трубке прорычал:

- Прибавить пара, гром и молния! Go! Go ahead!

- Придумал! - воскликнул Тотор. - Возиться с углем слишком тяжело и долго. Пошли со мной! Есть идея! Получше, чем с абсентом в бензобаке

автомобиля там, в Австралии.

Все трое устремились за Тотором в машинное отделение, где в небольшом складе находились бидоны со смазочным маслом и керосином.

В грохоте машин послышался голос парижанина:

- Уносите столько, сколько сможете!

Он и сам подал пример, бежал к кочегарке и живо возвращался. За пять минут в коридоре оказалось штук двадцать бидонов.

- Отойдите, - приказал Тотор.

Он открыл первую топку и с размаха кинул туда бидон масла и бидон керосина.

Затем во вторую, а затем столько же - в третью. Готово! Юноша бегом возвратился к своим удивленным друзьям и расхохотался, когда Меринос сказал ему:

- Ты нас взорвешь!

- Ну и что? Это не самое страшное. Не будь как тот чудак, который боялся дождя, утопая в реке.

Тут же в топках послышались глухие взрывы. Бидоны лопались, огонь ручьями тек через колосники в поддувала, языки пламени вырывались как ракеты во время фейерверка.

- Не бойтесь, все в порядке! - радовался Тотор.

- Ура Тотору! - закричал Меринос. - Вот это пар!

- Вперед, без страха! Такое давление, что всем чертям тошно станет! Девушки могут подняться на палубу.

- А вы? - спросила Нелли.

- И мы с вами, но только на пять минут, а потом снова спустимся наполнить топки маслом и керосином.

Кочегары поднялись по трапу на палубу. Несмотря на палящее солнце, отвесно бьющее копьями своих лучей, жара показалась им вполне сносной. Одного взгляда было достаточно, чтобы оценить потрясающий “спектакль одного актера”, разыгравшийся на спардеке “Моргана”.

На всем пространстве, от пустоты кажущемся огромным, один-единственный человек - и капитан, и боцман, и рулевой, и артиллерист - бегает, все видит, совершает чудеса и успешно решает неразрешимую задачу - быть всюду одновременно!

Это Алекс. Бесстрашный моряк только что перезарядил орудие. Увидев черных от угля, задыхающихся девушек, которые бессильно упали у капитанского мостика, он крикнул им:

- Осторожно, по вам будут стрелять!

Алекс присел и резко дернул шнур, зажатый в правой руке. Шнур привел в действие спусковое устройство и поджег заряд.

Из жерла пушки вырвалось облако белого дыма, прогремел выстрел.

Остолбенев от удивления и восхищения, Тотор и Меринос смотрели в море, следя за полетом осколочного снаряда, который ввинчивался в слои воздуха и со свистом удалялся.

- Полетел! - закричал Тотор.

- Браво, Алекс! - отозвался Меринос.

Оба поняли, почему корабль мчится вперед с закрепленным намертво штурвалом, чем вызван призыв к кочегарам и что это за сражение, которое ведет один-единственный человек.

На расстоянии мили наступала целая флотилия. Небольшие суда образовали полукруг и перегородили путь к голландскому острову.

Вельботы? Шлюпы? Лоцманские катера? Тут было всего понемногу, а посреди строя - пароход, похоже, адмиральское судно флотилии.

Осколочный снаряд попал в суденышко, в котором сидело около

двадцати гребцов, и негромко взорвался, образуя небольшое облачко дыма. Суденышко остановилось, переваливаясь с борта на борт, и мгновенно исчезло в водовороте.

- Алекс, вы великолепны!

- Спасибо, мистер Гарри, но я хотел бы, чтобы нас стало больше хотя бы на полдюжины. Вы же видите, как нас мало.

- Это Дик Сеймур, не правда ли?

- Да, мистер Тотор, это он, со всеми своими головорезами. И мы должны прорваться через строй судов. Как у нас с давлением в котле?

- Посмотрите на трубу, черный дым, который идет из нее, - это от масла, керосина, угля, заполнивших топки.

- Мы делаем всего узлов шесть, а нужно по меньшей мере десять, чтобы прорвать этот строй.

- Гром и молния! Мы, черномазые кочегары, не лентяи! Меринос, старина, бегом! Быстрей в кочегарку… Больше пара, даже если машина разлетится на куски!

- Даю вам две минуты, и возвращайтесь! Вы мне нужны у пушки и пулемета. Мисс Нелли, Мэри, на помощь! Прошу вас, пока их нет…

- Что нужно делать? - решительно откликнулась Нелли, а Мэри подбежала к своему жениху, который восхищенно смотрел на нее.

Нарастающий гул помешал боцману ответить: на борту парохода, наступающего в центре подвижного полукруга, раздался выстрел. Снаряд молнией пролетел над палубой “Моргана” на уровне брам-реи* и упал в море в нескольких кабельтовых.

---

* Брам-рея - верхняя горизонтальная перекладина мачты.

- Перелет, - спокойно отметил Алекс. - Вам не страшно, мисс Нелли? А вам, Мэри?

- Мы ничего не боимся!

- Это уже настоящая война. Дик Сеймур хочет нас запугать.

Одновременно с выстрелом на флагштоке парохода над кормой поднялся большой черный квадрат - с вызывающей наглостью Дик Сеймур водрузил пиратский флаг, ужасный символ людей вне закона, и подкрепил свой жест пушечным выстрелом.

А это значило, что война объявлена и будет беспощадной.

Но Алекс ничуть не смутился, а девушки, которые все видели, держались просто великолепно.

Слишком узкая труба изрыгала вихри дыма. Все дрожало, скрипело и стонало под люком машинного отделения.

Тотор и Меринос исполняли свой долг.

Алекс бросился к переговорной трубке и закричал:

- Кочегарьте! Мы сближаемся! Держитесь!

Он возвратился к девушкам и сказал:

- Знаю, что вы неустрашимы и храбро исполните ужасную работу. Через минуту наша судьба решится… Я заряжу и нацелю пушку и пулемет. Вы, Мэри, останетесь при пулемете… Когда я скомандую: “Пулемет, огонь!”, вы будете крутить ручку.

- Хорошо, Алекс, я не подведу.

- Мисс Нелли, возьмите, пожалуйста, шнур, который свисает с тыльной части пушки, и, когда я закричу: “Орудие, огонь!”, изо всей силы дерните

за шнур. А мне придется вернуться к штурвалу.

Над кораблем с развевающимся черным стягом снова возникло облачко белого дыма, и в тот момент, когда снаряд упал в двух кабельтовых от “Моргана”, послышался выстрел.

Алекс ухватился за штурвал, сорвал закреплявшие его веревки и закричал:

- Недолет! Но берегитесь третьего выстрела!

Прошла минута тревожного ожидания, показавшаяся бесконечной.

”Морган” увеличивал скорость. Подвижный строй флотилии приближался.

О, если б на борту была команда! Хотя бы восемь человек на этом судне, маневр которого требует не менее двадцати пяти человек.

- Даже шести было бы довольно! - пробормотал Алекс, стискивая зубы. - Да, шестерых бывалых матросов! Какую победу мы одержали бы над пиратами!

Но сейчас их всего пятеро, считая двух юных девушек, героинь, конечно, но выносливость и сила которых, в отличие от неустрашимости, поневоле имели свой предел.

Алекс немного повернул руль к правому борту, и безлюдный корабль слегка повернул вправо, чтобы врезаться в строй вражеских судов.

Нелли и Мэри, охваченные тревогой, ждали команды.

Но вот суровый голос боцмана произнес:

- Внимание! Пулемет, огонь!

Мэри схватила рукоятку и стала ее крутить. Бортовая качка приподымала корабль. Воздух рвался от трескотни пулемета.

- Орудие, огонь!

Нелли чувствовала, что ее сердце вот-вот выскочит из груди. Она закрыла глаза и дернула спусковой шнур.

Бум!..

Девушка на миг застыла в изумлении. Раньше, когда салютовали из пушки, ее охватывал непреодолимый страх, она вскрикивала, дрожала, даже затыкала уши. А теперь она сама вызвала этот раскат грома, запустила железный смерч, который разметал шхуну, уже идущую ко дну.

Алекс навел орудие так точно, и скомандовал так вовремя, что строй нападающих был разбит или, вернее, прорван. Образовалась брешь!

Проклятия, яростные крики все более приглушенно доносились до яхты, которая мчалась вперед под клубами дыма.

- Мы прошли, прошли! - в восторге кричал боцман. - Ура! Ура!

В это время из люка появились Тотор и Меринос с обожженными лицами и обгорелыми волосами.

- Что с давлением? - прокричал Алекс.

- Все растет и еще как! - отвечал Тотор.

- Да, даже больше, чем хотелось бы, - подтвердил Гарри.

Нелли послышалось в их тоне что-то странное.

- В чем дело? - спросила она. - Вы меня пугаете.

- Мисс Нелли, минутку, вы все узнаете, - сказал парижанин. - Алекс, по вашему мнению, на каком расстоянии мы от Серама?

- Милях в восьмидесяти. Может быть, немного меньше, но наверняка не больше. А что?

- Следовало бы поторопиться.

- Да, вы правы, но…

- Подождите, с какой скоростью мы идем?

- Сейчас, наверное, пятнадцать или шестнадцать узлов… Вот это да! Не понимаю, в чем дело?

- Но мы-то слишком хорошо понимаем. Правда, Меринос? Короче, нам потребуется пять часов, чтобы оказаться в виду голландских берегов?

”Морган” с необыкновенной скоростью рванулся вперед по волнам. Казалось, он проскользнет в брешь, проделанную с помощью пушки в строе судов.

Снова раздался выстрел на корабле с черным флагом. Снаряд попал в корму яхты, задев руль.

- Да, пять часов, - спокойно ответил боцман, - но при условии, что они не повредят нам руль и не поразят жизненные центры “Моргана”, потому что тогда…

- Тогда мы спеклись! - прервал его Тотор.

- Или почти спеклись, - спокойно поправил Меринос.

- В чем дело? - спросил боцман.

- Да, в чем же дело? - повторила Нелли.

- Ну ладно, пожалуйста: мы раскочегарили так хорошо, что допустили серьезную оплошность.

- Да, неосторожность, которая может одновременно стать смертельной и спасительной…

- Какую же, в конце концов? - воскликнула взволнованная девушка.

- Все просто, - ответил Тотор с великолепным спокойствием, - горящие масло и нефть разлились в кочегарке, попали в трюм и подожгли весь уголь.

- О, Боже, мы горим!

- Да, на борту пожар, мисс Нелли. Огонь разогревает котел как никогда, но мы не сможем с ним справиться! Нужно продержаться пять часов и при этом не поджариться!

ГЛАВА 8

Привести себя в порядок. - Ответный удар. - Артиллерийская дуэль. - На вулкане. - Яхта выпотрошена снарядами. - Машина останавливается. - Взрывы. - Конец корабля. - Идем ко дну! - В водовороте. - Все, что осталось от корабля. - Агония. - Плеск весел. - В плену!

Ужасные слова, произнесенные парижанином, будто даже не слишком взволновали девушек.

А что вы хотите! В конце концов ко всему привыкаешь! До такой степени, что самые невероятные и отчаянные ситуации превращаются в стертую монету. С начала этой, так сказать, прогулки друзья так притерпелись к опасности, что, кажется, уже не замечали ее.

Нелли тотчас пришла в себя.

- Да, конечно, это не так уж и важно, главное - пройти! А потом - взрываться так взрываться, не правда ли, Мэри?

- Конечно, мисс Нелли, вы правы, уж лучше взлететь на воздух, чем поджариваться на медленном огне, как только что у топок!

- О да! Я долго буду помнить свое кочегарство!

- Я предпочитаю пушку.

- Я тоже! Хотя и это вовсе не женское занятие.

- Как и работа кочегара, мисс Нелли!

- Еще бы! Боже, наверное, мы ужасно выглядим…

- Не считаете ли вы, мисс Нелли, раз это еще возможно, полезно было бы привести себя в порядок?

- И полезно, и приятно! Золотые слова, Мэри! Пойдемте скорей, пока мы еще не взорвались.

- Или не потонули…

- Или не поджарились…

- Мы уже прошли! - закричал Меринос, прервав этот странный разговор.

Действительно, яхта прорвала строй нападающих.

- Мы не нужны вам больше, Алекс? - спросила Нелли боцмана, по-прежнему склонившегося над штурвалом.

- Сейчас нет, мисс Нелли.

- Хорошо, спасибо!

Девушки бегом кинулись в каюту, а из люка машинного отделения уже поднимались тонкие струйки дыма, и сильно запахло горелым.

- Наш вертел работает, - отметил Тотор. - Смело вперед, и будь что будет!

- Go! Go ahead! - закричал Меринос, видя, что линия судов пройдена.

- Вперед, без страха! - снова призвал одержимый Тотор.

Со стороны противника раздался пушечный выстрел. Снаряд попал в носовую часть яхты и глухо взорвался, не причинив, однако, ущерба, если не считать дыры в обшивке правого борта.

- Hell damit! - в ярости воскликнул Алекс. - Попали в парусный трюм… загорится, как пакля.

- Ну и что! Еще неизвестно… а вообще-то, нечего волноваться, мы

доплывем, я вам говорю! Такой корабль, с сотнями тысяч заклепок и болтов, живуч как кошка, ему нипочем огонь внутри и превращенные в решето борта.

- Возможно, - ответил Алекс, - вот только у меня руки чешутся разбить хотя бы одно из этих чертовых судов.

- Не лишайте себя этого удовольствия!

- All right… Мистер Гарри, пожалуйста, смените меня у штурвала и правьте прямо вперед. Хочу сыграть в кегли с пароходом под черным флагом.

В мгновение ока орудие было заряжено и подготовлено к открытию огня. Еще несколько секунд Алекс целился…

- Огонь! - скомандовал Тотор.

Бум!

Через три секунды фок-мачта* парохода внезапно осела и упала, как срубленная, посреди хаоса разбитых штагов**, перепутавшихся рей, вырванных досок.

---

* Фок-мачта - передняя мачта.

** Штаги - снасти, поддерживающие мачту спереди.

Алексу удался замечательный выстрел, которым гордились бы лучшие наводчики давних корсаров.

- Еще раз! - завопил Тотор.

- Снаряды кончились.

- Но есть в трюме…

- Нам и вдвоем не сдвинуть с места ящик. Закрыто на вертлюг*, который нужно отвинчивать. Пойдемте, у меня есть ключ.

---

* Вертлюг - шарнирное звено, подвижно соединяющее части механизма.

Но они не сделали и десятка шагов, как новый снаряд со стороны моря с грохотом обрушился на поворотный лафет орудия и разбил его вдребезги.

Пушка покатилась по палубе, глухо затрещавшей под ее весом, а осколки снаряда рассыпались огненным ливнем.

- Гром и молния, мы пропали! - воскликнул Тотор. - Там мачта, здесь пушка, вот что называется достойный ответ в споре!

- О, мистер Тотор, - проговорил в отчаянии Алекс, - я предпочел бы получить этот снаряд в живот!

- У вас случились бы выдающиеся колики, как скажет Меринос.

- Вы все смеетесь!

- Слезами горю не поможешь!

- Но нас обезоружили… Как жаль пушки! С нею я сбил бы этот проклятый черный флаг, как дохлую собаку! Просто сердце разрывается, когда видишь, во что она превратилась!

- Да, конечно, было бы прекрасно пустить ко дну этого “звездного пирата”, как говорил отец. Но что поделаешь, на нет и суда нет, и раз мы

еще движемся, нечего жаловаться.

- Послушайте, мистер Тотор, вы ведь механик?

- И горжусь этим.

- Ну хорошо, скажите откровенно, долго ли еще сможет работать машина?

- А почему бы ей не поработать?.. Там, внизу, все трещит, скрипит и рушится. Все переполнено горючим, перегрето до предела, все в избытке, как у человека, который, чтобы бежать быстрей, напился горячего пунша так, что чуть не лопается. Только следует договориться, что значит “долго”. Допустим, что сейчас это означает несколько часов.

- Но у нас еще пожар в парусном трюме!

- Ну и что! Там горит себе потихоньку, ведь герметические люки задраены.

- Горит и уголь…

- Значит, два пожара. Но корабль большой, и есть чему гореть!

- Поймите, мы совершенно как на вулкане!

- Плевать мне на вулкан. Я там был и прекрасно выбрался оттуда.

- Удивительный вы человек, мистер Тотор.

- Из-за пустяков не беспокоюсь!

Веселые голоса зазвучали на корме, и две подвижные тени появились среди клубов дыма, которые вырывались отовсюду.

К друзьям подбежали обе девушки, основательно отмытые, в легких платьях, со свежими, розовыми лицами и мило распущенными волосами.

Нелли, не обращая внимания, как и ее подруга, на вулкан, ревущий под ногами (Алекс не преувеличивал!), спросила:

- Ну как мы выглядим?

- Великолепно! - в один голос, убежденно ответили Алекс и Тотор.

- Прежде чем взорваться, поджариться или утонуть, мы решили привести себя в порядок, а не оставаться чумазыми, грязными и пропахшими дымом кочегарами “Моргана”, тем более что для нас это, вероятно, последняя возможность…

- О, мисс Нелли, что вы говорите!..

Металлический скрежет, сопровождающий два выстрела, заглушил голос парижанина.

Два снаряда почти одновременно попали в борт яхты, глухо взорвались где-то около машин, и те зловеще откликнулись всей своей массой.

Затем еще два и еще два - почти в то же место.

Остолбеневшие Тотор, Алекс и обе девушки инстинктивно отступили к планширу, в который вцепился Меринос.

Они видели пароход под черным флагом и тотчас поняли его цель и маневр. Наверняка бандиты не знали, что отважных пассажиров на “Моргане” так мало.

Видя, что машина работает, артиллерия ведет огонь, корабль маневрирует, они вообразили, будто на борту слаженный и опытный экипаж в полном составе.

Вот почему Дик Сеймур применил военную хитрость, уверенный, что “Морган” набит защитниками.

Присутствие на палубе пассажиров, которых он видел в бинокль, лишь подтвердило предположение.

Так что Дик Сеймур и не пытался взять корабль на абордаж. Он распорядился атаковать яхту с траверса* своей носовой частью, поставив ее перпендикулярно правому борту “Моргана”, и безжалостно расстреливать его из пушек, повредить машину, чтобы судно потеряло

управление, а затем потопить, подобрав из воды только тех, кто ему нужен. Снаряды сыпались дождем, дырявя обшивку, скручивая шпангоуты, пробивая борта, делая на уровне ватерлинии** смертельные пробоины, в которые потоками хлестала вода.

---

* Траверс - направление, перпендикулярное курсу судна.

** Ватерлиния - грузовая черта, по которую судно погружается в воду.

В машинном отделении всё сильнее разгорался пожар.

- Все, каюк машине! - закричал Тотор, сжимая кулаки.

Перестук мотора прекратился, исчезла кильватерная струя с ее длинным пенным следом. Цилиндры взорваны!

К облакам черного дыма, вырывавшимся из горящих трюмов, добавились вихри пара, бьющие с оглушительным свистом, который становился еще более пронзительным, встречая препятствие на своем пути.

”Морган” еще двигался по инерции, но все медленней, с внезапными толчками бортовой и килевой качки.

В носовой части, как и предполагал Алекс, горел парусный трюм. Но кто будет заботиться об этом втором пожаре, видя смертельную рану машины, можно сказать, сердца огромного организма, который уже агонизировал!

Юноши и девушки, герои и героини, отвага которых ни на миг не была поколеблена, удрученно наблюдали это страшное зрелище. Рухнула их последняя надежда. Больше рассчитывать не на что. Через несколько минут настанет конец. И какой ужасный конец! Или погибнуть в водовороте тонущего судна, или позволить спасти себя смертельному

врагу, беспощадному и изощренному палачу - Дику Сеймуру.

Столько трудов, столько сверхчеловеческих усилий и преодоленных опасностей… столько находчивости, храбрости и отваги, и все понапрасну!

Такая неудача в последний момент, удар слепой судьбы, неожиданная катастрофа всего в нескольких милях от голландской колонии, где несчастные нашли бы надежное убежище! Тотор и Алекс переглянулись, поняв друг друга без слов. Для них это означало немедленную и неумолимую смерть, если только Дик Сеймур не сохранит им на время жизнь для такой муки, сама мысль о которой заставит содрогнуться даже храбрейших!

Еще несколько пушечных выстрелов. Пять или шесть снарядов взорвались один за другим, затем наступила тишина. “Морган” остановился. В борту его зияла огромная пробоина. Море устремилось в нее мощным потоком, затопляя горящие трюмы, перегретые котлы, машинное отделение и вызвав новый взрыв, еще более мощный, чем первый.

Половина палубы взлетела на воздух; на ее месте зияла огромная, заполнившаяся водой яма, в которую с шипением ушли раскаленные металлические части и откуда торчали чудом сохранившиеся мачты.

Корабль тонул…

- Спасательные пояса! - закричал Алекс, пытаясь хотя бы последним усилием спасти девушек. Но поздно. Уже просто не было времени добежать до кают, где были пояса.

”Морган” завалился на левый борт, затем выпрямился, дал страшный крен вправо, снова выпрямился и разом пошел ко дну. Агония не длилась и двух минут!

Едва ли несчастные и отважные герои этой душераздирающей сцены успели осознать происходящее. Собравшись на корме, прижавшись друг к другу, они созерцали катастрофу, не произнося ни слова. Только короткие восклицания вырывались из их уст по мере того, как “Морган” неумолимо погружался в пучину.

Нелли инстинктивно прижалась к Тотору, а Мэри - к Алексу. Понимая, что это конец, они искали утешение в стойкости и привязанности преданных друзей.

- Тотор, друг мой, значит, все кончилось… мы погибнем! - шептала угасающим голосом Нелли. - О, это ужасно… умереть через несколько секунд! Я хотела бы жить долго… рядом с вами, всю жизнь… друг мой, дорогой мой друг!

Бесстрашный парижанин долго смотрел на нее с бесконечной нежностью и шептал:

- Я не смел надеяться, мисс Нелли… жизнь, которую мы, быть может, покинем, была бы сладостной рядом с вами.

- Вы говорите: “быть может”! На что же вы надеетесь?

- Пока дышу, надеюсь… до самого конца!

Вода уже омывала их ноги, волны перекатывались сквозь решетку у штурвала, где они стояли, прижавшись друг к другу.

- Алекс, спасите меня! - всхлипывала Мэри.

- Тотор, помогите! - приглушенно взывала Нелли.

Гарри грозил кулаком черному флагу и цедил сквозь стиснутые зубы:

- Бандиты! Значит, я не смогу рассчитаться с вами!

Яхта уходила под воду.

Обычно, когда судно тонет, оно на некоторое время застывает на воде, пока внутреннее давление воздуха не продавит палубу. Но взрыв машины сорвал половину спардека, и в короткой агонии “Моргана” не было даже такой отсрочки.

Молодые люди знали, что там, где море поглощает корабль, образуется ужасный водоворот, смертельно опасный водяной вихрь, который увлекает на головокружительную глубину потерпевших кораблекрушение и даже

лодки, которые не смогли вовремя отойти.

Во что бы то ни стало избежать этого!

- На мачты! - закричал Алекс срывающимся голосом. - На мачты, и держитесь за них!

Поддерживая Мэри левой рукой и загребая правой, он подплыл к оттяжкам фок-мачты. Тотор таким же образом подхватил Нелли и последовал за боцманом, а Меринос мастерски плыл саженками за ними.

Несчастные цеплялись за выбленки* на вантах**, но яхта погружалась так быстро, что им едва удавалось пальцами перехватить частые веревочные ступени.

---

* Выбленки - прикрепленные к вантам веревочные перекладины, по которым моряки поднимаются на мачту.

** Ванты - растяжки, снасти, которыми укрепляются мачты и другой такелаж судна.

Палуба исчезла. Под ними только коварное, злобное море с губительным вращением его возмущенных вод.

- Держитесь! Держитесь что есть силы! - опять закричал Алекс.

Они ощущали круговое движение, которое затягивало их в водоворот, на дно вращающейся воронки, и цеплялись с отчаянием утопающих.

Понемногу водоворот замедлился, исчез его пенный край, море вновь стало спокойным и прозрачным.

Огромная масса корабля все еще опускалась. Мачты погружались прямо

в светлые воды, сквозь которые с необыкновенной четкостью были видны мельчайшие детали затонувшего судна.

Вода уже достигла гафеля*, на котором крепился большой парус. Останки “Моргана” ушли на глубину тридцать метров.

---

* Гафель - закрепленная нижним концом на верхней части мачты наклонная перекладина (рей), к которой крепится верхний край косого паруса.

Прижимая подругу к груди, Тотор нежно говорил:

- Расслабьтесь, мисс Нелли, не напрягайтесь и, главное, не бойтесь.

- С вами, Тотор, я ничего не боюсь.

- Не мешает ли вам одежда?

- Нет, а к тому же я хорошо плаваю и, когда вы меня поддерживаете, совсем не устаю.

Все пятеро ухватились за гафель - тяжелую рею, которая под влиянием водоворота медленно описывала полукруг. Прошло полминуты, и она тоже погрузилась в воду. Никакой опоры не осталось. Как в дурном сне, они зависли над зияющей бездной! Не видно уже было и вант. Остались тонкие фалы* из гальванизированной** железной проволоки, удерживавшие верхушку мачты. Тотор и Алекс висели на них, а Меринос схватился за провод громоотвода. В метре над ними еще высовывались из воды клотик и сам громоотвод.

---

* Фалы - снасть для подъема парусов, а также веревки, на которых подымаются флаги.

** Гальванизированная проволока. - Здесь: железная проволока, покрытая слоем другого металла, не ржавеющего.

И это все, что осталось от “Моргана”?

Терпящие бедствие ощутили легкий толчок. Затонувший корабль больше не опускался. Киль натолкнулся на дно.

- Уф! Давно пора! - сказал Тотор. - Оказывается, не так это весело - не сходя с места подниматься по мачте, которая уходит в глубину!

Фалы образовали с вершиной мачты острый угол, поэтому юноши и обе девушки оказались рядом, на расстоянии вытянутой руки, а Гарри, чтобы дать им место, зажал между ног громоотвод и уселся на клотик.

Только представьте себе этих пятерых несчастных, вцепившихся в жалкие остатки корабля, ежеминутно накрываемые зыбью!

Со стороны открытого моря с шумом катила волна. Меринос, едва высовывавшийся из воды, увидев ее приближение, закричал:

- Внимание!.. Держитесь!

Тотор и Алекс, Нелли и Мэри изо всех сил вцепились в жесткие металлические жгуты, пока морская волна перекатывалась через них, ударила, волочила. Друзья отчаянно пытались удержаться. Наконец волна прокатилась над ними. Теперь - пятьдесят - шестьдесят секунд передышки.

Конечно, так не могло продолжаться долго. Мало-помалу пальцы начали затекать, руки деревенели, шеи болели.

Сколько же они еще продержатся? Полчаса? Четверть часа? Пять минут?

А дальше? На что надеяться?

Еще одна волна обрушилась на них…

- Тотор, все кончено… Тотор!

Нелли почувствовала, как фал ускользает из ее рук. Она обратила последний призыв к своем другу, который и сам чувствовал себя скверно.

У Мериноса, конвульсивно сжимавшего железный стержень, уже не было сил, чтобы предупреждать об опасности. Алекс хрипел, а Мэри задыхалась.

Храбрецам пришел конец! По крайней мере, они сами так считали, когда до их ушей донесся скрип уключин. Затем суровый голос скомандовал:

- Стоп! Осторожней, ребята, осторожней!

Грубые руки схватили их, и тот же голос радостно сообщил:

- Кажется, в самое время поспели! Чисто сработано. Дик Сеймур будет доволен!

ГЛАВА 9

Умирающий Тотор. - Подъем на судно. - Оскорбления. - Возмущение. - Воскресение. - Японский удар. - За борт. - Убедительная речь. - Торпедные катера. - Тот, кого не ждали. - Необходимые объяснения. - Постскриптум.

В тот момент, когда они должны были пойти ко дну, терпящих бедствие оторвали от ненадежной опоры, в которую судорожно вцепились их руки, и мокрых, теряющих сознание, положили на дно шлюпки, спинами к борту.

- Весла на воду! - скомандовал суровый голос.

Под ритмичный скрип уключин шлюпка поплыла к стоящему в двух-трех кабельтовых судну под черным флагом.

Странное дело, именно Тотор, несомненно самый крепкий и выносливый, казалось, изнемог больше всех. Взгляд его бессмысленно блуждал, он безвольно перекатывался между Нелли и Гарри, которые поддерживали его и старались подбодрить.

- Тотор, друг мой, - упрашивал Гарри, - ну что ты, держись! Что с тобой? Скажи хоть слово, прошу тебя!

- Тотор, дорогой, - шептала Нелли, - что с вами? Ответьте мне! Посмотрите на меня! Вы меня пугаете!

Веки парижанина были полузакрыты, он, похоже, ничего не видел. Голова бессильно моталась на плечах, дыхание стало прерывистым. Казалось, он впал в беспамятство.

Вдруг Алекс схватил руку Мэри и сжал ее. Он смотрел на приближающийся корабль. Невнятное проклятие сорвалось с его губ и заставило вздрогнуть девушку.

О ужас! Четверо повешенных мрачно раскачивались на реях при каждом ударе волны.

Молчаливые до сих пор гребцы злобно рассмеялись, а старший сказал с жестокой иронией:

- Видишь, Алекс… это предатели. Найдется и для тебя местечко, чтобы подсохнуть на солнышке вместе с ними.

Боцман презрительно пожал плечами, обменялся с подругой нежным пожатием рук и не удостоил бандита ответом.

Шлюпка пристала к судну. С правого борта спустили трап, нижняя площадка которого касалась воды.

- Причаливай к трапу! - послышался повелительный голос, резкий тембр

которого потерпевшие кораблекрушение узнали сразу.

- God bless! Мистер Гарри, сам негодяй Дик принимает нас. Хорошего мало!

Все это время Тотор находился в странной прострации, что немало тревожило друзей.

Напрасно Меринос звал его и пытался приподнять. Тотор вновь тяжело падал на дно шлюпки, будто рессоры железного организма внезапно лопнули.

Несчастный молчал, ничего не видел и не слышал.

Крупные слезы жемчужинами катились из глаз Нелли. Она смачивала платок морской водой и мягко отирала лоб и щеки больного друга.

- Поднимайтесь! Или я заставлю вас силой! - высокомерно приказал Дик Сеймур.

- Я не позволю кому бы то ни было прикоснуться к нему! - решительно сказала девушка. - Гарри, давай понесем его сами!

- Да, конечно, понесем. Бедный Тотор!

Хотя сил почти не было и мешала мокрая одежда, брат и сестра взяли Тотора под руки и по крутым ступенькам втащили на палубу.

Алекс поднялся вслед за ними, держа под руку Мэри, которая тихо плакала и дрожала от ужаса при виде повешенных.

Их встретили на борту грубым смехом и отвратительными криками.

- Молчать, гром и молния! Молчать! - вопил Дик. Закую в кандалы первого, кто осмелится вякнуть!

Из последних сил Меринос и Нелли добрались до парапета и усадили Тотора. Дик смотрел на него с невыразимой ненавистью. Подойдя ближе, он сухим, шипящим голосом бросил полные ненависти и презрения слова:

- Ба, Тотор! В самом деле! Тот самый, которого я замуровал, опять здесь! Глазам своим не верю! Значит, он в моей власти, этот бахвал, фанфарон, мерзкий недоносок, от которого мне пришлось натерпеться… неплохо будет расквитаться, нарезав лохмотьев из его шкуры, высосав кровь каплю за каплей! Но, кажется, он в агонии! Он хочет лишить меня возможности отомстить, сдохнув на моих глазах?

Дик яростно ударил Тотора ногой по ляжке и добавил, скрипя зубами:

- Ну-ка вставай, притворщик!

Тотор не пошевелился. Но Нелли, храбро встав между бандитом и своим другом, возмущенно закричала:

- Трус! Тот, кто бьет умирающего врага, - трус!

- Да, трус! - подхватил Гарри. - Если есть что-то достойное уважение для кого бы то ни было, это мужество! Мужество Тотора имеет право на уважение, и прежде всего ваше, Дик Сеймур! Вы об этом забыли, значит, еще более бесчестны, чем я предполагал! Вы не джентльмен!

Около тридцати вооруженных до зубов негодяев окружили молодого человека. Его гневный протест произвел впечатление разорвавшейся бомбы; раздался ропот одобрения.

В отличие от главаря, подлого негодяя, не знающего благородства, у пиратов еще сохранились остатки совести, что-то отзывающееся на слова: отвага и честь.

- Молчать! - завопил Дик. - А вы, мой петушок, - насмешливо обратился он к Мериносу, - рассуждаете хорошо, да слишком много. И вам, курочка, пора забыть о замашках принцессы. Сегодня тринадцатый день… Пришел срок, а отец не захотел выкупить вас. Он предпочел войну до победного конца, беспощадную войну! Даже подкупил моих людей… - Картинным жестом он указал на повешенных. - Вот как я поступаю с предателями! Ты меня слышишь, Алекс? Но это еще не все, я окружен кораблями, нанятыми королем шерсти… Глупец! Как будто ваше присутствие здесь не лучшая гарантия для меня!.. Пора кончать! Раз мне бросают вызов, придется прежде всего предъявить Сиднею Стоуну голову его сына, а завтра - его дочери!

Повернувшись к своим, презренный бандит проговорил зловещим тоном:

- Вы знаете, что нужно делать. Выполняйте!

Пираты мгновенно набросились на несчастных, схватили Нелли, Мэри, Алекса, Мериноса и скрутили их так, что те не могли даже пошевелиться.

Дик, зловеще улыбаясь, подошел к недвижному Тотору. Глаза юноши были закрыты, рот полуоткрыт, а тело - как бесформенная масса без костей.

Бандит склонился над ним и насмешливо крикнул:

- Эй, Тотор! Прославленный Тотор!

И вдруг - о чудо! - умирающий воскрес и мигом вскочил на ноги! Глаза его сверкали.

- К вашим услугам! - насмешливо бросил он.

Ошеломленный Дик выпрямился, отступил и схватился за оружие, но поздно. Правая ладонь Тотора со свистом рассекла воздух и ударила горизонтально ребром по горлу.

Короткий удар под подбородок, как раз на уровне адамова яблока. Удар точный, страшной силы, смертельный!

Дик произнес короткое “Ах!”, глаза его закрылись, руки бессильно упали, ноги подкосились, и он тяжело рухнул на палубу.

В ту же секунду Тотор прыгнул на обмякшее тело, схватил Дика под мышки и закричал:

- Малыш еще жив! А тебе, негодяй, тебе конец! Это японский удар, такого человеку не выдержать! Ты хотел поиграть в кегли головой Мериноса, а теперь акулы будут обгладывать твой жалкий костяк!

Мощным усилием он поднял труп, швырнул его за борт и закричал вдогонку:

- Эй, внизу, поберегись!

Плюх! - и все было кончено. Пират пошел ко дну.

Эта неслыханная сцена заняла куда меньше времени, чем ее описание. Ошеломленные пираты не могли поверить собственным глазам.

Вот это новость! Дика Сеймура больше нет! Король воров, гениальный и чудовищный бандит, перед которым дрожали даже храбрецы, самые богатые и самые сильные, погиб в короткой схватке!

Он, который устрашал две большие страны, с которым считались главы могущественных государств, убит одним ударом и выброшен за борт, как дохлая кошка!

Пираты, столь внезапно лишившись главаря, растерялись.

Весь разношерстный люд, который порабощала, дисциплинировала и гнула одна железная рука, вдруг оказался свободен. У этих людей, принужденных к слепому послушанию, привыкших не думать, родилось смутное опасение, которое они еще не осмеливались высказать: “Что с нами будет”? Однако это народ буйный, непредсказуемый, кровожадный, и естественная мысль отомстить за главаря также возникла в их головах. Яростный крик вырвался из многих глоток:

- Смерть ему! Отомстим за Дика Сеймура!

Послышалось бряцание оружие, пираты стали наступать на Тотора, который гордо выпрямился и уже не казался малорослым перед лицом неистовой толпы, готовой убивать.

Он спокойно скрестил на груди руки и, не обращая внимания на сабли, топоры, револьверы, сделал три шага вперед.

Вопли смолкли, наступила напряженная тишина. Меринос, Алекс и девушки, встревоженные до глубины души, с трудом сдерживали крик. Стало очень тихо.

И вот перед безоружным юношей с бесстрашным взглядом светлых глаз убийцы опустили оружие! Правильно сказал Меринос: “Мужество внушает

уважение!”

Тотор глубоко вздохнул, выдержал паузу и твердым голосом произнес:

- Нет, джентльмены, вы меня не убьете! Это было бы слишком трусливо. Да, трусливо, а еще несправедливо и, главное, бесполезно! Тридцать на одного, да еще безоружного! Весь свет будет осмеивать и презирать вас! Вы получите плохую прессу в обоих полушариях, прямо-таки скверную, это уж точно! И не говорите, что вам все равно. С такими вещами не шутят! А вообще-то, в чем вы меня можете упрекнуть? Что я защищался? Но кто из вас не поступил бы точно так же? Разве мужчина не должен бороться за свою жизнь? Дик Сеймур напал на меня, собирался убить… Но убил его я. Тем хуже для него, не так ли? А это доказывает, что вашего главаря, знаменитого дельца, сильно перехвалили, раз его оказалось так просто устранить!.. А потом, уж между нами, признайтесь откровенно, вы, по сути дела, рады, что отделались от него. Он принуждал вас жить как на каторге, управлял вами палкой, платил мало и редко, обращался с вами как с собаками. Я-то его знаю, и никто из вас не скажет, что это неправда. Теперь, когда хозяин сгинул, вы оказались в затруднительном положении - придется пожинать плоды… ну, скажем, иногда долгих, часто трудных и всегда опасных затей…

С первых слов удивительный молодой человек с феноменальной самоуверенностью завладел вниманием бродяг.

Держась спокойно, говоря просто, не претендуя на высокопарное красноречие, он заставил пиратов слушать себя.

Парижанин явно преследовал какую-то цель. Успокоившийся Меринос спрашивал себя: “Куда же это он гнет?”

- Да, джентльмены, - продолжал Тотор, - вам предоставляется уникальная, замечательная возможность приобрести, illico* солидный, прочный достаток. Что бы вы сказали тому, кто, например, предложит каждому из вас кругленькую сумму в двадцать тысяч долларов? Подумайте хорошенько, отвечайте не торопясь… Или, пожалуй, нет! Нечего ломать себе голову, отвечайте сразу…

---

* Тотчас же, немедленно (лат.).

- Да, да, мы согласны! - послышались хриплые голоса пришедших в восторг пиратов.

- В добрый час!

- А что нужно для этого сделать? - спросил один из мечтателей о чудовищной пьянке. - Если даже каждому придется прикончить человек двадцать…

- Гром и молния! Да никого не нужно приканчивать! - прервал его Тотор. - Убивать - это уже вышло из моды. Нужно просто оставить в живых тех, кого покойник Дик приговорил к смерти, то есть нас пятерых.

- Можем договориться! Но кто подтвердит ваше обещание?

- Я! - сказал Меринос, выступая вперед.

- Мы! - решительно подтвердила Нелли, поднимая руку, как бы давая торжественную клятву.

- Черт возьми, если бы вы еще поклялись, что забудете наши прежние проделки… даже самые рискованные… Вы понимаете?

- Да, да, договорились! Дело кончено… Рассчитываем на вас.

- Можете на нас рассчитывать. Приказывайте!

- Прежде всего спустите черный флаг. Это всего лишь пугало для ворон, но может повлечь неприятности. И замените-ка его американским.

- Сию минуту!

- Снимите с рей несчастных, которые были вашими товарищами, и

достойно похороните их, как моряков.

- Хорошо, мы этим займемся.

- А теперь будет справедливо, если Алекс возьмет на себя командование кораблем и поведет его в цивилизованную страну.

- Правильно!

- Тогда, капитан Алекс, вступайте в свои права.

В эту минуту зловещий кусок черной ткани, как смертельно раненный гигантский ворон, упал на палубу, а освещенный солнцем американский флаг взвился на мачту. Будто приветствуя его, в море раздался пушечный выстрел. Все вздрогнули от неожиданности, но пираты тут же вспомнили слова Дика Сеймура “Я окружен!”

Раздался крик:

- Корабль по левому борту!

Низкобортный, удлиненный как акула, торпедный катер серо-синего цвета, почти сливающийся с волнами, возник неизвестно откуда. Вспарывая волны на скорости в тридцать узлов*, он мчался к пароходу, который троекратно приветствовал его при помощи флага.

---

* Пятьдесят пять с половиной километров. (Примеч. авт.)

Это с него только что стреляли!

- Корабль по правому борту! - снова прокричал сигнальщик.

Второй торпедный катер возник с противоположной стороны и

направился к мелким судам флотилии, которые плыли к пароходу, как утята к матери.

Третий и четвертый торпедные катера появились одновременно, блокируя флотилию Дика Сеймура.

Наконец на горизонте вырисовался внушительный силуэт одного из лучших кораблей военно-морского флота - эскадренного миноносца.

Над всеми пятью реял британский флаг.

- Ну, как, - спокойно спросил Тотор членов экипажа, - попали в клещи?

- Но наш уговор в силе, не так ли?

- Конечно, тем более сейчас! Деньги и амнистия. Правильно, Нелли? Правильно, Меринос? Мы дали слово и сдержим его.

Пока шли переговоры, торпедные катера оставались невдалеке.

Один из них спустил на воду вельбот, где разместились шестеро гребцов, четверо вооруженных матросов, офицер и один штатский. Вельбот подошел на веслах и причалил. Первым поднялся офицер, за ним - штатский в сопровождении четверых моряков.

Меринос, Тотор, Алекс и Мэри бросились к трапу, чтобы встретить их, пираты на всякий случай отступили.

Раздались возгласы удивления, счастья, бешеной радости:

- Отец!..

- О, мистер Стоун!..

- Отец!.. Это мы и уже свободны!

Да, пассажир оказался самим королем шерсти! Он побледнел и протянул руки к недавним пленникам.

- Дети мои!.. Дорогие мои… О, я уже не надеялся вас увидеть!

Эпилог

После радостных объятий незнакомых быстро представили друг другу. Бывшие пленники тут же покинули пароход. Торпедный катер отвез их на миноносец, однако только после того, как король шерсти подтвердил обещание, данное пиратам его детьми и Тотором.

Оказавшись в безопасности на военном корабле, они наговорились всласть.

Прежде всего дети Сиднея Стоуна узнали о переговорах между их отцом и Диком Сеймуром относительно выкупа.

Несмотря на все старания, непрестанные хлопоты и отчаянные мольбы, королю шерсти не удалось собрать огромную сумму, которую требовал пират. Стоун сильно подорвал свой кредит и чуть не разорился, ничего не достигнув.

А неумолимый Дик Сеймур и слышать не хотел об отсрочке!

Час от часу все более опасаясь за жизнь своих детей, король шерсти обратился за помощью к правительству. Оно и предоставило в его распоряжение корабли военно-морских баз этого региона.

Великолепно организованный поиск был проведен с молниеносной быстротой. Тем не менее помощь опоздала бы, если бы Тотор, притворившись умирающим, не прикончил Дика Сеймура прекрасным ударом джиу-джитсу, которому его научил отец, знаменитый Фрике.

Потом Тотор и Гарри рассказали о своих приключениях, крайне изумив офицеров миноносца, - а ведь англичане мало чему удивляются.

Нечего и говорить, что офицеры высоко оценили героизм и выдержку юношей: они и сами любили спорт и рискованные путешествия в неизведанное.

Через две недели “Man-of-War” уже входил в Сидней, и Тотор добавил в длинном письме, адресованном родителям, следующий постскриптум:

”Я обласкан семьей Стоунов так, будто я дома, с тобой, самым замечательным из отцов, и с тобой, мама, самой чудесной из матерей.

Меня не хотят отпускать под предлогом опасений за мою драгоценную персону во время долгого плавания. Но клянусь вам, я не скучаю!

Подчиняюсь тем более охотно, что вскоре мы должны отплыть все вместе в Америку. Это мне по дороге, совершу виток вокруг шарика.

А потом меня, все в этой же компании, собираются отвезти во Францию! Вы понимаете, что я подчиняюсь, потому что для меня это отличный способ вернуться к вам, дорогие родители. Всем сердцем - с вами. Любящий вас

Тотор”.

Конец